

КУБАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ФАКУЛЬТЕТ РОМАНО-ГЕРМАНСКОЙ ФИЛОЛОГИИ

К 80-летию факультета РГФ

**МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ
АСПЕКТЫ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЙ**

Сборник научных трудов

Книга 11

Краснодар
2017

УДК 378 + 82
ББК 81+60.5+20.1+67.4
М 43

Научные редакторы:
проф. В.И. Тхорик, проф. В.В. Катермина,
к.ф.н. А.М. Прима

М 43 Междисциплинарные аспекты лингвистических исследований:
сб. научных трудов. Книга 11. – Краснодар: Кубанский государственный университет; Просвещение-Юг, 2017. – 168 с. 500 экз.
ISBN 978-5-93491-732-7

Сборник научных трудов отражает круг интересов ученых, который на современном этапе развития лингвистики находится в области интегративного знания. Междисциплинарный подход, характеризующий единство гуманитарной области – лингвистики, литературоведения, философии, психологии, подчеркивает тенденцию, способствующую целостному анализу изучаемых объектов. В сборник вошли статьи общего и частного характера, теоретической и прикладной направленности.

Адресуется филологам, студентам, аспирантам, преподавателям гуманитарных дисциплин.

Лицензионный договор № 2983-10/2015К от 27.10.2015 г. с Научной Электронной Библиотекой для включения в РИНЦ.

УДК 378 + 82
ББК 81+60.5+20.1+67.4

ISBN 978-5-93491-732-7

© Коллектив авторов, 2017
© Кубанский государственный университет, 2017

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Бодоньи М.А.</i> К вопросу о типологии оценок продуктов иноязычной речевой деятельности	5
<i>Волошин Ю.К.</i> Импорт арабизмов в английский язык	10
<i>Гайдуков В.Г.</i> Достижение эквивалентности при переводе текстов по менеджменту и кросскультуре	14
<i>Голубцов С.А.</i> Слушание/говорение: проблема доминирования в успешной коммуникации	21
<i>Гонца С.И.</i> «Гамлет» У. Шекспира и мультипликационный фильм «Король Лев»: интертекстуальные связи	27
<i>Грушевская Е.С.</i> Языковая личность как доминанта дискурса и стержень текстового произведения	32
<i>Грушевская Т.М., Винник Ю.В.</i> Оценка как доминанта политического газетного текста	37
<i>Дармодехин С.В.</i> Немецкие переселенцы в кубанской области	42
<i>Дармодехина А.Н.</i> Символы в поэтике Теда Хьюза	47
<i>Дубинина И.А., Зеленская В.В.</i> Функционирование зоометафорических эмоционально-оценочных клише в художественном тексте (на материале романа С.-Г. Колетт «Клодина в школе»)	53
<i>Иванова К.А.</i> Экономический дискурс и экономический текст: специфика понятий	58
<i>Королев И.О.</i> Теоретические аспекты классификации и определения терминологических элементов и терминосистем в рамках основных научных подходов	63
<i>Короткова М.О.</i> Художественный текст как коммуникативное пространство	69
<i>Котик О.В., Письменная Н.Я., Алешикина Д.А.</i> К вопросу об этимологии химических терминов: новые названия элементов	74
<i>Лавхаева Г.А.</i> Диалог в художественном произведении. Особенности перевода диалога в художественном произведении с английского языка на русский	82
<i>Молдованова Л.И., Рябов В.Н.</i> Слова, структурированные не по общим правилам русского слово- и формообразования в рассказе А.М.Горького «Страсти-мордасти» и повести «Детство»	86
<i>Назаренко И.А.</i> К вопросу о сущности языкового функционирования	93

<i>Нечай Ю.П., Шишкина В.Г.</i> Прагматика реализаций языковой и речевой экспрессивности.....	99
<i>Панченко А.С., Сидорков С.В.</i> Особенности функционирования паремий в детективном дискурсе.....	107
<i>Письменная Н.Я., Котик О.В., Лоза В.И.</i> Владение риторическими навыками – необходимое условие для преподавателя высшей школы.....	112
<i>Подольяк Е.А.</i> Об особенностях перевода богохульств и этнофолизмов в романе Э. Хемингуэя «Прощай, оружие!» на русский язык.....	117
<i>Сидоркова Г.Д., Широков Т.И.</i> Особенности функционирования некоторых модальных слов.....	121
<i>Сидорков С.В., Сидоркова Г.Д.</i> Полисемантическая предложной связи как один из типов синтаксической амбивалентной многозначности.....	127
<i>Сидорова Л.И., Тхорик В.И.</i> О выдающихся находках переводчиков художественной литературы отечественной школы перевода.....	132
<i>Сизонова Д.Ю.</i> Особенности перевода названий англоязычных фильмов.....	139
<i>Спачиль О.В.</i> Кубань в жизни и творчестве Е.Л. Маркова.....	143
<i>Фарапонова О.А.</i> Грамматические трансформации при переводе американской публицистики (на материале книги Ann Coulter “Guilty. Liberal “victims” and their assault on America”.....	150
<i>Хутыз И.П.</i> Порядок дискурса в академической коммуникации.....	156
<i>Шукишина О.В.</i> Зарубежная лингвистика о природе иронии.....	162

УДК 372.881.111

К ВОПРОСУ О ТИПОЛОГИИ ОЦЕНОК ПРОДУКТОВ ИНОЯЗЫЧНОЙ РЕЧЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

М.А. Бодонь

Кубанский государственный университет, Краснодар

Продуктивная иноязычная речевая деятельность является объектом оценки, рассматриваемой нами как процедура ее соотнесения с качественными показателями и требованиями. Сложность оценивания продуктов иноязычной речи связана с определением надежных и объективных инструментов достижения результата оценивания. Типология оценки предлагает их выбор в зависимости от целей и условий оценочной деятельности.

Ключевые слова: иноязычная письменная речь, продукты письма, оценка, оценивание, типы оценки, объективность оценки, надежность оценивания.

В отечественной методике обучения иностранным языкам в настоящее время наблюдается тенденция усиления внимания к продуктивным видам иноязычной речевой деятельности как объекту контроля. Действительно, продукты иноязычной речи, интегрирующие различные языковые аспекты и моделирующие естественные условия коммуникации, рассматриваются как рациональное средство оценки уровня сформированности иноязычной коммуникативной компетенции, т.е. тех способностей, которые обеспечивают взаимодействие на межкультурном уровне.

В нашем исследовании мы концентрируем внимание на проблеме оценивания письма как «сложной продуктивной аналитико-синтетической деятельности, связанной с порождением и фиксацией письменного текста» [1, с. 247]. Специфика письменной речи обуславливает многочисленные проблемы, возникающие в ходе ее оценивания и касающиеся, прежде всего, надежности используемых процедур, инструментов и получаемых на их основе результатов.

Так, например, сложность оценивания проявляется как следствие уникальности продуктов речи – высказываний, текстов, речевых сообщений в письменной форме. Как известно, «способ формирования и формулирования мысли посредством языка у каждого человека в процессе общения может существенно видоизменяться, определяя индивидуальную неповторимость высказывания» [2, с. 29]. Порождение речи можно сравнить с «весьма сложной игрой сложного речевого механизма человека в условиях конкретной обстановки данного момента» [4, с. 25]. Выражая собственные мысли, пишущий актуализирует многоуровневую систему языковых

средств (лексических, грамматических, синтаксических, орфографических, пунктуационных). Это определяет индивидуальный характер формирования и формулирования высказываний, основанный на уникальном выборе и сочетании языковых единиц. И как следствие, трудности применения квалиметрического инструментария для оценивания продуктов речевой деятельности, хотя, как известно, он и обладает высокой надежностью, а значит, обеспечивает объективность оценки. Действительно, квалиметрия не способна определить соответствие требуемому качеству тех аспектов письма, которые «объективируют, воплощают, материализуют психологическое содержание письменной речи, условия его протекания, а также особенности самого субъекта письма» [2, с. 58].

Рассматривая специфические сложности оценивания письменной речи, мы не можем не затронуть другой пласт проблем – так называемый, человеческий фактор, который проявляется в виде неточностей, несовпадающих суждений, ошибок, допускаемых экспертами, реализующими оценочную деятельность. Это обуславливает снижение надежности процедуры соотношения продуктов письменной речи с требованиями качества. Причины появления ошибочных результатов оценивания можно разделить на следующие группы:

- несовершенный уровень профессиональной подготовки;
- недостаточная степень информационного обеспечения;
- ошибки, вызванные внешними факторами;
- ошибки, вызванные физическим и психологическим состоянием и свойствами;
- ограниченность ресурсов поддержки и реализации оценочной деятельности.

Очевидно, что указанные выше проблемы – это те затруднения, препятствия, которые выявляются уже при первичном, поверхностном ознакомлении с процессом оценивания и факторами, влияющими на недостаточную надежность его результатов. На них, например, часто указывают практики – эксперты, оценивающие письменные работы обучающихся во время экзаменов для разных уровней обучения. Представляется ясным, что оценочная деятельность имеет гораздо более сложную структуру. Неоднородность оценочных функций, инструментов и процедур накладывает отпечаток на достижение объективных показателей, а специфика предмета оценивания является дополнительным фактором, осложняющим результативность деятельности в терминах качества и объективности.

Системный подход к оцениванию продуктов иноязычной письменной речи требует учета многообразных факторов, влияющих на процесс оценивания. Данные факторы обуславливают обращение к тому или иному типу оценки, используемому или учителем, или экспертом-оценщиком. В их основе лежат конкретные цели, на которые ориентирована оценочная

процедура, и они дифференцируются посредством условий реализации оценочной деятельности. К типам оценивания относятся:

- оценка усвоение / оценка владения;
- соотнесение с нормами / соотнесение с критериями;
- оценка владения, соотнесенная с критериями / спектр-оценка;
- промежуточная оценка / итоговая оценка;
- формативная оценка / суммарная оценка;
- непосредственная оценка / косвенная оценка;
- оценка речевого поведения / оценка лингвистической компетенции;
- субъективная оценка / объективная оценка;
- определение уровня учащегося по контрольному листку самооценки / определение уровня учащегося по речевому поведению;
- оценка-впечатление / направленное суждение;
- общая оценка / аналитическая оценка;
- серийная оценка / категориальная оценка;
- внешняя оценка / самооценка [3].

Рассмотрим данные типы оценок подробно применительно к оцениванию продуктивной письменной речи.

Оценка усвоения направлена на проверку степени сформированности умений в области письменной речи в рамках учебного курса, она показывает, насколько освоен учебный материал учащимися, и какие пробелы имеются. Например, если в течение определенного периода времени обучающиеся работали над личным письмом, оценка усвоения может показать уровень сформированности умений составления личного письма. Оценка владения не связана с конкретным учебным курсом, она показывает уровень сформированности коммуникативных умений вообще, в том числе и в области письменной речи. Как отмечается авторами монографии «Общеввропейские компетенции владения иностранным языком...», «в коммуникативном тестировании при обучении и изучении, ориентированном на потребности учащегося, различие между усвоением и владением должно быть минимальным» [3, с.179].

Нормативное и критериальное оценивание разграничивается на основе сопоставления результатов в рамках группы тестируемых учащихся/класса/ демографической группы и посредством анализа коммуникативных способностей по горизонтали (спектр умений) и вертикали (области владения). Критериальное оценивание позволяет установить соответствие принятому стандарту владения иноязычной коммуникативной компетенции и идентифицировать пробелы в знаниях.

Оценка владения, соотнесенная с критериями, позволяет выделить две группы обучающихся: тех, кто овладел коммуникативными умениями, составляющими минимальный стандарт обучения, и тех, кто не достиг требуемого минимального порога в соответствии с результатами оценивания. Специфика данного типа оценивания заключается в том, что она не учитывает качественных характеристик сформированных коммуникативных умений, а

определяет только факт их наличия. Спектр-оценка принимает во внимание индивидуальные способности учащихся, а также комплекс умений, требующийся для решения коммуникативной задачи. Как видим, это качественный подход к определению соответствия критериям оценивания.

Промежуточная и итоговая оценки дифференцируются относительно времени и частотности их применения, а также содержания, лежащего в основе контрольно-измерительных материалов. Диагностика уровня сформированности иноязычных умений, проводимая на промежуточном и итоговом уровне, имеет различные цели, что также может быть существенным для определения оценочных процедур.

Формативная оценка представляет собой процесс постоянного сбора информации об изучении языка учащимися, что в действительности положительно влияет на улучшение качества учебного процесса. Суммарная оценка, выставляемая в конце курса, представляет собой средний балл оценки по успеваемости и итоговой оценки.

Непосредственная оценка проводится на основе наблюдения за коммуникативным поведением обучающихся и его соотнесения с соответствующими критериями. Косвенная оценка направлена на контроль умений, которые невозможно оценить в прямой форме, например, понимание текстов при чтении. Как правило, для продуктов иноязычной речевой деятельности используется непосредственная оценка.

Оценка речевого поведения ориентирована на практическое использование изучаемого языка, что соотносится с речевыми компонентами коммуникативной компетенции. Оценка лингвистической компетенции предполагает соотнесение уровня сформированности умений использовать языковые средства.

Субъективная и объективная типы оценки – сложные вопросы, так как для достижения объективности важно предусмотреть специальные процедуры, обеспечивающие надежность и валидность контрольно-измерительных материалов и повышающих уровень оценочной деятельности экспертов. Субъективная оценка основывается на мнении оценивающего о качествах речевого поведения учащегося. Объективная оценка определяется на основе соответствия критериальной базе, и, как уже отмечалось выше, достижение объективности в ходе оценивания продуктов письменной речи представляет достаточную сложность.

К способам снижения субъективности оценки можно отнести следующие процедуры:

- разработка спецификации содержания оценочного материала;
- использование совместных решений по поводу выбора материала и/или при оценке;
- применение стандартных форм и способов оценки;
- разработка единых ответов ключей для косвенных тестов и основывать решения при оценке непосредственных тестов на установленных конкретных критериях;

- требование многократности вынесения суждений и учета разнообразных факторов;

- обучение экспертов-оценщиков;

- проверка качества процесса оценки (валидности, надежности) с помощью анализа оценочного материала [3].

Оценивание также может быть разграничено относительно средств, используемых для демонстрации степени развития коммуникативных способностей учащихся. Это может быть оценивание на основе шкалы уровней, которое определяет место обучающегося в уровне системы и динамику его продвижения. Оценивание уровня учащегося по листку контроля основано на учете учебного материала, пройденного учеником.

Оценка-впечатление всегда субъективна, она не ориентирована на учет критериев – это субъективное мнение преподавателя о степени успешности речевого поведения, основанное только на личном мнении. Направленное суждение опирается на критерии, которые лежат в основе оценки, что ведет к повышению логичности выставления оценок и объективности процедуры контроля в текущем учебном процессе.

Общая оценка определяется на основе обобщающего суждения о степени качества коммуникативных умений, часто она формулируется в результате интуитивных предположений оценщика. Аналитическая оценка предполагает выявление отдельных аспектов – показателей качества продуктов речи и их рассмотрение.

Серийная оценка ставится при выполнении ряда изолированных оценочных заданий в рамках серии, как правило, они направлены на оценку определенных коммуникативных умений. На основе серийных оценок определяется категориальная оценка как их сумма.

Внешняя оценка проводится учителем или экзаменатором, самооценка предполагает самостоятельный анализ учащимся собственного уровня владения иностранным языком.

Таким образом, рассмотрение типов оценок свидетельствует о разнообразии функций оценочной деятельности в процессе обучения иностранному языку и письменной речи. Применение того или иного типа находится в зависимости от целей, выдвигаемых к оцениванию. Следует подчеркнуть особую роль объективности при использовании того или иного типа оценки, что достигается посредством разработки и применения специальных мер, повышающих надежность и валидность контрольно-измерительных материалов.

Список литературы

1. Гальскова Н.Д., Гез Н.И. Теория обучения иностранным языкам. Лингводидактика и методика: учеб. пособие для студ. лингв. ун-тов и фак. ин. яз. высш. пед. учеб. заведений. М.: Академия, 2006. 336 с.

2. Зимняя И.А. Психологические аспекты обучения говорению на иностранном языке. М.: Просвещение, 1985. 160 с.

3. Общеввропейские компетенции владения иностранным языком: Изучение, преподавание, оценка. М.: МГЛУ, 2003. 256 с.

4. Шерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. О трояком аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании. М.: Едиториал УРСС, 2004. 432 с.

THE ISSUE OF WRITTEN SPEECH ASSESSMENT TYPOLOGY

M.A. Bodony

Kuban State University, Krasnodar

Productive foreign language speech is the object of evaluation which is based on the procedure of its correlation with quality characteristics and requirements. The complexity of the assessment of foreign speech products is related to the search of reliable and objective assessment tools to achieve results of evaluation. The typology of evaluation offers their choice depending on the purpose and conditions of the evaluation activities.

Index Terms: foreign language written speech, products of writing, evaluation, assessment, types of assessment, objectivity of assessment, reliability of assessment.

Об авторе:

Бодонь Марина Алексеевна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры английского языка в профессиональной сфере Кубанского государственного университета; e-mail: m.bodony@mail.ru

УДК 811.111

ИМПОРТ АРАБИЗМОВ В АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК

Ю.К. Волошин

Кубанский государственный университет, Краснодар

В статье рассматривается импорт арабских лексических единиц в английский язык и их использование в различных языковых жанрах.

Ключевые слова: арабизмы, языковые контакты, заимствование, язык-донор, язык-реципиент, экзоглосные отношения.

Мир тесен, и всё в нём взаимосвязано и взаимозависимо. В процессе функционирования и развития естественный язык активно взаимодействует с другими языками, в результате чего один язык берёт у другого морфемы, лексические и фразеологические единицы, постепенно делая их своими (или отвергая их). Это характерно для такой динамической лексико-семантической системы, какой является английский язык, будь то британский или американский вариант английского. Английский язык заимствует языковые единицы из французского, японского, испанского, русского, из языков Азии, Африки, Европы и т.д.

В современной лингвистике достаточно широко используется термин «языковые контакты», скорее всего в результате влияния книги У. Вайнрайха «Языковые контакты» [3]. При анализе языковых контактов обычно различают два типа контактирующих языков: язык-донор – источник влияния и язык-реципиент, в котором это явление наблюдается [7].

В данном случае речь пойдёт об импорте лексических единиц из арабского языка в английский. Этот аспект привлекает внимание лингвистов на материале и других языков [6]. При определении языковой ситуации исходят из того, что она в этом ракурсе складывается из межъязыковых отношений, т.е. отношений между языком-донором и языком-реципиентом, и в этом случае речь идёт об экзоглосных отношениях.

Арабский язык – один из языков семитской группы, в настоящее время один из пяти рабочих языков в ООН, седьмой по степени распространённости в мире.

Известны арабские завоевания в середине 7 – начала 9 вв., завершившиеся завоеванием стран Ближнего и Среднего Востока, Северной Африки, Юго-Западной Европы. В ходе арабских завоеваний был создан Халифат – феодально-теократическое государство. Взаимопроникновение элементов культуры арабов и культуры народов завоёванных стран привело к складыванию средневековой арабской культуры [9]. Арабская культура, как, впрочем, и любая другая, обладает высокой самостоятельной ценностью. Самый большой вклад арабы внесли в науки и философию [4].

Живой язык не находится в полной изоляции, народы занимают торговлей с другими государствами. Люди путешествуют, возникают дипломатические, военные, коммерческие, культурные, научные и др. контакты между странами и народами. В процессе межкультурных связей имеет место соприкосновение и взаимодействие языков, что, в свою очередь, приводит к заимствованию лексических и фразеологических единиц из одного языка в другой.

Английский язык не является исключением в этом плане. В разное время в силу разных причин и условий – среди которых колонизация ряда арабских стран – в лексикографических справочниках англосаксов появились такие арабские лексические единицы как *Saffron*, *mattress*, *admiral*, *haz-*

ard, cotton, henna, camphor, alembic, alchemy, elixir, alkali, zenith, almanac, zenith, azimuth, cipher, gismo, syrup, antimony, alcoran, mosque, sumac, bedoin, rebec, sash, algebra, monsoon, arsenal, assassin, jar, alcohol, apricot, giraffe, hashish, coffee, sirocco, fakir, emir, sherbet, alcove, sofa, harem, gazelle, minaret, zero, albatross, Allah, houri, magazine, genie, ghou, candy, jihad, safari, tariff, café, etc. [11], [12, p. 31–32]. Конечно, далеко не все они были полностью ассимилированы английским языком, что произошло с такими лексическими единицами как, например, algebra, algorithm, admiral, arsenal, cotton, zero, magazine, candy, zenith, coffee, и др. К прямым заимствованиям относится слово jihad, которое дословно означает борьба, употребляется в английском с середины 19 в. и означает священная война, особенно в защиту Ислама [14]. К тому же, следует отметить, что отдельные арабизмы оказались в английском через посредство других языков: alcohol – через латынь, apricot – через португальский, через французский язык были заимствованы следующие арабизмы: calibre, magazine, sultan, через итальянский – algebra, carat, tariff, assassin – последнее означает «едящие гашиш» и связано с тем, что люди, покушавшиеся на жизнь предводителей крестоносцев, предварительно одурманивали себя гашишем [5, с. 150].

Лексикографические источники чаще всего указывают на заимствование арабских лексических единиц в 16 – 17 вв. и, как правило, через другие языки – французский, испанский, португальский [The New Oxford...]. «Эти слова отражают многообразные культурные и торговые связи Европы с Востоком» [8, с. 140], что неизбежно в процессе межкультурной коммуникации.

Арабские лексические единицы, нашедшие своё место в словарном фонде современного английского языка, встречаем в публицистике, в художественной литературе, в СМИ, в научной литературе и т.д., причём как в американских источниках:

The *algorithm* uncovers recurring motifs that might not be obvious and that a human might not know (National Geographic).

You know, Trump is proposing to impose a 35 percent *tariff* on some countries (Fox).

He is also a trained *assassin* (New York Times).

The more aromatic the melon is, the better the *sherbet* will be, as the butterfat in the milk will amplify its perfume (MotherEarth).

так и в британских:

This theme is repeated over and over again, transmitting itself by a slow and subtle *alchemy* into something which is not quite as it was before (Post).

No fabric is more comfortable than *cotton* and no *cotton* is more natural... (Guardian).

Armed with contrary information, I asked the *admiral* if he would accept my word for it (Daily Telegraph).

Конечно, далеко не все арабизмы закрепляются в языке-реципиенте, хотя и регистрируются в словарях неологизмов; некоторые из них переда-

ют современное состояние политической жизни в регионе, например: fatwa, Namas, intifada, или называют денежные единицы отдельных арабских стран – khoum, ougiya, Sahrawi [15].

Заемствование лексических и фразеологических единиц одним языком из другого – вполне естественный и закономерный процесс, тем самым идёт обогащение лексико-семантического фонда языка, к тому же следует помнить, что английский язык на 70 % состоит из заимствований [10].

Список литературы

1. Баранов Х.К. Арабско-русский словарь в 2-х тт. 8-е изд. М.: Рус. язык, 1996. Т. 1, 456 с. Т.2, 480 с.
2. Борисов В.М. Русско-арабский словарь. М.: Сам Интернешл, 1993. 1120 с.
3. Вайнрайх У. Языковые контакты. Киев: Вища школа, 1990. 264 с.
4. Гуревич А.Я., Харитонович Д.Э. История средних веков. М.: Интерпракс, 1995. 336 с.
5. Гальперин И.Р., Черкасская Е.Б. Лексикология английского языка. М.: Гос. изд-во иностран. и национал. словарей, 1956. 298 с.
6. Жилинская Л.А. Национально – культурные и языковые особенности арабизмов в современном немецком языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2009. 27 с.
7. Карлинский А.Е. Основы теории взаимодействия языков. Алма-Ата: Гылым, 1990. 181 с.
8. Секирин В.П. Заимствования в английском языке. Киев: КГУ, 1964. 152 с.
9. Советский энциклопедический словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1982. 1600 с.
10. Советский энциклопедический словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1982. 1600 с.
11. Arnold I.V. The English Word. М.: Высш. школа, 1986. 295 п.
12. Bliss A.J. A Dictionary of Foreign Words & Phrases in Current English. N.Y.: Warner Books, 1992. 327 p.
13. Hendrickson R. Word and Phrase Origins. Third Edition. N.Y.: Checkmark Books, 2004. 822 p.
14. The New Oxford American Dictionary. N.Y.: Oxford University Press, 2001. 1223 p.
15. The Oxford Dictionary of New Words / Edited by E. Knowles with J. Elliott. Oxford – N.Y.: Oxford University Press, 1997. 357 p.
16. The Second Barnhart Dictionary of New Words / Cl. Barnhart et al. N.Y.: Barnhart Books, 1980. 542 p.

Источники

British National Corpus [электронный ресурс]. Режим доступа. <https://natcorp.ox.ac.uk> (дата обращения 14.09.2016).

Corpus of Contemporary American English [электронный ресурс]. Режим доступа. <http://corpus.byu.edu/coca> (дата обращения 13.09.2016).

IMPORT OF ARABIC WORDS INTO ENGLISH

YU. K. Voloshin

Kuban State University, Krasnodar

The import of Arabic lexical units into English is discussed as well as their usage in various language genres.

Index Terms: Arabic lexical units, language contacts, borrowing, language-donor, language-recipient, exogloss relations.

Об авторе:

Волошин Юрий Константинович – доктор филологических наук, профессор кафедры английской филологии Кубанского государственного университета, e-mail: yuri_voloshin@mail.ru

УДК 81'255.4:338.24

ДОСТИЖЕНИЕ ЭКВИВАЛЕНТНОСТИ ПРИ ПЕРЕВОДЕ ТЕКСТОВ ПО МЕНЕДЖМЕНТУ И КРОССКУЛЬТУРЕ

В.Г. Гайдуков

Кубанский государственный университет, Краснодар

Данная статья посвящена рассмотрению терминосферы текстов по менеджменту и кросскультуре. В статье осуществлен подход к эквивалентному переводу терминов управленческой тематики на примере нескольких переводческих моделей. Именно наличие у терминов различной структуры и кодовых значений представляет главную трудность при переводе и требует выработки соответствующих трансформаций.

Ключевые слова: термин, эквивалент, терминосфера, калькирование, описательный перевод, исходный язык (ИЯ), язык перевода (ПЯ).

Предмет, рассматриваемый в данной статье, выбран неслучайно. В XXI веке наряду с быстрыми темпами развития рыночных отношений, ос-

воением новых, в том числе и зарубежных рынков, происходит образование интернациональных компаний. Эти компании выработали собственные, в некоторой степени специфичные организационные структуры, а также методы и подходы к реализации продукции. Немаловажную роль при этом играл и культурный компонент, ведь на благо этих компаний работали представители разных культур. Следовательно, для успешного функционирования подобным компаниям пришлось, помимо выше указанных технических моментов, выработать свою специализированную терминологию или терминосферу. Эти термины начали звучать на телевидение и радио, постепенно входя в привычный обиход людей. Таким образом, новая управленческая терминология стала чаще использоваться, и, как следствие, это привело к появлению специализированной литературы. В подобных условиях активное формирование новой терминосферы не могло не вызывать интереса в обществе.

Для лингвистов большой интерес представляет изучение развития управленческой терминосистемы, а также исследование трудностей перевода текстов по менеджменту и кросскультуре, так как современное терминоведение обращает большое внимание как на функционирование терминологии в общелитературной лексике, так и на целостное исследование терминосферы в узкоспециализированных текстах различной направленности.

В данной статье осуществлен подход к эквивалентной передаче ИЯ на ПЯ посредством использования ряда переводческих трансформаций на примере книги по менеджменту и кросскультуре “Management across cultures: challenges and strategies”, написанной Ричардом М. Стирсом, Карлосом Дж. Санчез-Рунд и Лусиарой Нардон. При этом рассматривается ряд переводческих трансформаций, которые в большей степени применимы и более частотны в переводе кросскультурной терминологии. Предпочтение в значительной степени отдается классификации, предложенной профессором В.Н. Комисаровым.

Первая рассматриваемая модель перевода – калькирование, то есть переводческий прием, заключающийся в том, что составные части слова или словосочетания заменяются их прямыми соответствиями на языке перевода [4]. Например: “voting share” – «голосующая акция», “works council” – «трудовой совет». Таким образом, главной целью данного способа перевода является создание новых устойчивых терминов или терминологических словосочетаний в ПЯ, используя при этом лексическую структуру единиц ИЯ.

Перевод-калька обычно применяется: 1) при передаче значения сложных слов и терминов-словосочетаний, как например, “Westerner” – «Западник», “unitary board of directors” – «унитарный совет директоров», “out-of-the-box thinking” – «креативное мышление»; 2) названий государственных учреждений, общественных организаций и т.д.: “National Commercial Bank” – «Национальный коммерческий банк», “Global Investment House” – «Всемирный инвестиционный дом».

В ряде случаев наблюдается изменение порядка следования калькируемых элементов, что ставит перед переводчиком определенные трудности, например:

“The dualities perspective – using a «both/and» logic in which both alternatives or paths have merit for purposes of analysis rather than an «either/or» logic that forces analysts to choose between alternatives that are simultaneously worth pursuing”.

«Перспективная двойственность – использование логической схемы “и...и/и”, в которой как выбор вариантов, так и способов приводят к сути исследования, как и в схеме “один из двух/или”, которая заставляет аналитиков выбирать альтернативы, на которые одновременно стоит обратить внимание».

Термин “the dualities perspective” был переведен как «перспективная двойственность» посредством калькирования с изменением порядка элементов, формирующих данное словосочетание. Определенное затруднение вызвало отсутствие соответствующего эквивалента в русском языке, порядок слов в самом английском словосочетании, а также наличие у термина “duality” формы множественного числа, что было решено не отражать и передать его значение в единственном числе.

Нередко при калькировании переводчику приходится сталкиваться с выбором стилистически и содержательно соответствующего эквивалента в ПЯ в виду многозначности термина в ИЯ:

“For example, while most people would agree that US culture is largely individualistic, the general classification of individualism versus collectivism fails to capture important nuances, underlying this defining characteristic that is often captured in American vernacular by the term “pioneering spirit”.

«Например, пока большинство людей соглашались с тем, что американская культура является крайне индивидуалистической, общепринятая классификация индивидуализм против коллективизма не способна охватить важные аспекты, лежащие в основе этой определяющей характеристики, но которые часто можно встретить в американском разговорном языке под термином «дух новаторства».

Трудность при переводе заключалась в подборе русского эквивалента с соответствующим смысловым оттенком американскому понятию “pioneering”. В словарях, как правило, даются несколько основных значений данного понятия, а именно «пионерство»; «новаторская или первопроектная работа». В результате было принято решение перевести данное понятие более емким и кратким соответствием «новаторство», т.к. данное понятие семантически шире, чем понятие «пионерство».

Как любой переводческий прием калькирование в первую очередь направлено на достижение эквивалентности, что нередко ставит перед переводчиком определенные сложности, например:

“Second, member companies frequently hold stock in sister companies (known as stable cross-shareholding)”.

«Во-вторых, компании-участницы часто хранят ценные бумаги в своих филиалах (так называемое стабильное перекрестное владение акциями)».

Трудностью при переводе термина “stable cross-shareholding” составило достижение наиболее точной эквивалентности. Именно поэтому было решено использовать прием калькирования, тем самым позволив передать данное понятие равноценными средствами ПЯ – «стабильное перекрестное владение акциями» и не прибегать к его заимствованию, так как заимствование может полностью не передавать план содержания данного термина, что вызовет только недоумение у читателя.

Однако не следует спешить с методом калькирования, т. к. перевод во многом зависит от контекста, например:

“Americans often ignore the details or conflicting positions underlying complex issues and prefer to focus on the “big picture”.

«Американцы часто игнорируют подробности и спорные моменты, подразумевающие решение сложных вопросов, и предпочитают обращать внимание на «общую картину» происходящего».

В данном предложении понятие “big picture” переведено приемом калькирования наряду с конкретизацией его значения как «общая картина» происходящего», так как исходя из контекста, перевод данного словосочетания как «большая картина» представляется неуместным, стилистически неоправданным и может нарушить смысловую картину предложения.

Подводя итог, следует указать, что калькирование является достаточно распространенным средством передачи безэквивалентной терминологии. Данный прием позволяет более точно раскрыть новое понятие, чем при его заимствовании. Однако переводчику не следует увлекаться данным переводческим приемом и иметь в виду, что в языке ПЯ уже может существовать равноценный устойчивый эквивалент термину ИЯ.

Вторая переводческая модель – описательный перевод, заключающийся в раскрытии значения лексической единицы ИЯ при помощи развернутых словосочетаний, раскрывающих существенные признаки обозначаемого данной лексической единицей явления, то есть, по сути дела, при помощи ее дефиниции на ПЯ [1], например:

“In fact, banking in the Muslim world is populated by a growing number of women, even in the historically all-male executive suite”.

«В действительности, в Мусульманском мире растет количество женщин занятых в банковской сфере, с учетом того, что с исторической точки зрения все руководящие посты всегда занимали только мужчины».

Поскольку четкий эквивалент в ПЯ данному словосочетанию “all-male executive suite” отсутствует, было принято решение разложить его на составляющие компоненты: “all-male” – данное слово также пришлось разделить на формирующие элементы в силу отсутствия перевода в ряде словарей, таким образом, “all” – «все; целый», “male” – «мужчина; мужской», следовательно, перевод должен звучать «всемужской»; “executive” – ис-

полнительный директор; “suite” – «кабинет, комната». Отсюда дословный перевод должен был бы выглядеть следующим образом «всемирной кабинеты исполнительного директора», что видится крайне абсурдным, бессмысленным и явно вызовет у читателя недоумение. Именно поэтому данное словосочетание было переведено посредством описательного перевода, что помогло, в первую очередь, сохранить его смысл, а во вторую донести его содержание до читателя.

“Negotiations are based on extensive assessments of data and plans and, since Germany is a low-context culture (where message clarity counts), communication is explicit and easily understood by foreigners.”

«Переговоры ведутся согласно общей оценке фактов и намерений, а также, т.к. Германия является страной с низким уровнем личного общения (в таком случае важную роль играет ясность сообщения), процесс коммуникации ясен и легко воспринимается иностранцами».

В переводе понятия “a low-context culture” пришлось отталкиваться от его определения: “tending to communicate by electronic methods such as e-mail, rather than in person” (пер. «стремление общаться больше посредством электронных средств, например электронной почты, чем лично»). Таким образом, вследствие отсутствия соответствия данному понятию в русском языке, было принято решение применить описательный перевод, исходя из общего смысла его определения и узкого контекста.

“They also dislike dual-share voting systems, and have rules that prevent banks from owning major shares in companies.”

«Они, в свою очередь, не одобряют систему голосования, основанную на двойственном владении доли акций одной фирмы, а также и у них есть законы, которые запрещают банкам владеть главным пакетом акций различных компаний».

При переводе определенная трудность заключалась в отсутствии в словарях соответствующего эквивалента понятия “dual-share”. Поэтому, исходя из пословного перевода двух составляющих элементов “dual” – «двойственный», “share” – «доля акций» и близких им по значению словосочетаний в экономической терминологии, а именно “dual ownership” – «совместное владение», “dual control” – «двойное управление», а также контекста, было решено прибегнуть к описательному переводу для полноценной передачи данного понятия на русский язык.

Недостатком описательного перевода является его громоздкость вследствие чего в распространенном словосочетании трудно выделить соответствующее явление действительности из ряда других явлений и закрепить его в сознании носителя ПЯ как понятие [3]. К преимуществу данного способа перевода можно отнести наиболее полное раскрытие сути описываемого понятия.

Описательный перевод видится равноценным способом передачи безэквивалентной терминологии. В каждой конкретной ситуации все зави-

сит от переводчика и его личных предпочтений либо к краткости и емкости выражения понятий, либо к громоздкости и развернутым определениям. Однако многие теоретики переводоведения считают, что предпочтительнее использовать транскрипцию и/или транслитерацию совместно с описательным переводом в сносках или скобках.

Важнейшей проблемой при переводе терминологии является достижение эквивалентности ИЯ посредством терминосферы ПЯ. Следовательно, возникает необходимость изучения терминосистем и поиска путей достижения эквивалентности. Вопрос терминологии при этом является одним из основных в исследовании специфических и узкоспециализированных текстов. Ведь термин, в качестве основного содержательного компонента терминологии, является определителем и показателем развития любой области научного знания. По словам А. В. Суперанской «развитие любой отрасли знаний неизбежно влечет за собой развитие терминологии. Поэтому терминологическая работа не может быть никогда закончена» [6]. Следовательно, именно определение понятийных различий терминов ИЯ и ПЯ наряду с их равноценным переводом является одним из способов решения трудностей перевода терминов.

Задача переводчика при этом – передать содержание подлинника не только правильно и точно, но и равноценными средствами [5]. Для этого необходимо владеть методикой поиска адекватных средств выражения заданной мысли, техникой нахождения нестандартных решений, особенно в трудных проблемных ситуациях [2], а также уметь выбрать из словарного состава языка, на который он переводит, слова наиболее соответствующие словам подлинника в их взаимосвязи, в их соответствии смыслу целого предложения и более широкого контекста. Однако если переводчик для передачи термина прибегает к созданию нового слова, то необходимо делать это при помощи уже имеющихся лексических и морфологических элементов [7].

Исследуемая в данной статье проблема видится важной для разрешения трудностей деловой коммуникации между представителями разных стран, т. к. именно деловая коммуникация осуществляется в профессиональных сообществах и, как правило, ограничена определенной тематикой и терминологией. В отличие от ряда других профессиональных сфер в менеджменте письменная деловая коммуникация имеет огромное значение. Поэтому специфика текстов по менеджменту и кросскультуре, а именно структурные и стилистические особенности терминосферы, вызывают большой интерес в лингвистических кругах.

Список литературы

1. Бархударов Л.С. Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода). М.: Международные отношения, 1975. 240 с.
2. Крупнов В.Н. В творческой лаборатории переводчика. М.: Международные отношения, 1976. 192 с.

3. *Латышев Л.К.* Курс перевода: Эквивалентность перевода и способности ее достижения. М.: Международные отношения, 1981. 248 с.

4. *Нелюбин Л.Л.* Толковый переводческий словарь. М.: Флинта: Наука, 2003. 320 с.

5. *Рецкер Я.И.* Пособие по переводу с английского языка на русский язык: 3-е изд., перераб. и доп. М.: Просвещение, 1982. 159 с.

6. *Суперанская А.В., Подольская Н.В., Васильева Н.В.* Общая терминология: Вопросы теории. Отв. ред. Т. Л. Канделаки. Изд. 3-е, стереотипное. М.: Едиториал УРСС, 2004. 248 с.

7. *Федоров А.В.* Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы): для ин-тов и фак-тов иностр. языков. Учеб. пособие. 5-е изд. СПб.: Филологический факультет СПбГУ; М.: Издательский дом «ФИЛОЛОГИЯ ТРИ», 2002. 416 с.

Источники

Lingvo 12.0: Большой англо-русско-английский общелексический словарь. Электронная офлайн версия, 2008.

Multitran: электронный онлайн словарь [электронный ресурс]. Режим доступа. <http://www.multitran.ru> (дата обращения: 28.06.2016).

Richard M. Steers, Carlos J. Sanchez-Runde, Luciara Nardon. Management across cultures: challenges and strategies, Cambridge University Press, New York, 2010. 459 p.

EQUIVALENT TRANSLATION OF MANAGERIAL AND CROSS-CULTURAL TEXTS

V.G. Gaidukov

Kuban State University, Krasnodar

The article is devoted to the peculiar features of the term system of the managerial and cross-cultural texts. It comprises an approach to equivalent translation of the managerial terms on the basis of several transformational models. It is the various structures and code meanings of the term that complicate the process of translation and require development of appropriate transformations.

Index terms: term, equivalent, term system, loan translation, descriptive translation, original language, target language.

Об авторах:

Гайдуков Вадим Григорьевич – преподаватель кафедры теории и практики перевода Кубанского государственного университета; e-mail: vadimgaidukov7@gmail.com

УДК 801.318

СЛУШАНИЕ/ГОВОРЕНИЕ: ПРОБЛЕМА ДОМИНИРОВАНИЯ В УСПЕШНОЙ КОММУНИКАЦИИ

С.А. Голубцов

Кубанский государственный технологический университет, Краснодар

Говорению со времен Аристотеля отводится главенствующая роль, а слушанию уделяется мало внимания. Неготовность услышать другого – один из действенных механизмов исключения собеседника из дискурса. Напротив, слуховое внимание свидетельствует о признании и уважении коммуниканта и мотивирует его на высказывание. В работе анализируются модели, позволяющие высоко оценить значимость слушания и ввести его в соответствующее ему нормативное пространство. Говорение и слушание должны рассматриваться как две части одного целого, неотделимые друг от друга.

Ключевые слова: слушание, говорение, слуховое внимание, дискурс, нормативное пространство.

В последнее время проблема слушания становится весьма актуальной. Готовность услышать своего собеседника рассматривается как средство побуждения к речи, приглашения к диалогу, вовлечения в коммуникацию, а невнимательное слушание способствует исключению собеседника из общения. Бывают также ситуации, о которых пишет Эндрю Добсон, когда собеседники «могут отказаться слушать» [6, с. 247]. Таким образом, в повседневном общении под слушанием может пониматься множество различных вещей: что нас не хотят слушать, или слушают недостаточно внимательно, что нас слушают, но не понимают, что нас слушают, но не соглашаются с нашей точкой зрения [3].

Татьяна Вайзер, рассматривая слух как активную практику, приходит к следующему выводу: слух «культурно обусловлен социальными, классовыми, гендерными стереотипами и задается эпистемологическими установками» [там же, с. 198].

Учитывая вышесказанное, необходимо поэтому выявить, как слушание оформляется в качестве значимой ценности и активной практики речевого общения, и что значит слышать, когда речь идет об определенной коммуникативной позиции. Следует отметить, что именно в художественном тексте наиболее наглядно показано, как развиваются психологические личностные отношения, отражаются позиции, избранные субъектами в структуре взаимодействия для обеспечения успешности совокупного действия в диалоге.

Проследим это на примерах из произведений Сомерсета Моэма.

В романе «Луна и грош» С. Моэм, автор и персонаж под псевдонимом Эшенден, рассказывал, что после опубликования своего романа «Лиза из Ламбета», он приобрел много почитателей, которые приглашали его на званые вечера, где присутствовали известные писатели. Эшенден приходил туда, чтобы «наблюдать за великими людьми, спокойно *слушать* их умные речи» [ЛГ, с. 195]. В те времена разговор считался искусством, ценился находчивый ответ. Задача молодого романиста была научиться выражать свои мысли так же изящно и легко, как именитые писатели. Эшенден старался «из учтивости *выказывать интерес к разговору других*» [ЛГ, с. 204]. Умение слушать помогало ему находить в услышанном и накапливать ценную информацию. Кроме того он стимулировал собеседника своим вниманием и выражением искреннего интереса.

В новелле «Искусство вдохновения» Моэм рассказал о том, что некоторые писатели стремились на вечерах произвести впечатление своей эрудицией. Так, миссис Форестер, чтобы воздействовать на слушателей, правильно использовала свой голос: «она говорила что-то своим низким, звучным *голосом*, остальные *внимательно слушали*». Когда она была в ударе, «слова, *ливишеся из ее уст*, можно было печатать без всяких поправок» [ИВ, с. 299]. Так как ее выступление было сугубо монологическим, присутствующим было трудно вклиниться в разговор. Что касается ее мужа Альберта, то если он произносил небольшую речь о сигарах, она слушала его с умиленной улыбкой, и было видно, что его маленький триумф ее радует. Но, заметив, что гости начинают терять интерес к этой теме, «она *тотчас переводила разговор на что-нибудь другое, более интересное и значительное*» [ИВ, с. 290]. Реакция была незамедлительной: Альберт умолкал.

Достижение успешности совокупного действия в диалогической интерпретации обеспечивают невербальные системы побуждения: зрительный контакт, естественная жестикуляция. «Взгляд, поза, жесты – все это сообщает окружающим об истинном, а не демонстрируемом психологическом состоянии говорящего» [9, с. 81]. Однако у европейцев не принято пристально всматриваться в собеседника, сообщать своему взгляду чувство безграничной любви, как это делают, например, японцы. При обмене репликами следует создавать своим невербальным поведением атмосферу сопереживания, оказывать внимание, проявлять чуткость к словам говорящего (там же).

Рассмотрим визуальную лексику в прозе С. Моэма:

«Когда завязалась оживленная беседа, он (Альберт) переводил *взгляд с одного из говоривших на другого*» [ИВ, с. 294].

«Я не опускал *глаз под его взглядом* и говорил очень медленно» [ЛГ, с. 256].

Если собеседник хочет распознать истинные чувства людей, следует больше доверять своим глазам. Но иногда увидеть своего собеседника можно не только глазами, но и внутренним чутьем:

«Я попробовал объяснить ему (Ларри), какое впечатление у меня сложилось о Грзе. Он *слушал*, не сводя с меня задумчивых, немигающих глаз, и почему-то у меня возникло ощущение, что *слушает он не ушами, а каким-то внутренним, более чувствительным органом слуха*. Это было странно и жутковато» (ОБ, с. 141).

Иногда же взгляд направлен на устрашение собеседника с целью добыть признание. В этом случае автором употребляются следующие сочтения: «*устремить на кого-то орлиный взор*» (ИВ, с. 288); «*сверлить кого-либо глазами*» (ИВ, с. 288).

Функционируют выражения, указывающие на способ прекращения разговора: «*прикусить язык*» (ЛГ, с. 229), выражения, направленные на продолжение разговора: «*поднять руку в знак, чтобы не прерывали*» (ИВ, с. 315).

Итак, мы выяснили, что существует уникальный способ стать хорошим собеседником – уметь слушать партнера. Этому способствует поза коммуниканта и внешний вид: «*Вид Стрикленда был красноречивее слов*» (ЛГ, с. 229). Невнимательное слушание может помешать установлению истины: «*Это был первый намек на то, что случилась какая-то неприятность. Я пропустил его мимо ушей*» (ЛГ, с. 206).

В исследованиях часто встречаются рассуждения о значении молчания в коммуникации. Так, В.З. Демьянков говорит об использовании молчания как приема для демонстрации целенаправленного слухового внимания. В качестве объекта интерпретации молчание собеседника оценивается им неоднозначно. По его мнению, в некоторых случаях молчание может рассматриваться «как знак враждебности». Для европейцев молчание – одна из стратегий речевого действия [4, с. 315].

В.Н. Панкратов считает, что в общении люди обычно стараются научиться говорить, забывая о главной науке – молчать. Целенаправленное молчание в общении, по его разумению, особенно полезно в трудных случаях: это самая правильная реакция на возможные дерзость, вульгарность, зависть, противоречия [9].

Н.Д. Арутюнова рассматривает молчание в контексте диалога, в котором адресат может дать понять, что не будет препятствовать действиям говорящего, но не хочет нести за них ответственность. Также молчание «может выражать реакцию на некоторое действие, требующее оценки. Обычно молчание свидетельствует о неодобрении, от словесного выражения которого желательно воздерживаться, равнодушии, безразличии, смущении или страхе [1, с. 426–427].

В своей работе «Эссе об имени» Жак Деррида указывает, что демонстрация недостаточно серьезного отношения к собеседнику указывает на «непростительное равнодушие» или недопустимую неблагодарность. По его мнению, не-ответ подрывает концепцию ответственности, являющуюся на самом деле сущностью социума. Не-ответ является риторикой

войны, полемической хитростью, а вежливое молчание может стать самым дерзким оружием и самой едкой иронией; не-ответ не соблюдает принцип вежливости [5].

Поведение молчаливого участника интеракции особенно активно демонстрируется в произведениях С. Моэма. Речь идет не только о молчаливых мужчинах, но и о женщинах.

Интересно отметить, что ситуацию с молчаливым слушателем Моэм описывает в романе «Луна и грош», «Острые бритвы» и в новелле «Источник вдохновения». В романе «Луна и грош» С. Моэм не без грусти предаётся воспоминаниям о литературном мире Лондона, когда его как многообещающего молодого писателя приглашали на званые вечера: «Я чувствовал, что от меня ждут остроумных реплик, но таковые приходили мне в голову лишь по окончании вечера» (ЛГ, с. 195).

Молчаливый собеседник так описывает свое состояние на званых вечерах: «Все оживленно болтали, и я, **молча сидевший** в сторонке, чувствовал себя прескверно, но был слишком робок, чтобы присоединиться к той или иной группе гостей» (ЛГ, с. 197). «Мне нечего было сказать, и я **сидел молча**» (ЛГ, с. 204).

Часто прибегают к молчанию, чтобы скрыть свои мысли: «Стрикленд долго **молчал**, но в глазах его светился странный огонек, словно они видели нечто, переполнявшее восторгом его душу» (ЛГ, с. 254).

Безразличие Стрикленда столь велико, что с ним невозможно было общаться: «Он **молчал**, и я терпеливо дожидаясь, пока он заговорит. Но в конце концов мне пришлось **прервать молчание**».

В обществе, ставящем превыше всего словесный блеск, особенно странно выглядит неразговорчивый Стрикленд: «Он (Стрикленд) с трудом выжимал из себя слова, так что, казалось, для него они не были средством общения с миром; о движениях его души оставалось догадываться по избитым жестам» (ЛГ, с. 228).

Некоторые коммуниканты иногда не могут найти правильных слов, чтобы выразить свои мысли. В этом случае их партнеры не могут воздержаться от желания решить за них проблему. Так поступает и Эшенден, который представляет в романе скорректированную речь Стрикленда и объясняет, почему он это сделал: «Я иногда вижу остров, затерянный в бескрайнем морском просторе; там бы я смог мирно жить в укромной долине, среди неведомых мне деревьев. И там, мне думается, я бы нашел, что ищу». Объяснение Эшендена: «Он говорил не совсем так. Прилагательные подменял жестами и запинался. Я своими словами передал, то, что он, как мне казалось, хотел выразить» (ЛГ, с. 254).

В другом эпизоде Эшенден пытается войти в мир мыслей и переживаний Стрикленда и выразить состояние его души: «Вы как бестелесный дух, и кажется, вот-вот коснетесь красоты, словно красота осязаема. Вам чудится, что вы слились с ветерком, с деревьями, на

которых набухли почки, с радужными водами реки. Вы как Бог. Он не сводил с меня глаз, пока я не кончил, и тогда отвернулся. Странное выражение застыло на его лице» (ЛГ, с. 256). И далее: «Стрикленд **молчал**. Я понял, что наша беседа окончена» (там же).

С. Моэм не оставил без внимания проблему гармонических отношений в супружеской паре, где муж и жена являются антиподами: молчаливая супруга и болтливый муж: «Она (Блани Стрёв) была приветлива, проста в обращении, хотя по большей части **молчалива** <...> Впрочем, может быть, это была всего лишь врожденная сдержанность, подчеркнутая болтливой откровенностью мужа. Дирк ни о чем не умел молчать» (ЛГ, с. 68).

С. Моэм вкладывает в уста главного персонажа Ларри Даррела следующее высказывание о значимости молчания: «Шри Ганеша говорил, что **молчание** – тоже беседа». Такое понимание молчания подтверждается описанием встречи Ларри с йогом Шри Ганешой: «Мы остались одни, он **молча** смотрел на меня. Не знаю, сколько длилось это **молчание**. Наверно с полчаса» (ОБ, с. 259).

В романе «Острые бритвы» писатель выступает под собственным именем «мистер Моэм». Он описывает многозначное молчание главного персонажа Ларри Даррела: «Разговор продолжался все в том же духе <...> Я (Моэм) лишь изредка вставлял слово, а Ларри вообще **молчал** <...> Но вот что меня заинтересовало хотя он, с тех пор как вошел в дом, не произнес, сколько мне помнится, и десяти слов, держался он совершенно свободно и, не раскрывая рта, словно бы даже участвовал в разговоре» (ОБ, с. 23).

А вот как оценивается С. Моэмом-Эшенденом молчание жены и музы писателя Эдуарда Дрифилда из романа «Пирог и пиво», вдохновившей мужа на создание двух его самых знаменитых романов и принесших ему всемирную славу: «Она никогда не отличалась разговорчивостью. Часто, погожими вечерами, когда мы решали пройтись из мюзик-холла пешком, она всю дорогу молчала. Но молчание ее было задушевным и уютным оно не исключало вас из круга занимавших ее мыслей; наоборот, вы становились частью всеохватывающего довольства жизнью» (ПП, с. 315).

Итак, каждый человек испытывает глубинную потребность быть услышанным и понятым. Поэтому он мечтает о внимательном собеседнике, с которым он пойдет на контакт. Оскорблением или несправедливостью было бы демонстрировать недостаточно серьезное отношение к собеседнику, проявлять по отношению к нему безразличие и равнодушие.

Список литературы

1. Арутюнова Н.Д. Феномен молчания // Язык о языке: сб. статей / под общ. рук. и ред. Н.Д. Арутюновой. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 417–436.

2. Берков В.П., Мокиенко В.М., Шулежкова С.Г. Большой словарь крылатых слов русского языка. М.: Изд-во «Русские словари»; ООО «Издательство Астрель», ООО «Издательство ЛСТ», 2000. 624 с.

3. Вайзер Т. Аудиальная демократия: включение неслышимых субъектов в политическое сообщество // Логос. 2015. Т. 25. № 6. С. 196–226.

4. Демьянков В.З. Лингвистическая интерпретация текста: универсальные и национальные (идиоэтнические) стратегии // Язык и культура: Факты и ценности: К 70-летию Юрия Сергеевича Степанова / отв. ред. Е.С. Кубрякова, Т.Е. Янко. М.: Языки славянской культуры, 2001. С. 309–323.

5. Деррида Ж. Эссе об имени / пер. с фр. СПб.: «АЛЕТЕЯ», 1998. 191 с.

6. Добсон Э. Почему мы говорим о слушании? // Логос. Т. 25. № 6. 2016. С. 243–263.

7. Калдер Г. Демократия и слушание // Логос. Т. 25. № 6. 2015. С. 227–242.

8. Моэм С. Вглядываясь в прошлое // Полное собрание рассказов: в 5 т. Т. 5. С. 347–434.

9. Панкратов В.Н. Манипуляции в общении и их нейтрализация: Практическое руководство. М.: Изд-во Института Психотерапии, 2001. 208 с.

Источники

1. ИВ – Моэм С. Собрание сочинений: в 9 т. Источник вдохновения / пер. с англ. М. Лорие. Т. 9. М.: ТЕРРА–Книжный клуб, 2001. С. 282–316.

2. ЛГ – Моэм С. Собрание сочинений: в 9 т. Луна и грош / пер. с англ. Н. Ман. Т. 3. М.: ТЕРРА–Книжный клуб, 2001. С. 185–378.

3. ОБ – Моэм С. Собрание сочинений: в 9 т. Острие бритвы / пер. с англ. М. Лорие. Т. 5. М.: ТЕРРА–Книжный клуб, 2001. С. 5–300.

4. ПП – Моэм С. Собрание сочинений: в 9 т. Пирог и пиво, или Скелет в шкафу / пер. с англ. А. Иорданского. Т. 4. М.: ТЕРРА–Книжный клуб, 2001. С. 5–186.

LISTENING/SPEAKING: A PROBLEM OF DOMINATION IN SUCCESSFUL COMMUNICATION

S.A. Golubtsov

Kuban State Technological University, Krasnodar

Speaking has predominated since Aristotle while listening is always paid less attention. Unwillingness to hear the other person is one of the most effective mechanisms of excluding the interlocutor from discourse. On the contrary, auditory attention testifies to the recognition and respect for the communicant and motivates him to say his statement. The paper analyzes the models, which ap-

preciate the importance of listening putting it into the corresponding normative space. Speaking and listening should be considered as two parts of the whole inseparable from each other.

Index terms: listening, speech, auditory attention, discourse, normative space.

Об авторе:

Голубцов Сергей Анатольевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка Кубанского государственного технологического университета; e-mail: sgol@rambler.ru

УДК 821.111:791.228:81

«ГАМЛЕТ» У. ШЕКСПИРА И МУЛЬТИПЛИКАЦИОННЫЙ ФИЛЬМ «КОРОЛЬ ЛЕВ»: ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫЕ СВЯЗИ

С.И. Гонца

Кубанский государственный университет, Краснодар

Статья посвящена интертекстуальным связям, существующим между произведением классической литературы – трагедией У. Шекспира «Гамлет» и произведением современной массовой культуры мультипликационным фильмом «Король Лев».

Ключевые слова: Уильям Шекспир, аллюзии, интертекстуальные связи, «Гамлет», «Король Лев».

Анимационный фильм «Король Лев» по праву считается культовым. На нем выросло не одно поколение наших современников, и имена его героев сегодня знают все: молодой лев Симба, его верные друзья Тимон и Пумба и храбрая львица Нала прочно заняли свои места в сердцах миллионов поклонников по всему миру. Фильм получил множество премий и наград. На его счету два Оскара, три премии «Золотой глобус» и три «Грэмми». «Король лев» побил все рекорды в прокате, на телепоказах и продажах DVD. Как показывает наше исследование, такой успех стал возможен благодаря глубокой укорененности основных сюжетных мотивов в классической литературе, в апелляции к основным человеческим ценностям – дружбе, любви, верности. Множеством тонких аллюзивных нитей мультфильм связан с трагедией У. Шекспира «Гамлет».

Примечательно, что последние двести лет обращение к наследию Шекспира в литературе и искусстве соперничает по своему объему только с ссылками на текст Священного писания [1]. Явление скрещения, конта-

минации текстов двух и более авторов, зеркального отражения словесных выражений принято называть интертекстом [2]. В данной исследовательской работе стилистический прием аллюзии рассматривается в качестве наиболее частотного способа реализации интертекстуальности в отдельно взятом художественном произведении. Аллюзия, наряду с цитатами, афоризмами и различными иностилевыми вкраплениями может служить основным маркером, т. е. языковым способом реализации категории интертекстуальности в любом тексте. В данном случае мы имеем дело с контакминацией мотивов и сюжетных ходов бессмертной трагедии английского драматурга с сюжетом и героями мультипликационного фильма для детей.

15 июня 1994 года впервые был показан мультипликационный фильм «Король Лев», выпущенный студией Дисней. Идея «Короля Льва» впервые появилась во второй половине 1988 года в ходе разговора между Джеффри Катценбергом, Роем Е. Диснеем и Питером Шнайдером во время перелета в Европу для рекламной кампании мультфильма «Оливер и компания». В ходе разговора возникла идея фильма, действие которого будет проходить в Африке. Томас Диш написал предварительную версию киносценария под заголовком «Король Калахари», а позже название сменилось на «Царь зверей», а затем на «Король джунглей». Изначальная версия фильма отличалась от окончательной. Но когда был утверждён окончательный сценарий, действие которого разворачивалось не в джунглях, а в саванне, родилось окончательное название «Король Лев». «Король Лев» стал первым анимационным проектом Диснея, в основе которого лежал оригинальный сценарий, а не переработанная история. Создатели фильма утверждали, что вдохновением для него служили библейские истории об Иосифе и Моисее, а также шекспировский «Гамлет» [3].

Обратимся к некоторым особенно ярким, узловым моментам, в которых интертекстуальные связи «Гамлета» и «Короля льва» проступают наиболее ярко.

Прежде всего следует отметить основной мотив мультфильма о **вечном круге жизни**, которому посвящена и заглавная песня, открывающая фильм “The Circle of Life” – «Круговорот жизни». На протяжении трагедии Гамлет неоднократно обращается к теме круговорота. На вопрос, где тело Полония, принц отвечает: *«Не там, где ест он сам, но где едят его» и далее «Откармливая разных тварей, мы откармливаем себя, а себя откармливаем для червей. Так что откармливаемый король и нищий бродяга – всего-навсего перемена блюд за одной трапезой»* (Шекспир, с. 146). Продолжая эту тему, герой Шекспира говорит о судьбе Александра Великого: *«До какого же жалкого употребления можем мы дойти, возвращаясь по кругу, Горацио!» и далее Гамлет размышляет о том, как прах Александра, смешавшись с глиной может пойти на «замазку щели в какой-нибудь бочке»* (Шекспир, с. 186). Именно об этом Муфаса рассказывает своему сыну Симбе:

«Все, что ты видишь связано воедино и пребывает в равновесии, как король, ты должен поддерживать это равновесие и относиться с уважением ко всему живому от крохотного муравья до быстрой антилопы.

– Но разве мы не едим антилоп?

– Едим, но мы умираем, и из наших тел вырастает трава, а антилопы едят траву. Все мы связаны в этом вечном круге жизни» (The Lion King The Beginning). Как будущий царь зверей Симба не только сам не должен нарушать этот вечный круговорот, но и всячески способствовать поддержанию основы вселенской гармонии.

Целый ряд сюжетных ходов, ситуаций и характеров являются прямой отсылкой к героям Шекспира, устанавливаются оригинальные связи, усиливающие художественную сторону мультфильма.

Клавдий=Шрам. Очевидное сходство существует между этими персонажами. Клавдий и Король Датский были братьями, Муфаса и Шрам – также родные братья. Мотивом убийства в обоих случаях становится жажда власти, оба младших брата сами занимают престол в обход законного наследника **Гамлета=Симбы**, способ убийства в обоих случаях связан с хитростью и коварством. Задача обоих властителей «обезвредить» законную жену убитого брата, так Гертруда после смерти мужа становится женой Клавдия, а в мультфильме Сараби приходится принудительно встать на сторону Шрама.

Оба самозванных правителя стараются избавиться от законного наследника престола. Клавдий предлагает Гамлету спрятаться в Англии – скрыться, как преступнику: *«Что ж, Гамлет, мы для блага твоего, / Скорбя о том, что сделано с тобой, / Решили отослать тебя отсюда / Немедленно. Ступай и соберись. / Попутный ветер и корабль готов, / И спутники твои, и всё готово / Для Англии»* (Шекспир, с. 147). Аналогичным образом Шрам гонит Симбу из королевства:

«Король умер, а если бы не ты, он бы сейчас был бы жив. А что скажет твоя мама?

– Что же мне делать?

– Бежать Симба, беги, беги прочь и никогда не возвращайся» (The Lion King).

Для того, чтобы ни Гамлет, ни Симба наверняка не вернулись с ними посылают тех, кто должен их убить. В мультфильме – гиен, а в трагедии Шекспира – Гильденсерена и Розенкранца, предавших своего старого друга.

Примечательно, что перед отъездом в Англию, Гамлет встречает войско норвежского принца Фортинбраса следующее на войну с поляками. Капитан поясняет ему, что война разгорелась из-за клочка земли. Также и в мультфильме существует война между гиенами и львами, где гиены хотят захватить территорию львов, так как они думают, что на ней больше еды.

Явное сходство с Гамлетом подчеркнуто временным бездействием Симбы. В изгнании он ничего не предпринимает, часто вспоминает своего

отца и его наставления, но боится своего прошлого. В начале Симба грустит, а затем погружается в философию «Акуна Матата», что значит «жизнь без забот», своего рода безумие, аналог сумасшествия Гамлета. Сам Симба говорил об Аккуне Матате: «*Мне наконец-то выбили дурь из головы*».

Вопрос о том, что же предпринять, как жить дальше с той правдой, которая открылась мучителен для обоих главных героев. Разрешение ситуации, ее поворотный пункт отмечен в трагедии Шекспира монологом «*Быть или не быть?*»: «*Что доблестней? Терпеть, снося удары / Камней и стрел неистовой судьбы, / Или, пойдя на море бед с оружием, / Покончить с ними?*» (Шекспир, с. 97). Об обязанностях перед родом и всей страной зверей, о его месте на Скале Предков напоминает Симбе Нала, но львёнок-изгнанник временно отвергает Налу. Симба запутался, он не знает кто он такой и где его место. Он рассуждает «*быть или не быть королем*», а обезьяна-наставник помогает ему встать на путь истинный.

Появление призрака – ключевой момент завязки сюжета в трагедии Шекспира. Является призрак отца и в мультфильме. Есть и разница – в «Гамлете» призрак открывает сыну правду и требует мести; В мультфильме Муфаса тоже открывает сыну правду на то, кто он есть, и какое место должен занять, но мести не требует. Целевая аудитория «Короля льва» – дети, а это, безусловно, меняет и акценты. Характерно, что оба призрака требуют от сыновей поступка, решительного шага, который восстановит нарушенную гармонию. Вполне объяснимо, почему в мультфильме смерть Шрама наступает как результат несчастного случая, а не как запланированное убийство в порыве мести.

Обращают на себя внимание и переключки на уровне прямого заимствования некоторых фраз из Шекспировской трагедии. Первый акт открывается сменой караула и Франциско окликает идущего: «Кто здесь? / Э-э, нет! Стой! И сначала сам откройся!». На это Бернардо произносит пароль: «*Да здоровствует король!*» (Шекспир, с. 12). В устах Шрама фраза звучит двусмысленно, поскольку он произносит её перед тем, как убить брата: «*Long live the King!*» («*Да здоровствует король!*»).

Заимствуют создатели мультфильма и некоторые элементы метафорической образности. В начале фильма зрители знакомятся со Шрамом и видим рядом с ним *мышь, крысу*. Данный образ можно интерпретировать как предупреждение о характере и натуре Шрама, предупреждение о том, что он предатель. Сразу вспоминается сцена из «Гамлета», когда Полоний шпионил за Гамлетом, тот резко вскочил с возгласом «*Тут крыса? Спорим, дохлая? Дукам!*» и проткнул занавес, за которым прятался Полоний (Шекспир, с. 131).

Анализируя мультипликационный фильм «Король Лев» трудно не заметить прямые отсылки к трагедии Уильяма Шекспира «Гамлет». Это не отрицают и сами создатели. Ведь, действительно, главный герой становится жертвой политических интриг своего дяди, который убивает родного

брата ради королевского престола. Симба, как и принц датский, не мстит убийце, потому что находится в неведении. Позже к обоим приходит призрак покойного отца и напоминает о том, что нужно быть тем, кем ты являешься на самом деле. Каждому придется выбрать между действием и бездействием, возвращением или вечным изгнанием. Сходства есть не только в сюжетах произведений, но и в речи действующих лиц. Зачастую персонажи мультфильма цитируют трагедию и копируют поведения аналогичных персонажей. Таким образом классическое наследие продолжает оплодотворять современную массовую культуру с помощью аллюзий и интертекстуальных связей. Аллюзии усиливают художественную сторону современных произведений и придают им философскую глубину.

Список литературы

1. *Макуренкова С.А.* «Платок из облаков Тристана Тзара: XX век в зеркале Шекспировского «Гамлета» // Макуренкова С. Шекспир: 3D : Shake-spear. Сборник статей. М.: Экслибрис-пресс, 2014. С. 96–110.
2. *Фатеева Н.А.* Контрапункт интертекстуальности, или Интертекст в мире текстов. М.: Агар, 2000. 280 с.
3. Мультимедия [Электронный ресурс]. Режим доступа. URL: <http://multipediya.ru/korol-lev-3/> (дата обращения 27.10.2016).

Источники

- Шекспир У.* Гамлет, принц Датский; Сонеты / пер. с англ. Комментар. С. Степанова. СПб.: Амфора. ТИД Амфора, 2008. 735 с.
- The Lion King* [Электронный ресурс] Режим доступа. <http://www.lionking.ru/> (дата обращения 08.11.2016).
- The Lion King The Beginning* [Электронный ресурс]. Режим доступа. <http://tlkthebeginning.ru/viewtopic.php?id=1907> (дата обращения 01.11.2016).

“HAMLET” BY W. SHAKESPEARE AND ANIMATED FILM “THE LION KING”: INTERTEXTUAL CONNECTIONS.

S.I. Gontsa

Kuban State University, Krasnodar

The article focuses on intertextual connections existing between the classical work of literature, W. Shakespeare's tragedy “Hamlet” and modern mass culture animated film “The Lion King”.

Index terms: William Shakespeare, allusions, intertextual connections, “Hamlet”, “The Lion King”.

Об авторе:

Гонца София Игоревна – студентка 4 курса РГФ Кубанского государственного университета; e-mail: sofija4@mail.ru

УДК 81'42

ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ КАК ДОМИНАНТА ДИСКУРСА И СТЕРЖЕНЬ ТЕКСТОВОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Е. С. Грушевская

Кубанский государственный университет, Краснодар

В статье рассматриваются проблемы, связанные с языковой личностью. Отмечается, что самым благодатным материалом для исследований личности и, прежде всего, языковой личности являются текстовые произведения. Именно в них наиболее ярко отражается не только личность его создателя, но и личность получателя информации. Анализируется первый начальный этап коммуникативного сотрудничества Личности автора и личности реципиента.

Ключевые слова: языковая личность, художественный текст, курс, коммуникация, автор, реципиент, язык.

Современная лингвистика выдвигает на первый план проблемы, связанные с коммуникативной личностью, личностью, создающей то или иное речевое произведение и личностью, его воспринимающей. Основопологающим здесь является понимание языковой личности, «как совокупности способностей и характеристик человека, обуславливающих создание и воспроизведение им речевых произведений» [1, с. 3].

Интерес лингвистов, психологов, социологов, лингвокультурологов, этнолингвистов, литературоведов и других учёных, занимающихся проблемами, связанными с формированием личности человека, его мировоззрения, опирающихся на понимание того, что в языке отражается вся картина мира, что вся человеческая жизнь, пропущенная через человеческое сознание, находит своё выражение на разных уровнях языковой системы, огромен и неисчерпаем (Ю.Д. Апресян, М.М. Бахтин, В.П. Белянин, Л.Ю. Буянова, В.И. Карасик, Ю.Н. Караулов, В.Г. Костомаров, Г.П. Немец, Ю.С. Степанов, А. Вежбицкая и др.). Однако, многие из проблем, касающихся языковой культуры личности, анализа особенностей её мышления и характера, выявления её национальных, расовых, статусных, социальных и политических аспектов, вопросы, связанные со спецификой взаимодействия и взаимовлияния языка и культуры, ещё не решены с достаточной степенью полноты и конкретности.

В последнее время огромный интерес вызывают исследования, связанные с изучением ментальности того или иного народа (В.Г. Гак, Д.С. Лихачёв, С.Г. Тер-Минасова, А.В. Михайлов, А.А. Потемня и т.д.). В этих работах лингвисты, опираясь на конкретные языковые средства разнообразных текстов (художественных, рекламных, публицистических и т.д.) пытаются описать основные признаки ментальности того или иного народа, представить концепты той или иной культуры, представить феномен ментальности и его конститuenty.

Ментальность присуща человечеству в целом, отдельному народу, каждой личности. Личность – категория общественно-историческая. Система её отношений к обществу в целом, к себе, внутренние убеждения, нравственные идеалы, мотивы деятельности составляют её позицию и индивидуальность. Будучи существом сознательным, она не только приобретает индивидуальный опыт в ходе взаимодействия с материальным миром и общения с другими личностями, но и оказывает воспитательное и корректирующее воздействие на окружающих её и общающихся с ней, как эксплицитно посредством непосредственной коммуникации, так и имплицитно посредством текстовых структур.

Всё, что происходит в мире, обществе, природе, жизни индивида, осознаётся личностью через призму его отношения к миру, собственных представлений, нравственных и эстетических норм. Человек соизмеряет своё поведение с нормой (идеалом, целью), которая выступает в качестве эталона. Именно в этом значении те ориентации, которые обуславливают то или иное поведение личности, называют ценностными. Специфика ценности состоит в том, что она стягивает всё духовное многообразие к разуму, чувствам и воле человека. Иными словами, ценность – это личностно окрашенное отношение к миру, возникающее на основе собственного жизненного опыта человека. Выбор ценностей для личности свободен. Каждая национальная культура несёт на себе отпечаток своего ценностно-нравственного ядра.

Сформированные у человека в прошлом опыте взаимодействия с действительностью, ценностные ориентации, проявляющиеся в эталонах-мерках, прилагаемых к каждому из воздействий, которым он подвергается, всегда точно выражающие состояние его мотивационно-потребностной сферы, эмоциональных состояний, принципов поведения, делают восприятие им действительности в каждый момент его бытия очень избирательным, а отношение к ней – субъективным. Личность постоянно автономна по отношению к действительности, в которую она включена, в смысле реагирования на нее, возможности исходить из личностных целей и мотивов, способностей и характера. Она сама ставит перед собой цели, выбирает пути для их достижения и приходит к тем или иным результатам.

И.П. Тарасова отмечает наличие в личности совокупности целого ряда ипостасей:

1. «Я» телесное (физическое);
2. «Я» социальное;
3. «Я» интеллектуальное;
4. «Я» психологическое (эмоциональное);
5. «Я» речемыслительное и т.п. [3, с. 70].

«Выступая в некоторой роли, – пишет И.П.Тарасова, – человек должен вести себя соответствующим общественно-установленным образом» [3, с. 77]. Иными словами, любое речевое высказывание отражает особенности как социального, так и речевого поведения, а само речевое поведение обусловлено как манифестацией определённой ипостаси личности, так и условиями её реализации.

Проблемы, связанные с языковой личностью, должны решаться с ориентацией на необходимость учёта роли человеческого фактора в языке, что в свою очередь связывается с выявлением отношений между языком и картиной мира.

Благодатным материалом для исследований личности и, прежде всего, языковой личности являются текстовые произведения любого характера. Именно в них наиболее ярко, точно и правдиво отражается не только личность его создателя (автора), его мировоззрение и мироощущение, но и личность получателя информации. Г.Я. Солганик отмечает, что в любом своём произведении (художественном, научном, политическом и пр.) автор выступает не только как художник (учёный, политик) – творец, создатель своего стиля и его представитель, но и как выразитель своего личного жизненного опыта и мировоззрения, как историческая языковая личность [2]. В художественной и политической коммуникации автор испытывает огромное желание выразить своё личностное отношение к описываемому, к базовым проблемам, иными словами передать своё мироощущение и миропонимание.

В любом текстовом повествовании языковая индивидуальность коммуникатора является стержнем текстового пространства, представляющего собой конечный результат когнитивного процесса, связанного с реальным речепроизводством, созданием речевого произведения. Языковая личность создателя, его интеллектуально-культурный уровень, психологическое состояние, уровни компетенции, приоритеты, нравственная позиция и многое другое, лежащее в основе мотивации речевой коммуникации, являются тем стержнем текстового произведения, который объединяет идеи и информацию в единое целое. Также полно, аргументировано и красноречиво текст даёт коммуникативный портрет своего реципиента, позиции которого даже приоритетны, так как нацеленность на определённого получателя лежит в основе каждого элемента речевой коммуникации.

Текстовый материал – это «сложное гетерогенное образование, характеризующееся наличием нескольких сквозных, пространственно расчлененных, относительно автономных в языковом отношении “малых”

текстов. Каждый из них семантически и формально объединяется ... (одной) идеей и в процессе своего формирования реализует разное соотношение субъективных и объективных факторов» [4, с. 9].

Создание текстового материала, например, в художественном дискурсе начинается, прежде всего, с выбора жанра, основной и дополнительных тем, главных и второстепенных персонажей, субъективных факторов (время, место и т.п.). Именно на этом этапе создания идейно-семантическая основа произведения и формирования его лингвокультурологических характеристик, моделируется его дальнейшая рецепция получателем. Этот этап коммуникативного сотрудничества двух Личностей (Личности автора и Личности реципиента), когда мировоззрение, концептуальная картина мира и языковая культура первого (автора) определяет целостность будущего языкового отрезка, как продукта речемыслительной деятельности для мировоззрения, концептуальной картины мира и культурного уровня второго (читателя) можно назвать формированием коммуникативного сотрудничества. Эта стадия формирования художественного произведения предполагает имплицитное взаимодействие автора и реципиента, как основных участников художественного дискурса, один из которых сознательно нацелен на создание конкретной художественной речи для передачи своих идей и нравственной позиции, а второй нуждается в подобном общении для решения каких-либо своих личных задач (ответа на вопросы, связанные с теми или иными нравственными проблемами, жизненными ситуациями и т.д.). Таким образом, на данном этапе происходит скрытая коммуникация двух Личностей, для каждой из которых характерны свои, только ей присущие национальные, нравственные, социальные и культурные аспекты.

Каждый писатель имеет свою систему взглядов, представлений, ощущений и ценностей, которые формируются в тесной связи со всеми процессами, которые происходят в обществе. Вот почему при анализе творчества писателя, при интерпретации основных идей его произведений, при рассмотрении его взглядов и оценок, необходимо учитывать те аспекты культурной, духовной и политической жизни его времени и его общества, которые составляют основу его мировоззрения, которое трактуется как «результат взаимодействия системы ценностей или “картины мира” языковой личности с её жизненными целями, поведенческими мотивами и установками, проявляющийся, в частности, в порождаемых ею текстах» [1, с. 6]. На этом основании с полным правом можно утверждать, что контекст эпохи необходимо рассматривать как совокупность моральных, политических, этических и эстетических положений, характерных для периода создания того или иного произведения. Контекст эпохи создают определённые события и явления политического, исторического и культурного плана, которые формируют духовную жизнь общества, членом которого является писатель, и затем соответственно находят отражение в его творчестве. То есть, без обще-

ственно-политического и культурно-исторического анализа эпохи, представляющей собой фон, на котором создаётся то или иное художественное произведение, невозможно правильно и верно оценить его достоинства, понять содержательно-концептуальную и подтекстовую информацию произведения, проникнуть в концептуальную картину мира автора.

Для обозначения способа мышления, свойственного отдельной личности, группе личностей, тому или иному народу используется термин «менталитет». С ним неразрывно связано мышление и язык, ибо они формируют менталитет и испытывают на себе его влияние. Именно язык формирует определённую логику построения мыслей, то или иное поведение, оказывает определённое влияние на формирование менталитета различных национальностей.

Список литературы

1. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987. 262 с.
2. Солганик Г.Я. От слова к тексту. М.: Просвещение, 1993. 189 с.
3. Тарасова И.П. Структура личности коммуниканта и речевое воздействие // Вопросы языкознания. 1993. № 5. С. 70–77.
4. Тхорик В.И. Языковая личность в аспекте лингвокультурологических характеристик. Краснодар: Кубан. гос. ун-т, 2000. 196 с.

LINGUISTIC IDENTITY AS DISCOURSE DOMINANT AND AXIS OF A TEXT WORK

E.S. Grushevskaya

Kuban State University, Krasnodar

Issues of the article are related to linguistic identity. Text works are identified as conducive to identity researches and particularly to linguistic identity researches. They can reflect not only the author's identity, but also the recipient's one. The initial stage of the communicative co-operation between the author's and the recipient's identities is analyzed.

Index Terms: linguistic identity, fiction text, discourse, communication, author, recipient, language.

Об авторе:

Грушевская Елена Сергеевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии Кубанского государственного университета; e-mail: kff-kubsu@yandex.ru

УДК 81'42

ОЦЕНКА КАК ДОМИНАНТА ПОЛИТИЧЕСКОГО ГАЗЕТНОГО ТЕКСТА

Т.М. Грушевская, Ю.В. Винник

Кубанский государственный университет, Краснодар

В статье рассматривается оценка как ценностный аспект значения. Анализируются семантические виды субъектов и объектов оценки. Отмечается, что субъект оценки может быть представлен как эксплицитно, так и имплицитно. Замечено, что оценочное содержание тесно связано с оценочным компонентом текста и доминирует в финальной его части.

Ключевые слова: язык, оценка, оценочный объект, оценочный субъект, оценочный предикат, лексическая единица, сравнительная оценка, текст, газета.

Отражая мир с различных сторон, язык не просто представляет объективную действительность, он характеризует её с точки зрения говорящего, представляя объективный мир через его истинность относительно концептуального мира участников акта коммуникации. Общеизвестно, что успех коммуникации зависит от степени воздействия автора на реципиента. При данном подходе рациональным представляется эмоционально-оценочное воздействие на собеседника, что в политической газетной коммуникации позволяет подвести аудиторию к восприятию определённого мнения, суждения, оценки посредством эмоционального воздействия на реципиента. Оценка как ценностный аспект значения анализируется в логическом, психологическом и лингвистическом аспектах во многих современных исследованиях, касающихся новой проблематики в лингвистике, связанной с понятием «языковая личность» [4; 5]. Э. Бенвенист утверждал, что язык как человеческий феномен является «связующим звеном жизни психической и жизни общественно-культурной» [2, с. 45]. Способность носителя языка выразить не только свой образ мыслей, но и своё отношение, свою оценку отражаемой действительности тесно связано с такой универсальной языковой категорией как категория оценки. Оценка, представляя собой мнение и отношение субъекта к объекту, в тексте «чаще всего бывает не независимой, она входит как часть в общее построение описания или рассуждения с его аргументацией и органически связана с дескриптивной стороной текста в целом. Оценка как бы расставляет объекты по местам в ценностной «картине мира», определяя их взаимодействие» [3, с. 204]. Будучи тесно связанной с прагматикой коммуникации, оценка затрагивает са-

мые разные аспекты языковой системы. Проходя через весь текст, она не имеет одинакового проявления в каждой его части.

Оценка как семантическое понятие подразумевает ценностный аспект значения языковых выражений, который может интерпретироваться как «А (субъект оценки) считает, что Б (объект оценки) хороший / плохой» [3, с. 5–6]. Таким образом, главными элементами оценочного содержания являются субъект и объект, связанные оценочным предикатом. В политическом газетном тексте (ПГТ) субъект оценки – это автор политической публикации, с точки зрения которого даётся оценка, а объект оценки – это личность, политическое событие или общественное явление, к которому относится оценка. Названные элементы могут иметь как эксплицитное, так и имплицитное представление в контексте ПГТ. Проведённый анализ показал, что для французской политической информационной газетной публицистики не характерно конкретно-личное / эксплицитное выражение субъекта оценки, представленное посредством прямого указания на лицо, с точки зрения которого даётся оценка, а именно: *je crois, je doute, je pense, d'après mon avis, nous considérons* и др. Наиболее характерными являются следующие семантические виды субъектов:

– неопределённо-личный субъект, выраженный местоимением «он»: *on croit, on trouve, on considère, on condamne*;

– собирательный субъект, представленный лексическими единицами, обозначающими множественность лиц: *les principaux quotidiens israéliens ont condamné, la plupart des ministres considèrent, Moscou est d'accord avec Washington, les organisations humanitaires croient, le Maroc s'inquiète*;

– безличный субъект, представляющий крайнюю степень отстранённости субъекта оценки и представленный безличными конструкциями: *il est vrai que, c'est dommage que, il faut condamner, il vaut mieux*;

– конкретный субъект, выражающий свою оценку, но не являющийся субъектом, с точки зрения которого передаётся общая оценка информации: *le ministre cambodgien des affaires étrangères a déclaré..., Ariel Sharon affirme...*

Имплицитный субъект оценки, наиболее характерный для политической газетной публицистики, чаще всего представлен конструкцией пассивного залога, позволяющей не указывать на субъект, с точки зрения которого даётся оценка: *Leur vie a été fauchée; New York est transformée en métropole de la peur; Le mot guerre est prononcé.*

Эксплицитное выражение оценочного субъекта присутствует в основном в пряморечевых конструкциях, используемых в ПГТ для апелляции к тому или иному авторитету. Для выражения субъекта в данных конструкциях используется его конкретно-личный семантический вид, представленный чаще всего местоимением первого лица единственного числа: *Je ne crois pas que la situation soit déjà désamorcée, a déclaré à ce sujet le président George Bush, lundi à Washington, mais je crois qu' il y a moyen de le faire...*

Оценочный объект в большинстве случаев выражен эксплицитно и представляет собой то политическое событие или общественное явление, оценка которого составляет основную тему сообщения: *L'Europe s'est figée hier à midi à la mémoire des victimes des attaques terroristes.*

Однако, нередко, в определённых целях (в соответствии с заданной линией аргументации) субъект оценки представлен имплицитно и представляет собой скрытый смысл сообщения, который должен быть декодирован реципиентом самостоятельно.

Оценочный предикат имеет два основных значения – *bien* и *mal*, т.е. особенностью оценки является «ассиметрия между положительной и отрицательной зонами «хорошо / плохо». Так, оценка «хорошо» может означать как соответствие норме, так и превышение её, в то время как оценка «плохо» всегда означает отклонение от нормы» [3, с. 19]. Нормой в политическом газетном тексте представляется то некое постоянное представление о данном объекте оценки, которое существует в концептуальной картине мира и субъекта оценки и реципиента как основных частей единого социума. Таким образом, «роль субъекта оценки заключается в соотношении свойств объекта с имеющимися в «картине мира» оценочной шкалой и стереотипами» [3, с. 68]. Естественно, что концептуальные картины мира разных субъектов часто не совпадают. В ПГТ это может быть обусловлено несовпадением политико-идеологической установки газетного издания, представителем которого является автор текста как субъект оценочной структуры и социального статуса читателя, т.е. реципиента как получателя информации. Поэтому в разных газетных изданиях одно и то же событие может быть по-разному представлено и иметь разную оценку. Интересным представляется тот факт, что подобные лексические единицы не только передают отрицательную характеристику объекта оценки (эксплицитное смысловое содержание), но и создают тем самым положительную оценку действий собственного правительства (имплицитное смысловое содержание).

В политической публицистике оценка того или иного политического события, создавая контекст для формирования определённого отношения к излагаемой информации, делает процесс убеждения в массовом информационном воздействии более эффективным.

Последним компонентом оценки (помимо субъекта, объекта и основания оценки) является её характер, представленный двумя основными параметрами: абсолютная оценка и сравнительная оценка.

Абсолютная оценка, используемая в основном при одном объекте оценки в рамках ПГТ, выражается оценочными лексическими единицами, содержащими смысловой компонент *bien / mal*.

Сравнительная оценка предполагается обычно в контексте двух объектов оценки и используется для аргументации через контрастное изложение информации и аргументации по аналогии. Суть данных способов аргументации состоит в сравнении двух или нескольких подобных политиче-

ских событий. Для этой цели в политическом газетном тексте используются модальные средства, выражающие убеждение с помощью косвенного доказательства. К средствам выражения данного типа модальности относятся, главным образом, лексика с предположительным значением: наречия sûrement, évidemment, peut-être, probablement, vrai semblablement / очевидно, возможно, вероятно; глаголы sembler, paraître, avoir l'air de / казаться, иметь вид; faire suite / следовать за; прилагательные pareil, semblable, analogue, ressemblant, comparable, proche, voisin à / похожий, подобный, аналогичный, близкий; союзы pendant que, alors que, tandis que / в то время как, тогда, между тем как, тогда как, пока; предлоги au lieu de, contrairement à / вопреки, в противоположность и т.д. Подобные модальные единицы, находясь в основе смысловой структуры информации, способствуют косвенному доказательству предлагаемого суждения, выявляя сходство между различными политическими событиями объективной действительности. Таким образом, возникает так называемое умозаключение по аналогии, представляющее собой логический вывод, в результате которого достигается необходимое коммуникатору суждение о том или ином факте политической жизни на основе его сравнения с другим специально выбранным фактом, определённая оценка которого уже зафиксирована в сознании реципиента и автоматическая должна перейти на описываемое политическое явление.

Оценочное отношение практически никогда не бывает самостоятельным, т.е. не передающим ничего кроме оценки. Практически всегда оно самым тесным образом связано с эмоциональным отношением, так как к рационально-оценочной деятельности человека всегда подключаются его эмоции. Шарль Балли указывал: «Средний человек – тот, кто создаёт и видоизменяет язык, – существо по преимуществу эмоциональное. «Чистая» мысль противоречит его сокровенной природе, равно как и постоянным, самым насущным потребностям жизни» [1, с. 26]. Таким образом, практически каждое слово, выражающее ту или иную оценку, наряду с оценочным компонентом содержит компонент эмоциональный. Другое дело какой из этих компонентов доминирует в той или иной части текста и какую роль играет в создании заложенного смыслового содержания. На наш взгляд, в начальных частях текста преобладает эмоциональный компонент любого слова с оценочным значением. Так, например, знакомясь с содержанием ПГТ, посвящённого любой террористической деятельности, реципиента в первую очередь захватывает не оценочный компонент субститута terroriste, а его эмоциональный компонент, настраивающий на негативное восприятие объекта данной оценки. Но он ещё не готов оценить объект, так как не имеет достаточной информации, позволяющей соотнести качества и деятельность объекта с существующей в его мышлении шкалой социально-политической оценки. Лишь после знакомства со всей политической информацией появляются основания для оценочного суждения, что делает оценочный компонент ведущим в смысловом содержании лексиче-

ской единицы лишь в заключительных частях текста. Например: *Ce triple crime pourrait compliquer le redémarrage des négociations de paix entre le gouvernement et les mouvements de guerilla, bloquées depuis plusieurs semaines* / Это тройное преступление могло бы усложнить возобновление мирных переговоров, которые не ведутся уже в течении многих недель между правительством и партизанскими движениями. Лишь только в заключительной части текста становится понятно оценочное значение выражения *ce triple crime*, тогда как в начальной части данное словосочетание ещё ничего не выражало, кроме неблагоприятного эмоционального фона, созданного концептуальным значением слова «преступление». Ведь только понимая сущность объекта оценки, представляя его полностью, можно, отбросив эмоциональный компонент, доминирующий в начале, дать его оценку на основе имеющейся информации.

Таким образом, одним из основных прагматических параметров политического газетного текста является то оценочное содержание, которое субъект должен передать реципиенту относительно описываемого политического события. Данное содержание, будучи тесно связанным с эмоциональным компонентом, доминирует в большинстве случаев в финальной части текста и может иметь как эксплицитное, так и имплицитное выражение.

Список литературы

1. Балли Ш. Французская стилистика. М.: Издательство иностранной литературы, 1961. 392 с.
2. Бенвенист Э. Общая лингвистика. М.: Прогресс, 1974. 448 с.
3. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. М.: Наука, 1985. 228 с.
4. Человеческий фактор в языке: Коммуникация, модальность, дейкис / Н.Д. Арутюнова, Т.В. Булыгина, А.А. Кибрик. М.: Наука, 1992. 282 с.
5. Человеческий фактор в языке: язык и порождение речи / Е.С. Кубрякова, А.М. Шахнарович, Л.В. Сахарный. М.: Наука, 1991. 240 с.

EVALUATION AS A DOMINANT OF A POLITICAL NEWSPAPER TEXT

T.M. Grushevskaya, Y.V. Vinnik

Kuban State University, Krasnodar

In this article evaluation as an evaluative aspect is discussed. Semantic types of subjects and objects of evaluation are analyzed. It is marked out that a subject of evaluation can be represented both explicitly and implicitly. It is also interjected that an evaluative content is connected with an evaluative component of a text and dominates in its final part.

Index terms: language, evaluation, evaluative object, evaluative subject, evaluative predicate, lexical unit, comparative evaluation, text, newspaper.

Об авторах:

Грушевская Татьяна Михайловна – доктор филологических наук, профессор кафедры французской филологии РГФ Кубанского государственного университета; e-mail: kff-kubsu@yandex.ru

Винник Юлия Вячеславовна – магистрант 2 курса РГФ Кубанского государственного университета; e-mail: dzhulia.vinnik@yandex.ru

УДК 908(470+571)

НЕМЕЦКИЕ ПЕРЕСЕЛЕНЦЫ В КУБАНСКОЙ ОБЛАСТИ

С.В. Дармодехин

Кубанский государственный университет, Краснодар

В статье рассматривается вопрос заселения Кубанской области немецкими мигрантами во второй половине XIX – начале XX века.

Ключевые слова: культурная норма, поселянин-собственник, православная вера.

Немецкие переселенцы стали заметными на Кубани в середине XIX в. Они прибывали из Таврии, Бессарабии (результат Крымской войны), а также из Саратовской и Самарской губерний, где экономические условия немцы считали мало благоприятными [1; 14]. Войсковые власти встречали немцев доброжелательно, ожидая, что «рациональный немецкий способ ведения хозяйства послужит примером для местных жителей» [2, с. 365].

Немецкие поселения назывались колониями, а сами немцы – колонистами, которые получали на свое хозяйствование заметные социально-экономические привилегии. В Кубанскую область в основном направлялись немцы, предки которых прибыли в Россию из Австро-Венгрии, Вюртемберга, Германии, Пруссии, Баварии и Саксонии. Часть из них продолжала сохранять подданство землям исхода (1464 чел. на 1897 г.) [3]. До Кубани все они (одно или два поколения) проживали в колониях в Поволжье, Таврии и Бессарабии. Германские государства не теряли связи с выехавшими соотечественниками и приняли в 1870 г. закон о возможности их двойного гражданства [2]. В 1871 г. Конституция Германской империи... подчинила эмиграцию имперскому надзору..., «считая необходимым воздействовать “на эмиграцию в национальном духе”, добиваясь более тесной связи между немцами, проживающими в других государствах, и их соотечественниками в Германии» [4, с. 268].

После 1871 г. немецкие колонии в России получили статус поселений, а колонисты – поселян-собственников с утратой части привилегий [5]. В категории русских крестьян, «с точки зрения поземельного устройства», это понятие объяснялось так: поселяне-собственники – «(бывшие колонисты), водворенные на казенных землях» [6, с. 164]. В Кубанской области этот статус появился позже 1871 г., поскольку земля в ней являлась Войсковой, и решение о поселенцах могло быть принято только Войском, на что ушло некоторое время.

Изменение статуса немецкого колониста заключалось в следующем. Хозяйство поселянина-собственника развивалось «уже не на казенных, а на купленных или арендованных колонистами землях» [5, с. 674]. Колонии, превратившись в поселения и хутора, утратили немецкие названия и получили русские. Всеобщая воинская повинность полностью распространилась на поселенцев, способствуя их вовлечению в русскую среду. В поселениях делопроизводство перешло на русский язык. Бывшие колонисты рассматривались властью как часть русского национального крестьянства. Статус поселянина-собственника предполагал «применение (к ним – С.Д.) общих начал положения о крестьянах 1861 г.» с сохранением части имевшихся прежде льгот [5, с. 674]. Недовольные немцы стали выезжать из России, направляясь в США, Канаду, Бразилию и некоторые другие страны. «Из одной Таврической губернии переселились в Америку до 1876 г. около 900 меннонитских семейств, и почти столько же из Екатеринославской губернии» [2, с. 375]. В Кубанской губернии отъезд немцев был незначительный. Причиной выезда, как и в других регионах империи, называлась усилившаяся русификация, исходящая из правительства; одновременно сократился въезд немцев в Россию. Но те, кто имел налаженное хозяйство, продолжали его сохранять и расширять [4]. В целом в 1861–1900 гг. количественное превышение прибывающих немцев «из Германии над оттоком составило 1,1 млн. человек» [7, с. 26].

С окончанием Кавказской войны (1817–1864 гг.) в состав Российской империи вошли новые территории на Кавказе. Для экономической интеграции они остро нуждались в трудовых ресурсах. И. Дукмасов в 1887 г. объяснил Положение 1866 г. «О заселении Черноморского побережья», прилегающего к Кубанской области следующими возможными вариантами освоения территорий: 1) использование переселенцев, выделяя им на семью по 50 дес. (общинное пользование); 2) предоставление такой же земельной площади жителям городов и деревень, принимающим на себя по хозяйственному уставу определенные обязательства; 3) «продажа земельных участков в частные руки» [8, с. 5].

Однако реализация этих возможностей проходила слабо. В Кубанской области климатические условия были лучше, чем в Черноморской губернии – отсутствовала высокая влажность с сопутствующими болезнями и высокой смертностью населения. Степная полоса обживалась немцами

быстрее, чем побережье. Кроме немцев, на заселение Черноморья приглашались греки, молдаване, чухонцы, чехи, эстонцы, русские и представители других народов [8]. Считалось, что мелкие хозяйства с личным трудом будут более эффективны, чем крупные, не имеющие специальных ресурсов, обеспечивающих рабочую силу [8]. Исследователи считают, что в демографическом освоении Кубанской области в XIX в. были достигнуты важные результаты: во-первых, территории заселялись «военно-служилыми группами, в первую очередь казачеством» [9, с. 20]; во-вторых, в национально-этническом составе заметно преобладало русское и украинское население [9]; в-третьих, сложилась достаточно устойчивая структура населения: 47,7 % – украинцы, 42,6 % – русские, 2,0 % – черкесы, 1,1 % – немцы, 1,1 % – греки, 0,7 % – армяне и др. [5]. Характерной особенностью области явились многочисленные этнические включения в составе населения (насчитывалось свыше 23 языков).

Количество немцев в Кубанской области возрастало и достигло в 1876 г. примерно 4402 чел. [10]. Численность всего населения составила 795260 чел. На долю казаков пришлось 82,1 %, а иногородних – 17,9 % [11]. На Черноморском побережье в долинах небольших речек немцев проживало мало – около 80 чел. В области развивалось пять городов, «212 станиц и 66 казачьих поселков, 29 селений государственных крестьян, 5 немецких колоний, 80 аулов горцев, 1 местечко, 3 слободки, 4 монастыря, а в (соседнем – С.Д.) Черноморском округе – город Новороссийск, 2 посада и 54 деревни» [12, с. 90].

Немецкое население увеличилось к 1882 г. до 10142 чел. – менее 1,0 % всего населения области. Около 60 % немецких крестьян проживали в Баталпашинском и Кавказских отделах. По отделам немецкое население распределялось следующим образом: Екатеринодарский отдел – 12,8 %, Ейский – 9,6 %, Темрюкский – 10,2 %, Майкопский – 8,2 %, Баталпашинском – 21,6 %, Кавказском – 37,6 %; в городах проживало 409 немцев (4,1 %) [Рассчитано по 2]. Прибывающим немцам не разрешалось «покупать войсковые земли, но они могли их арендовать» [12, с. 553]. Позднее это также запретили, и немцы брали землю в аренду или приобретали в собственность у частных лиц; на таких площадях появлялись их поселения. Немцы предпочитали земельные участки, изолированные от станичных юртов и поселков; местные землевладельцы охотно отдавали их им в аренду или «продавали... за весьма ничтожную цену» [12, с. 4]. Немцы особо занимались хлебопашеством, садоводством, виноградарством, табаководством, скотоводством и коневодством [1]. Их производство отличалось хорошим качеством продукции.

Ко времени проведения первой Всеобщей переписи населения Российской Империи 1897 г. численность населения в области составила 1918881 чел. (11,6 % в городах) [3]. Немецкое население практически более чем удвоилось, по сравнению с 1882 г., составив 20788 тыс. чел. [9]. Сказа-

лась высокая рождаемость немцев и их миграции в область из других местностей империи. В переселенческой политике важное место отводилось русификации, которая, ожидали, станет продолжением «социального и экономического преобразования и включения (немцев – С.Д.) в административные и правовые институты империи». Не одобрялись ни принудительное (их – С.Д.) обращение в православную веру, ни тем более навязывание языка или культурных норм» [13, с. 332]. Немцы со дня своего появления в России получили: свободу вероисповедания; земельный надел в 30 дес., передававшийся в вечное пользование; освобождение от податей и повинностей на определенный срок; освобождение от службы в армии и присяги; свободную торговлю; свое немецкое управление и суд внутри колонии; беспроцентный кредит на хозяйственное обустройство (возврат через 10 лет в последующие 3 года); винокурение, пивоварение для личных потребностей; невмешательство чиновников во внутреннюю жизнь колонистов [5, 673]. В начале XIX в. колонисты, проживавшие в Крыму, добавили к льготам «беспощинный привоз иностранных товаров и вывоз русских» [15, с. 71]. Такие привилегии были не доступны русскому крестьянину, который видел в колонистах, несправедливо обласканных властью «любимчиков Катьки».

К концу XIX в. социальный состав немцев в Кубанской области существенно изменился; появились: потомственное дворянство, дворянство личное, чиновничество не из дворян, потомственные и личные почетные граждане – их доля с семьями составляла 0,73 % немецкого населения. Немцы из мещанского сословия представляли 3,73 %, купцы – 0,04 %, духовенство – 0,05 % (тяготело к сельской местности), В казачьем войске было задействовано 19 немцев (21 член семьи).

Немцы, проживающие в городах, стремились занять самостоятельное положение во многих профессиях: в администрации, в суде и полиции служило 10 чел. (членов семей – 25 чел.); на почте и телеграфе (телефонной станции) – 11 чел.; во врачебной и санитарной деятельности – 26 чел.; в кредитных и общественных коммерческих учреждениях – 4 чел.; на производстве вина, пива, медовухи – 22 чел.; на изготовлении одежды – 164 чел.; на железной дороге – 44 чел.; в торговле машинами и оружием – 10 чел.

Труд немцев пользовался спросом. Немецкое население в Кубанской области возрастало, составив в 1913 г. 25640 чел. или 0,84 % всего населения [16]. В России к началу XX в. проживало не менее 1,5 млн. немцев [4, 273].

Список литературы

1. Год у немецких колонистов // Кубанский сборник. Труды Кубанского областного Статистического Комитета / Под ред. С.В. Руденко. Т. 6. Екатеринодар: Тип. Кубан. обл. правления, 1900. С. 1–40.

2. *Городецкий Б.М.* Немецкое землевладение на Кубани // Кубанский сборник на 1915 год / Под ред. Л.Т. Соколова. Т. XX. Екатеринодар: Тип. Кубан. обл. правления, 1915. С. 352–380.

3. Первая Всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 г. LXV: Кубанская область / Под ред. Н.А. Тройницкого. СПб: Стат. Комитет МВД. Изд. Яблоновского, 1905. 264 с.

4. *Ганци В.* Немецкая эмиграция в XIX столетии. // История человечества. Всемирная история / Под ред. Г. Гельмольта. Т. IX (доп). СПб.: Просвещение, 1909. С. 255–291.

5. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона / Под ред. К.К. Арсеньева, О.О. Петрушевского. Т. XXIV^A (48) Полярные сияния – Прая. СПб.: Типо-Литография И.А. Ефрона, 1898. 502 с.

6. Россия. Энциклопедический словарь. Л.: Лениздат, 1991. 922 с.

7. *Кабузан В.М.* Немецкое поселение в России в XVIII – начале XX века // Вопросы истории. 1989. № 12. С. 18–30.

8. *Дукмасов И.* О заселении Черноморского побережья Кавказа казачьим войском. М.: Тип. М. Каткова, 1887. 40 с.

9. *Ракачев В.Н., Ракачева Я.В.* Народонаселение Кубани в XX веке. Т. 1 1900–1920-е гг. Краснодар: КубГУ, 2005. 199 с.

10. Памятная книжка Кубанской области на 1876 год. Екатеринодар: Тип. Кубан. обл. правления, 1876. 642 с.

11. Кавказский календарь на 1894 год / Под ред. Е. Кондратенко. Тифлис: Грузинское Издательское Т-во и М. Мартиросянц, 1893. 476 с.

12. Энциклопедический словарь по истории Кубани. С древнейших времен до октября 1917 / Сост. Б.А. Трехбратов. г. Краснодар: Эдви, 1997. 560 с.

13. *Раефф М.* Екатерина II. // Русские цари 1547–1917. / Под ред. Х.И. Торке. Ростов-на-Дону: Феникс. Зевс, 1997. С. 402–449.

14. *Кузнецова Р.Ш.* Немцы (материалы к изучению западноевропейских колонистов на Кавказе). // Археология и этнография Северного Кавказа / отв. ред. Н.И. Кирей. Краснодар: Кубанский государственный университет, 1998. С. 302–449.

15. *Корнилов А.А.* Курс истории России XIX века. М.: Высшая школа, 1993. 446 с.

16. Кубанские станицы: этнические и культурно-бытовые процессы на Кубани / отв. ред. К.В. Чистяков. М., 1967. 356 с.

GERMAN SETTLERS WITHIN KUBAN OBLAST

S. V. Darmodekhin

Kuban State University, Krasnodar

The article deals with the problem of German migrants settling in Kuban oblast in the period from the second half of the XIX century till the beginning of the XX century.

Index Terms: norms within the culture, villager-landowner, Russian Orthodox Faith.

Об авторе:

Дармодехин Святослав Владимирович – кандидат экономических наук, доцент, профессор кафедры теории и практики перевода Кубанского государственного университета; e-mail: theory@rgf.kubsu.ru

УДК 82-1:82-98

СИМВОЛЫ В ПОЭТИКЕ ТЕДА ХЬЮЗА

А.Н. Дармодехина

Кубанский государственный университет, Краснодар

Статья рассматривает поэтический язык британского поэта Теда Хьюза, особенно в аспекте создания им разноплановых и уникальных символов.

Ключевые слова: просодика, миф, поэтический, персонификация, автор-рассказчик.

О символике современной литературы пишут много. Причем нередко разные критики усматривают разные символы в одном и том же произведении. В какой-то мере это объясняется полисемией самого термина. «Символ выступает в качестве выразителя метонимических отношений между понятием и одним из его конкретных репрезентантов», – отмечает В.А. Кухаренко [1, с. 45]. Стихотворение Теда Хьюза «Ветер» дает нам много возможностей увидеть взаимодействие различного рода символов в одном поэтическом тексте.

Wind

This house has been far out at sea all night,	(1)
The woods crashing through darkness, the booming hills,	(2)
Winds stampeding the fields under the window	(3)
Floundering black astride and blinding wet	(4)
Till day rose; then under an orange sky	(5)
The hills had new places, and wind wielded	(6)
Blade-light, luminous black and emerald,	(7)
Flexing like the lens of a mad eye.	(8)

At noon I scaled along the house-side as far as	(9)
The coal-house door. Once I looked up –	(10)
Through the brunt wind that dented the balls of my eyes	(11)
The tent of the hills drummed and strained its guyrope,	(12)
The fields quivering, the skyline a grimace,	(13)
At any second to bang and vanish with a flap:	(14)
The wind flung a magpie away and a black-	(15)
Black gull bent like an iron bar slowly. The house	(16)
Rang like some fine green goblet in the note	(17)
That any second would shatter it. Now deep	(18)
In chairs, in front of the great fire, we grip	(19)
Our hearts and cannot entertain book, thought,	(20)
Or each other. We watch the fire blazing,	(21)
And feel the roots of the house move, but sit on,	(22)
Seeing the window tremble to come in,	(23)
Hearing the stones cry out under the horizons.	(24)
Ср.:	
Тед Хьюз	
Ветер	
Дом наш всю ночь был как в море открытом	(1)
Леса трещали во тьме, горы гудели	(2)
Ветры, поля оседлав, за окном	(3)
Носились, черные, влагой слепящие.	(4)
Пока день не пришел; и вот под оранжевым небом	(5)
Горы на новых местах оказались, ветер царит,	(6)
Легче былинки сверкающе-черный и изумрудный	(7)
Мечется подобно зрачку безумного глаза	(8)
В полдень спустился я вниз и вдоль стены дома добрался	(9)
До двери сарая с углем. Вверх я взглянул и увидел –	(10)
Сквозь ветра порыв, что глаза мне в глазницы вдавил –	(11)
Хлопал и рвался горный шатер, едва удерживая укрепления свои.	(12)
Мелкой дрожью поле дрожало, горизонт в гримасе кривился	(13)
В любую минуту могло все с шумом сорваться, исчезнуть	(14)
Ветер сороку унес, черноспинная чайка	(15)
Изгибалась как металлический прут. Дом	(16)
Звенел как тонкий зеленый бокал на ноте	(17)
Готовой в любую минуту его расколоть. Вжимаемся	(18)
В кресла перед горящим камином, сердце	(19)
Стараясь унять и на ум не идут ни книга ни мысль	(20)

Ни мы сами. От яркого пламени глаз не отводим	(21)
И чувствуем, что корни дома смещаются, но продолжаем сидеть,	(22)
И видим – окно, дрожа, просится в дом впустить	(23)
Слышим, как в фундаменте дома камни кричат.	(24)

Перевод З. Жарской

Стихотворение «Ветер» Теда Хьюза выходит далеко за рамки разовых метонимических отношений между понятием и репрезентантом: This house has been far out at sea all night, / (1) Дом всю ночь был (находился) далеко в море /. Переводчик вынужден был добавить слово «как», чтобы русский читатель, привыкший во многом к конкретным поэтическим описаниям, не был введен в заблуждение по поводу реальности описываемого. Правомерен и перевод: Winds stampeding the fields... / (3) Ветры, поле оседлав... / Авторский символ (досл.: ветры, обратив в бегство поля...) не утрачен, найден образ, близкий русской ментальности. The hills had new places... / (6) Горы на новых местах оказались... / Сравнение ветра со зрачком безумного глаза может показаться необычным, если не иметь в виду того, как французские символисты живописали солнце. А оно, затянутое мглой, присутствует в тексте имплицитно: “under an orange sky” («под оранжевым небом»). Ветер раскачивает горы: Through the burnt wind.../(11) The tent of the hills drummed... / (12) Сквозь ветра порыв.../(11) Хлопал и рвался горный шатер.../(12). Поле и горизонт стали одушевленными предметами: The fields quivering, the skyline a grimace, / (13) Мелкой дрожью поле дрожало, горизонт в гримасе кривился / ; The house rang / (17), the roots of the house move / (22) Дом звенит / (17), имеет корни, которые смещаются / (22). The stones cry out under the horizons / (24). В фундаменте дома камни кричат / (24). Уникальный символ стихотворения: ...seeing the window tremble to come in / (23) видя, как окно дрожит, просясь войти. Символы-уподобления в поэтике Теда Хьюза объединяют неоднородные предметы для определения сущности каждого. В данном случае это достигается с помощью персонификации, а также замены неодушевленных предметов одушевленными. В тексте наряду с символами-уподоблениями есть и классические по своей структуре сравнения, не скрытые от глаза читателя: flexing like the lens (мечется подобно зрачку), Black gull bent like an iron bar slowly (Изгибаясь как металлический прут), The house / Rang like some fine green goblet (Дом / Звенел как тонкий зеленый бокал).

Символы-уподобления и открытые сравнения находятся в художественном тексте в органичном единстве с вполне реальным описанием состояния природы: The woods crashing / (2) (леса трещали); the booming hills / (2) (горы гудели); Till day rose... / (5) (Пока день не пришел /); At noon I scaled along the house-side as far as / (9) The coal-house door / (10) (В полдень спустился я вниз вдоль стены дома добрался / До двери сарая с углем); ...Now deep / (18) In chairs, in front of the great fire, we grip / (19) Our hearts

and cannot entertain book, thought, / (20) Or each other. We watch the fire blazing / (21) (Вжимаемся / В кресло перед горящим камином, сердце / стараясь унять и на ум не идут ни книга ни мысль / Ни мы сами. От яркого пламени глаз не отводим); ...but sit on / (22) (но продолжаем сидеть, /).

Цвета в стихотворении преимущественно мрачные. Цветовые оттенки от темных – winds ... *black* (ветры черные), the wind ... *luminous black* and *emerald* (ветер... сверкающе-черный и изумрудный), a black-back gull (черноспинная чайка) до ярких – under an *orange* sky (под оранжевым небом), the wind ... *emerald* (ветер... изумрудный). The house / Rang like some fine *green* goblet / (Дом звенел как тонкий *зеленый* бокал), что ассоциативно наводит на размышления о доме, заросшем плющом, the great fire (горящий камин) ...the fire blazing (яркое пламя) передают тончайшие оттенки настроения рассказчика-протагониста. В сочетании с символами-уподоблениями, реальными описаниями и сравнениями они создают тот удивительный в своем правдоподобии мир, который открывает читателю поэтика Теда Хьюза.

Путь английской поэзии от мифологии У.Б. Иейтса к мифотворчеству Хьюза непрямой. Примером этому служит стихотворение «Водво».

Ted Hughes

Wodwo

What am I? Nosing here, turning leaves over (1)
 Following a faint stain on the air to the river's edge (2)
 I enter water. What am I to split (3)
 The glassy grain of water looking upward I see the bed (4)
 Of the river above me upside down very clear (5)
 What am I doing here in mid-air? Why do I find (6)
 this frog so interesting as I inspect its most secret (7)
 interior and make it my own? Do these weeds (8)
 know me and name me to each other have they (9)
 seen me before, do I fit in their world? I seem (10)
 separate from the ground and not rooted but dropped (11)
 out of nothing casually I've no threads (12)
 fastening me to anything I can go anywhere (13)
 I seem to have been given the freedom (14)
 of this place what am I then? And picking (15)
 bits of bark off this rotten stump gives me (16)
 no pleasure and it's no use so why do I do it (17)
 me and doing that have coincided very queerly (18)
 But what shall I be called am I the first (19)
 have I an owner what shape am I what shape (20)
 am I am I huge if I go (21)
 to the end of this way past these trees and past these trees (22)
 till I get tired that's touching one wall of me (23)

for the moment if I sit still how everything (24)
 stops to watch me I suppose I am the exact centre (25)
 but there's all this what is it roots (26)
 roots roots roots and here's the water (27)
 again very queer but I'll go on looking. (28)

Водво

Что я такое? Выслеживая здесь и листья вороша (1)
 Следуя за бледным пятном в воздухе к кромке реки (2)
 В воду вступаю. Что я такое что могу рассечь (3)
 Стекланную воды структуру вверх глядя вижу ложе (4)
 Реки я над собой вверх дном так ясно (5)
 Что делаю я здесь высоко в воздухе? И почему я нахожу (6)
 лягушку эту интересной когда исследую я потайное (7)
 ее нутро и делаю его своим Знают ли эти сорняки (8)
 меня и называют ли друг другу мое имя и видели (9)
 ли меня прежде, гоюсь ли для их мира? Кажусь (10)
 из отделенным от почвы без корней но выпавшим (11)
 из ничего случайно. Нет нитей у меня (12)
 чтобы за что-то зацепиться. Могу отправиться куда угодно (13)
 Мне кажется дана свобода места этого Что ж я тогда? Сдиранье (14)
 клочков коры с гнилого пня не доставляет (15)
 мне удовольствия и бесполезно так почему я это делаю (16)
 я и занятие это совместились очень странно (17)
 но как меня назвать и первое ли я (18)
 и кто владеет мной каков мой образ каков (19)
 мой образ (каких я очертаний) огромен я и если я пойду (20)
 до самого конца дороги этой мимо деревьев деревьев этих мимо (21)
 пока не утомлюсь прикасается оно к одной стене моей (22)
 на миг если сию я тихо как замирает все (23)
 чтоб наблюдать за мной Я полагаю я точный центр (24)
 но вот все это вокруг что это корни (25)
 корни корни корни и вот вода опять (26)
 странно весьма но буду я внимательно следить (27)

Перевод З. Жарской

Водво – фигура мифическая, пришедшая из поэмы «Сэр Гейвин» и зеленые «рыцари», написанной в 14-м веке: “Sometimes with serpents he fought, and with wolves also / Sometimes with wodwos, that lived in the rocks”. (Иногда он сражался со змиями и также с волками, / Иногда с водво, которые жили среди скал). Слово “wodwo” иногда переводится как «троль», «сатир», а иногда как «дикарь из леса». В данном случае герой привлекает автора, скорее всего, самой неопределенностью его статуса – водво – уже не зверь, но еще и не человек, который очутился в мире и осознал, что он есть. В стихотворении автор-рассказчик отсутствует, зато налицо герой с

его потоком сознания и установкой для себя самого: «Я буду внимательно следить». Водво обладает характерными чертами человека и зверя одновременно. Синтаксические параллельные конструкции оттеняют эти черты. Водво задает себе множество философских вопросов, риторических по форме. В них можно проследить семантическую близость таких существительных, как “roots” и “threads” (корни и нити).

Внутренний монолог Водво практически невозможно раскодировать с помощью знаков препинания. В данном тексте они полностью отсутствуют. Это подтверждает тезис о том, что читателю предложен поток сознания. Стихотворение не разбито на строфы, заглавные буквы в начале строки не выделены, как это часто делается в стихотворном тексте. Но ритм, ударения во взаимодействии с синтаксическими структурами делают внутреннюю речь Водво одновременно неуверенной и местами чуть замедленной, как если бы он не привык еще думать. Аллитерации (*that's touching, inspect its*) и ассонансы (*nosing over, following*), взаимообогащающаяся, работают на создание звукового эффекта прерывистости, обусловленной короткими синтаксическими структурами, которые приходится выделять паузами, иногда до трех пауз в одной строке, распадающейся на три синтагмы: *have I an owner (пауза) what shape am I (пауза) what shape / (20) am I (пауза) am I huge (пауза) if I go / (21)*. Водво задается вопросом: «Кто я» (этот вопрос задавал себе, хотя бы раз в жизни, каждый мыслящий человек). Познать себя и окружающий мир, увидеть свою личность как бы со стороны и продолжать изучать себя – не в этом ли философский смысл поэтического произведения? Мы и наши связи – корни и нити: «Я полагаю я точный центр но вот все это вокруг что это корни корни корни корни и вот вода опять».

В данном случае сама двойственная природа Водво (символа) связывается с уподоблением двух разноплановых и разнородных явлений (понятий), чтобы пояснить сущность самого символа. Тед Хьюз с помощью символа-уподобления создает вполне реальный нереальный образ. Специфическая синтаксическая просодика без знаков препинания, но с прерывистыми и короткими повествовательными и вопросительными структурами делает стихотворение «Водво» не слишком сложным для перевода. Трудность при передаче этого глубоко философского произведения искусства на другой язык заключена в том, чтобы найти эквиваленты большинству элементов просодической реализации, а это в данном случае превосходно удалось решить переводчику.

Список литературы

1. Кухаренко В.А. Интерпретация художественного текста. Л.: Просвещение, 1979. 328 с.

Источники

Hughes Ted. Collected Animal Poems, vol. 1–4. Ldn.: Faber & Faber, 1995. 156 p.

SYMBOLS IN THE POETIC LANGUAGE OF TED HUGHES

A.N. Darmodekhina

Kuban State University, Krasnodar

The article deals with the poetic language of the British poet Ted Hughes, especially from the point of view of the way he creates diverse and unique symbols.

Index Terms: prosody, myth, poetic, personification, the author-storyteller.

Об авторе:

Дармодехина Анна Николаевна – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и практики перевода Кубанского государственного университета; e-mail: theory@rgf.kubsu.ru

УДК 801.318

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ЗООМЕТАФОРИЧЕСКИХ ЭМОЦИОНАЛЬНО-ОЦЕНОЧНЫХ КЛИШЕ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА С.-Г. КОЛЕТТ «КЛОДИНА В ШКОЛЕ»)

И.А. Дубинина, В.В. Зеленская

Кубанский государственный университет, Краснодар

Статья посвящена исследованию и описанию эмоционально-оценочной лексики в художественном тексте в функционально-семантическом аспекте и выявлению функциональной значимости и эстетической роли данной лексики в художественной системе писателя.

Ключевые слова: эмоционально-оценочная лексика, художественная система писателя, зоометафорические эмоционально-оценочные клише, конструкции анафорического типа.

Эмоционально-оценочные клише, широко распространенные в разговорно-обиходной речи, индивидуализируются в процессе общения. К таким клише относятся связанные значения, ведущая роль которых принадлежит оценочному компоненту и которые характеризуются семантической бедно-

стью и размытостью. По этим признакам они схожи с поэтизмами, квалифицированными как книжно-литературное клише. В первую очередь это касается экспрессивно-оценочных клише фамильярного и просторечного характера, семантическая структура которых организована вокруг двух видов эмоциональной оценки – положительной и отрицательной. Своеобразие этих связанных значений состоит в следующем: их структура не содержит четкого указания качества, подлежащего положительной или отрицательной оценке. Эта понятийная аморфность предопределяет конкретизацию подобных значений при их соотнесении с различными ситуациями. Эмоционально-оценочные клише получают двойного рода дефиниции в словарях [4].

Для оценочных клише в семантическом плане характерна метафоричность, при которой наименования могут выступать в оценочной роли. Метафоричное употребление таких имен реализуется в специальных структурах, которые требуют прямого обращения к собеседнику, или напротив, конструкции анафорического типа:

Например:

1.– *Ah! tu ne l'as pas volé! Hein, j'y ai t'y cassé mon manche à balai sur le dos, à ton cochon de médecin! Hein, je te l'ai t'y flanquée c'te fessée! Ah! il y avait longtemps que je flairais quelque chose! Non, non, ma belle, je ne me tairai pas, je m'en fiche, moi, des gens du bal! Qu'ils entendent donc, ils entendront quelque chose de propre! Demain matin, non, pas demain, tout de suite, je fais mon ballot, je ne couche pas dans une maison pareille, moi!*

И поделом тебе! Намяла я бока твоему борову доктору! И тебе задала хорошую взбучку! Я ведь давно чужла неладное! Нет, милая, я не заткнусь, плевала я на этих танцоров! Пусть слушают, я знаю, что говорю! Завтра утром, нет, не завтра, сейчас же я соберу вещи и даже ночевать не останусь в этом доме!

В словаре В.Г. Гака и К.А. Ганшиной слово *cochon* в прямом и переносном смысле переводится как «свинья» [1, с. 209]. *Cochon* – qui est malpropre, sale, dégoûtant, grossier (souvent terme d'injure) [5, с. 201]. В «Словаре русского языка» под редакцией А.П. Евгеньевой слово «боров» представлено следующим образом: боров – *прост.* о толстом, неповоротливом человеке [3, т. 1, с. 108].

В «Словаре символов» слово «боров» выступает в качестве символа нечистых побуждений. Здесь сыграло свою роль, скорее всего, восприятие борова как животного, не очень чистоплотного, питающегося отбросами [2, с. 80].

Следует указать на чрезвычайно удачный выбор переводчиком Каспаровым лексемы «боров» из единиц «свинья» и «боров», так как «боров» прежде всего указывает на принадлежность к мужскому роду и указывает на мужчину с беспорядочными любовными связями.

В анализируемом фрагменте, адресантом оскорбления выступает мать директрисы, возмущенная тем, что ее дочь завела любовные отношения с женатым мужчиной.

Перейдем к анализу следующего клише:

2. *Je me lève en soupirant d'aise, je trouve derrière moi Luce qui dit: «Tu as de la chance, j'en suis contente pour toi.» Elle a dit ça gentiment: pour la première fois je lui caresse le cou sans malice. Bon! Encore moi! On n'a pas le temps de respirer!*

– *Mademoiselle Claudine!*

C'est le porc-épic Lacroix, ça va chauffer.

Облегченно вздохнув, я встаю. Сзади слышится голос Люс:

– *Тебе повезло. Я рада за тебя.*

Она сказала это от чистого сердца, и в первый раз я по-дружески глажу её шею. Как! Опять меня! Отдышаться не дают!

– *Мадмуазель Клодина!*

– *Это дикобраз Лакруа – ну теперь придется попотеть!*

Слово *le porc-épic* переводят как: 1) зоол. дикобраз 2) раздражительный, неприятный человек [1, с. 844]. Словарь «Le Petit Larousse en couleurs» дает следующее определение: *fig.* personne revêche, irritable [5, р. 1520]. В разговорной речи употребляется в значении – раздражительный, неприятный человек.

«Дикобраз» (грубо просторечное) – бранное слово по отношению к мужчине. Метафора «дикобраз» является оценочной, несет отрицательную коннотацию, так как подчеркивает морально-нравственную неполноценность человека.

Однако в романе «Клодина в школе» главная героиня использует лексему *porc-épic*, адресованную учителю, скорее в функции шуточной номинации, то есть как прозвища, основываясь больше на внешнем виде дикобраза: учитель представляется ей таким же непременным, грозным, «колючим», как и вышеназванное животное.

Рассмотрим клише *petit singe*:

3. *À pas silencieux, la sœur de la favorite s'avance, la petite Luce Lanthenay, contente et effarouchée de causer avec moi.*

– *Bonjour, petit singe; dis-moi «bonjour, Votre Altesse», dis-le tout de suite. Tu as bien dormi?*

Je lui caresse rudement les cheveux, ce qui ne paraît pas lui déplaire, et elle me rit de ses yeux verts pareils, tout à fait, aux yeux de Fanchette, ma belle chatte.

Ко мне тихонько подходит Люс Лантене, сестра главной любимицы начальства, довольная и смущенная представившейся возможностью побеседовать со мной.

– *Привет, мартышка! Отвечай: «Здравствуйте, ваша светлость!» Ну-ка давай! Хорошо выспалась?*

Я резким движением глажу ей волосы; Люс, судя по всему, это приятно, она улыбается мне зелёными глазами, совсем как у моей прелестной кошки Фаниетты.

В словаре «Le Petit Larousse en couleurs» выявляются следующее значения лексемы *singe*: 1) *fam.* personnel laide, au visage grimaçant 2) personne qui contrefait, imite les autres, leurs actions [5, p. 940]. В «Новом французско-русском словаре» слово *singe* переводится как: 1) обезьяна, 2) мартышка 3) уродина (о некрасивом человеке) [1, с. 1016]. В «Словаре русского языка» слово «мартышка» имеет следующее толкование: 1) *разг.* о человеке, который подражает другим, передразнивает других 2) об очень некрасивом человеке [3, т. 2, с. 527].

В «Словаре символов» Керлота обезьяны изображаются также как символы людей без твердых нравственных устоев, нечистоплотных и похабных [2, с. 308].

В романе «Клодина в школе» рассказывается о том, что очаровательная пансионерка Люс, сестра учительницы мадемуазель Лантене, прибывшая в школу позже других, сразу же попала под влияние главной героини Клодины, которая из нее сделала козла отпущения, издевалась над ней, заставляла выполнять все свои прихоти. Слова «обезьяна» и «мартышка» служат обидными прозвищами, унижающими достоинство, особенно для людей, которые не соответствуют вышеуказанным словарным определениям. Вспомним, что Люс особенно часто подвергалась нападкам Клодины, которая варьировала свои оскорбления (*tu es une cruche, toquéé, etc.*).

К зоометафоричным единицам относится клише *hanneton*:

Le bel Antonin m'adresse un «au revoir» à la fois joyeux et mélancolique. Je me suis relevée et lui envoie mon signe de tête le plus onduleux, qui fait rouler des boucles de cheveux mollement le long de mes joues. Derrière son dos, je ris: gros hanneton, il croit que c'est arrivé! Je rentre dans la classe pour prendre mon capuchon, et je reviens chez nous rêvassant à la conversation surprise derrière le petit mur.

Красавчик Антонен радостно-печальным тоном говорит мне «до свидания». Я встаю и плавно киваю головой, так что мои локоны мягко соскальзывают вниз, обрамляя лицо. Едва он поворачивается спиной, меня разбирает смех: этот толстый дурачина вообразил, что я перед ним не устояла. Я возвращаюсь в класс за пальто и иду домой, размышляя о подслушанном разговоре.

В прямом смысле слово *hanneton* обозначает – «Personne d'aspect lourd et maladroit, stupidement agitée, irréfléchie ou de comportement nuisible» [5, p. 468]. В Словаре В.Г. Гака и К.А. Ганшиной слово *hanneton* переводится следующим образом: 1) майский жук 2) *разг.* ветрогон, вертопрах [1, с. 530]. В «Словаре русского языка» А.П. Евгеньевой слово «дурачина» имеет следующее толкование: то же, что «дурак», то есть – *разг.* глупый, тупой человек [3, т. 1, с. 453].

Слово «*hanneton*» в дискурсе реализует два негативных значения: человек, имеющий фигуру как у жука (то есть толстый человек), и глупый человек, который не может разобраться в ситуации. Чтобы реализовать оба

этих значения, переводчик Каспаров выбирает очень выразительное слово «дурачина», но оно указывает только на недостаток умственных способностей, а для того чтобы выразить идею полноты, он употребляет прилагательное толстый (дурачина).

Итак, приведенные примеры и способы толкования слова свидетельствуют о его понятийной размытости, аморфности. Думается, что значительное число отмечаемых словарями признаков для обозначений, нельзя считать показателем семантического богатства, конкретности их значений: напротив, понятийная разноплановость этих признаков отражает скорее всего речевую вариативность подобных значений, разнообразие способов их конкретизации, обусловленные их содержательной бедностью и расплывчатостью.

Список литературы

1. Гак В.Г., Ганшина К.А. Новый французско-русский словарь. М.: Астрель: АСТ, 2007. 1195 с.
2. Керлот Х.Э. Словарь символов. М.: REFL-Book, 1994. 608 с.
3. Словарь русского языка: в 4 т. / под. ред. А.П. Евгеньевой. М.: 1985–1988.
4. Хованская З.И. Стилистика французского языка. М.: Высшая школа, 1984. 344 с.
5. Le Petit Larousse en couleurs. Paris: Larousse, 1995. 1784 p.

Источники

1. Коlette С.-Г. Клодина в школе / пер. с фр. В. Каспарова. М.: ТК «АСТ» «Орлов и сын», 1994. 226 с.
2. Willy et Colette. Claudine à l'école. Paris: Albin Michel, 1987. 254 p.

OPERATION OF ZOOMETAPHORIC EMOTIONAL AND EVALUATIVE CLICHÉS IN THE LITERARY TEXT (BASED ON THE NOVEL OF S.-G. COLETTE "CLAUDINE AT SCHOOL")

I.A. Dubinina, V.V. Zelenskaya

Kuban State University, Krasnodar

The article is devoted to research and description of emotionally estimated lexis of the literary text in the functional and semantic aspect and the identification of functional and aesthetic significance of the role of language in the literary system of a writer.

Index terms: emotionally estimated lexis, literary system of a writer, zoometaphoric emotionally estimated clichés, structures of anaphoric type

Об авторах:

Дубинина Инна Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры французской филологии Кубанского государственного университета; e-mail: inna_france@mail.ru

Зеленская Валентина Васильевна – доктор филологических наук, профессор кафедры французской филологии Кубанского государственного университета; e-mail: vzel11@rambler.ru

УДК 81'42

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ДИСКУРС И ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ТЕКСТ: СПЕЦИФИКА ПОНЯТИЙ

К.А. Иванова

Кубанский государственный университет, Краснодар

В данной статье дан обзор двух ключевых понятий лингвистической науки – «текста» и «дискурса». В результате анализа научной литературы и изучения множественных подходов к определению данных понятий стало возможным отметить специфические черты как текста, так и дискурса.

Ключевые слова: текст, дискурс, коммуникативная деятельность, коммуникативная ситуация.

Экономика представляет собой не только науку, но также и особую сферу общественной жизни, выходящей за рамки научного знания. Экономика граничит с различными другими науками и прослеживается в разных областях человеческой деятельности, в таких как менеджмент, социальные науки, география, история, математика и т.д. И таким образом, являясь неотъемлемой частью человеческой жизни, данное научное знание представляется нам целесообразным для исследования сквозь призму лингвистических понятий и категорий. Объектами изучения в нашей статье выступают экономический дискурс и экономический текст, ввиду чего прежде всего необходимо дать определения таким основополагающим понятиям как «дискурс» и «текст».

В самом широком смысле под дискурсом понимается термин, обладающий многозначностью, принадлежащий ряду гуманитарных наук, чей предмет прямо или косвенно подразумевает изучение языка и его функционирования, семиотики, литературоведения, философии, антропологии, социологии, этнологии и лингвистики [5].

Подходы к пониманию понятия «дискурс» разрабатывали М. Фуко, Д. Шифрин, Т. Ван Дейк, среди отечественных ученых можно выделить

О.Б.Сиротинину, Н.Д. Арутюнову, В.И. Карасика, М.Л. Макарова и других. Мы склонны определять дискурс как речевую деятельность, которую Л.В. Щерба определял как «совокупность всего говоримого и понимаемого в конкретной обстановке в ту или другую эпоху жизни данной общественной группы» [7, с. 25].

Важно отметить, что точной и общепризнанной дефиниции понятия «дискурс», которая охватывала бы все случаи его использования, не было утверждено, и не исключается, что именно этот факт способствовал широкой популярности, которую этот термин приобрел в последнее время.

Ввиду того, что термин «дискурс» нельзя назвать однозначным, то его принято употреблять в трех разных направлениях: во-первых, дискурс понимается в качестве речи, которая «вписана в данную ситуацию коммуникации и ввиду этого в качестве категории, которая, в сравнении с коммуникативной деятельностью индивида, отличается более четко выраженным социальным содержанием» [1, с. 137].

Под вторым направлением принято считать использование данного термина в качестве одного из способов говорения: в данном случае исследователи интересуются не дискурсом в общем, наиболее широком смысле, а его конкретными разновидностями, которые задаются большим набором черт и параметров, например, такими параметрами могут являться исключительно языковые черты (с учетом той меры, в какой они отчетливо идентифицируются), стилистическая специфика (которая во многом определяется количественными характеристиками использования различных языковых средств), а также специфика способов рассуждений, систем убеждений, тематики и др. (в данном случае можно отметить, что дискурс в данном понимании включает в себя стилистическую специфику, а также идеологию, стоящую за данной стилистической спецификой).

Под третьим направлением употребление понятия «дискурс» представляет собой идеальный тип коммуникации, который осуществляется в условиях наиболее возможного отстранения от социальной действительности, коммуникативной рутины, авторитета, традиций и т.д., для такого типа цель представляется критическим обсуждением и обоснованием действий и взглядов участников данной коммуникации.

Учитывая такую многозначность и многозадачность понятия «дискурс», возникает вопрос о классификациях дискурса, о том, какие виды дискурса существуют.

Для современных лингвистических исследований наиболее характерно частое упоминание таких типов дискурса, как политический, военный, критический, педагогический, экономический, религиозный, публицистический, учебный, научный, рекламный и т.д. Ввиду того, что любой вид человеческой деятельности может выступать как темой, как и объектом дискурса, то можно прийти к выводу, что список классификаций типов дискурса представляет собой открытый список.

Экономический дискурс представляется таким типом дискурса, по мере развертывания которого, основываясь на конкретных экономических идеях, раскрывается процесс речепроизводства.

Современные исследования экономического дискурса позволяют выделять следующие отличительные характерные для данного типа дискурса черты:

а) неоднородность и сложность структуры такого дискурса (основная коммуникативно-речевая сфера представлена профессиональной экономической деятельностью, на периферию структуры дискурса помещена непрофессиональная экономическая деятельность);

б) участники коммуникации разнообразны (ученые, неспециалисты, специалисты);

в) ситуации общения также отличаются многообразием.

Говоря об экономическом дискурсе и его особенностях, нельзя не упомянуть тот факт, что в современной лингвистической науке вопрос о соотношении таких понятий, как «дискурс» и «текст» до сих пор остается открытым ввиду смежности этих двух понятий. Но вследствие того, что данные два понятия нельзя считать синонимичными, мы считаем целесообразным определить и специфические черты экономического текста.

В нашей статье мы исследуем понятие экономического дискурса и экономического текста и то, каким образом выделяются их характерные отличительные черты. Учитывая, что текст, являясь произведением говорящего, эксплицитно выражается в дискурсе, мы видим, что эти две категории тесно связаны, поэтому прежде всего представляется необходимым дать дефиницию не только понятиям «дискурс» и «экономический дискурс», а также определить понятия «текст» и «экономический текст».

В самом широком смысле текст характеризуется продуктом речемыслительной деятельности индивидов, которая возникает как в ходе познания окружающей действительности, так и в ходе непосредственной и опосредованной коммуникации.

Также многими исследователями отмечается, что определению текста просто как результату речевой деятельности необходимо принципиальное уточнение с точки зрения психолингвистики. Так, Л.Н. Мурзин пишет: «Текст – это не просто продукт речевой деятельности, но и сам процесс создания продукта. Он не существует вне нашего сознания, вне процессов порождения и восприятия. Следовательно, текст по своей природе процессуален и динамичен. Это и результат нашей речевой деятельности, и в то же время сама деятельность» [6, с. 3].

И.Р. Гальперин в определении понятия «текст» прежде всего склонен выделять грамматико-когезиальные связи и явление целостности. Он дает следующее определение: «Текст – это произведение речетворческого процесса, обладающее завершенностью, объективированное в виде письменного документа, литературно обработанное в соответствии с типом этого до-

кумента, произведение, состоящее из названия (заголовка) и ряда особых единиц (сверхфразовых единств), объединённых разными типами лексической, грамматической, логической, стилистической связи, имеющее определённую целенаправленность и прагматическую установку» [2, с. 18].

Таким образом, в нашей статье под текстом мы понимаем произведение, явление речевого характера, так как его создают для реализации целей общения и связывают с речевым актом. Текст представляет собой то, что существует в языке, а под дискурсом подразумевается текст, «погруженный в ситуацию общения» [4, с. 5].

Экономические тексты – это тексты, которые имеют экономический характер, в число которых принято включать разнообразную бухгалтерскую, аудиторскую и банковскую отчетность, документацию, научные статьи, рабочие отчеты, бизнес-планы, маркетинговые исследования и т.п.

К отличительным характерным чертам экономических текстов принято относить:

а) информативность экономического текста и его насыщенность терминологией;

б) зачастую нестандартный и непоследовательный стиль изложения;

в) преобладают такие сочетания, для которых ядром выступает имя существительное;

г) широко используются метафоры.

Рассматривая некоторые экономические тексты, первым в глаза бросается наличие в таких текстах терминов с эмоциональной семантикой. К примеру, термин, частотно встречающийся в лексиконе рейдеров «пылесосить болото», обозначающий процесс скупки акций у акционеров, «мойдодыр» (название PR-мероприятия, нацеленного на отбеливание рейдерского имени) или «вынос тела», которым принято называть завершающий этап рейдерского захвата, означающего силовое выселение генерального директора предприятия из управления.

Помимо специализированной лексики и терминов в экономических текстах также можно встретить и общеупотребительную лексику. Для данных текстов также характерны сокращения и аббревиатуры, многие из которых употребляются исключительно в экономических статьях, а также частотно наличие диаграмм, таблиц и формул.

Уже в 70-х годах XX века говорили о разграничении категорий текста и дискурса. Дискурс предлагалось интерпретировать как «текст плюс ситуация», а сам текст аналогично определяли как «дискурс минус ситуация». В настоящее время вопрос о соотношении дискурса и текста является открытым, спорным в современной лингвистической науке, одновременно обладая принципиальным значением для интерпретации этих двух понятий. И необходимо заметить, что их интерпретация, трактовка также не может считаться однозначной. Мнения ученых сходятся лишь в утверждении того, что дискурс и текст являются смежными понятиями. Как можно

было заметить, большое количество определений понятия «дискурс» осуществляется с помощью понятия «текст»: дискурс есть текст, погруженный в коммуникативную ситуацию. Эти два понятия являются взаимозависимыми, но необходимо заметить, что дискурс представляет собой текст в определенной коммуникативной ситуации, т.е. в данном случае включается событийный аспект, а, следовательно, можно сделать вывод о том, что не любой текст может быть дискурсом, так как не каждый текст включен в рамки какой-либо речевой ситуации.

Список литературы

1. Арутюнова Н.Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Сов. Энциклопедия, 1990. С. 137.
2. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: Наука, 2008. С. 18–19.
3. Зяблова Н.Н. Дискурс и его отличие от текста // Молодой ученый. 2012. №4. С. 223–225.
4. Карасик В.И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: сб. науч. тр. Волгоград: Перемена, 2000. С. 4–20.
5. Кибрик А.Е., Паришин П.Б. О понятии дискурс [электронный ресурс]. Режим доступа. URL: http://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika/
6. DISKURS.html?page=0,7 (дата обращения 19.10.2016).
7. Мурзин Л.Н., Штерн А.С. Текст и его восприятие. Свердловск: Уральский ун-т, 1991. 172 с.
8. Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. М.: Едиториал УРСС, 2004. 432 с.

ECONOMIC DISCOURSE AND ECONOMIC TEXT: SPECIFIC FEATURES OF NOTIONS

K.A. Ivanova

Kuban State University, Krasnodar

This article is devoted to the review of the two key notions of linguistics – “text” and “discourse”. As the result of the scientific literature’s analysis and of the research of different approaches to the definition of these notions it became possible to remark specific features of text and discourse.

Index Terms: text, discourse, communicative activity, communicative situation.

Об авторе:

Иванова Ксения Александровна – магистрант 2 курса РГФ Кубанского государственного университета; e-mail: ksenia-ivanova-2015@yandex.ru

УДК 81’1

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ КЛАССИФИКАЦИИ И ОПРЕДЕЛЕНИЯ ТЕРМИНОЭЛЕМЕНТОВ И ТЕРМИНОСИСТЕМ В РАМКАХ ОСНОВНЫХ НАУЧНЫХ ПОДХОДОВ

И.О. Королев

Кубанский государственный университет, Краснодар

Данная статья посвящена рассмотрению основных теоретических подходов в определении понятий «термин», «терминоэлемент» и «терминосистема». В статье представлены основные точки зрения на классификацию терминов, а также их положение на фоне общенаучного языка. Терминологическая система – это лингвистическая модель определенной специальной области.

Ключевые слова: термин, терминоэлемент, терминосистема, дефиниция термина, язык для специальных целей

Термин – это лексическая единица системы языка, имеющая собственные признаки, которые позволяют различать термин и нетермин. Для того, чтобы понять внутренние свойства термина, его изучение происходит в пределах реально существующих общностей единиц, терминологических систем, обслуживающих отдельные отрасли знаний.

В современном языкознании такие свойства термина включают: наличие соответствия в сознании носителя между термином и понятием или концептом, дефинитивность, точность значения, принадлежность термина к специальной области знания, контекстуальная независимость (в пределах тематического текста), системность, номинативность, отсутствие экспрессии, стилистическая нейтральность и постоянство в речи.

В различных исследованиях термин, как одна из языковых универсалий имеет много дефиниций, даже если предстает в современных работах как слово или словосочетание, обозначающее понятие специальной области знания или деятельности [4]. Термин – это «слово или словесный комплекс..., вступающий в системные отношения с другими словами и словесными комплексами и образующий вместе с ними в каждом отдельном случае и в определенное время замкнутую систему, которые отличаются высокой информативностью, однозначностью, точностью и

экспрессивной нейтральностью» [9, с. 128]. Д.С. Лотте называет термином слово (словосочетание), выступающее как «единство звукового знака и связанного с ним понятия в системе понятий данной области науки и техники» [14, с. 119].

С.В. Гринев определяет термин как «номинативную специальную лексическую единицу (слово или словосочетание) специального языка, употребляемую для точного наименования специальных понятий» [8, с. 309]. По мнению А.С. Герд, в термине есть реализация «определенной единицы соответствующей понятийной системы в плане содержания» [6, с. 112]. Таким образом, различные авторы в определении термина определяют одну или две наиболее важные или главные, на их взгляд, характеристики.

В новых областях знания возможно применение краткой дефиниции до тех пор, пока подходящий однословный термин не будет найден и введен в употребление. Дефиниция позволяет получить представление об именуемом объекте (он может быть конкретным и вещественным или абстрактным), в то же время, устраняя возможную неоднозначность, свойственную одноименному слову общего языка. Она не должна быть антонимичной, выражая отрицательное определение там, где возможно позитивное, дефиниция должна быть соизмеримой с тем, что определяет.

В современной области терминоведения при дефинировании терминами могут выступать не только слова или словосочетания, но также и предложения [3]. Термины-предложения применяются в специальных языках военного, морского, спортивного дела и представляются малочисленными группами командно-приказной семантической направленности. В общепринятом контексте в качестве термина используется только слово и словосочетание. Предложение как грамматическая категория противопоставляется в синтаксисе слову и словосочетанию. Предложение служит для сообщения о чем-либо, выполняет коммуникативную задачу и не обладает функцией номинации. Поэтому можно считать, что предложение не является термином. Термин должен соответствовать признакам номинативности, устойчивости и воспроизводимости в речи, которым предложение как единица сообщения не соответствует. Следовательно, в дефиниции термина должны отражаться его узловые свойства и характеристики, она должна быть емкой и лаконичной.

О.С. Ахманова дефинирует термин как «слово или словосочетание специального (научного, технического и т.п.) языка, создаваемое (принимаемое, заимствуемое и т.п.) для точного выражения специальных понятий и обозначения специальных предметов» [2, с. 607].

Термин – это один знак, ему соответствует одно понятие. Данное соотношение означающего и означаемого в термине является однозначным. Терминоэлемент – это минимальный, но значимый компонент термина, он совпадает с минимальной структурной единицей, которая может быть

выражена и словообразующим аффиксом, и словом в составе терминословосочетания [13].

Термины проявляют и специальные понятия. Они соотнесены с ними и несут особую, доминирующую значительность в структуре значения термина, аннулируя, хотя иногда и не полностью, коннотативные компоненты в значении термина. Если конкретизировать понятие, то к простому однословному термину добавляются уточняющие элементы, образуя тем самым видовые корреляты исходного понятия. Это могут быть терминологические словосочетания или составные термины.

Промежуточным типом между свободными и фразеологическими словосочетаниями является терминословосочетание. Его грамматическая структура сходна по грамматической структуре со свободным словосочетанием, поэтому в результате семантической равновесности членов терминословосочетания и семантической целостности всего многословного термина, семантический центр становится трудновыделимым. Это приближает составные термины к фразеологизмам. Однако большинство терминологических словосочетаний, как правило, семантически приближены к типу свободных словосочетаний, потому что их значения равны сумме значений, составляющих их частей [7].

На основании трёх признаков (коммуникативность, устойчивость и воспроизводимость) выделяются составные термины. Эти термины представляют собой «своеобразный пример противоречия формы и содержания: будучи расчлененными по форме, они едины по содержанию и выполняют в языке ту же функцию, что и термины-слова» [16, с. 210]. Они не создаются заново, а способны входить в специализированную речь в готовом виде. Даже многокомпонентные термины-словосочетания при своем включении в предложения воспринимаются как готовый и устоявшийся комплекс.

Таким образом, термин – это специальная языковая единица (слово или словосочетание), которая состоит в системных отношениях с другими себе подобными по статусу языковыми единицами соответствующего специального языка, применяемая для точного наименования и выражения специального (или профессионального) объекта, понятия, явления или вида деятельности. Термин, как единица общего национального языка, в то же время является принадлежностью специальной языковой подсистемы. Термин – это специальная языковая единица, выполняющая «особую функцию наименования специализированного и профессионального понятия, которая и позволяет отличать его от других языковых единиц в языковой системе» [1, с. 19].

Термины, являющиеся специальными языковыми единицами, существуют и реализуют свои свойства только через «свою» конкретную терминологическую систему. За пределами этой системы термины переходят в состав общеупотребительных единиц общенационального языка. Они

«детерминологизируются, а общеупотребительная лексика, в свою очередь, имеет способность проникать в терминологию, реализуя процесс терминологизации» [8, с. 309]. Эти свойства мобильности терминологической и нетерминологической лексики указывают на взаимодействие терминологии и общего языка.

В терминосистеме каждый термин занимает определенное место. Оно определяется местом соответствующего понятия во всей системе понятий. За пределами данной системы термин утрачивает свои характерные признаки, а в пределах языковой системы (не терминологической) может проявлять свою национально-культурную принадлежность, «доказательством чему служит обозначение отдельных проявлений лексического значения такими лингвистическими категориями, как полисемия, метафоричность, образность, экспрессивность, эмоциональность, коннотативность, модальность» [15, с. 198]. Одним из самых важных свойств термина и терминологии является системность, и изучение терминологических единиц должно происходить в рамках системы, в которую они входят.

Существует три подхода к изучению терминологических систем [12]: Первый подход – логический, позволяющий выделить термины, которые обозначают основные, производные и сложные понятия данной системы понятий. Это разделение задается объектами определенной области и теорией (концепцией), лежащей в основе системы понятий. Второй подход – лингвистический. Он представляет, какими лексическими единицами с точки зрения их семантики и формы выражены единицы данной терминосистемы. Термины могут иметь разнообразную структуру, и только их семантическая близость обеспечивает объединение их в систему. Третий метод – терминоведческий, который объединяет два первых подхода, он демонстрирует отношение термина и терминосистемы, показывает место той или иной единицы в соответствующей терминосистеме. Если рассматривать систему с точки зрения ее частей (элементов), то она выступает как совокупность взаимосвязанных и взаимообусловленных однородных элементов, образующих сложное единство. Система всегда имеет составляющие ее части, а именно структуру. Структура представляет собой состав и внутреннюю организацию единого целого, рассматриваемого со стороны его целостности и фиксации взаимоотношений между его элементами [17]. Термины являются единицами специального языка, они обслуживают какую-либо профессиональную сферу деятельности. Они представляют собой в то же время единицы естественного языка, что, в свою очередь, указывает на неоднородный и сложный состав последних.

Системность общей лексики выражается в тематических объединениях языковых единиц, соединенных между собой по признаку семантической общности (лексикосемантические системы). Немаловажную роль играют терминологические системы в лексической системе естественного языка и его функциональных разновидностей. Среди них выделяются

языки для специальных целей. Терминологическая система – это лингвистическая модель определенной специальной области. Эта модель может существовать наряду с логической моделью, представленной системой понятий и системой определений. Она воплощает логическую модель в систему словесных знаков [12]. Терминосистема адекватно изображает реальную систему научно-технических понятий данной предметной области [11], и она ей изоморфна. Это «сложная динамическая устойчивая система... ее функция состоит в том, чтобы служить знаковой (языковой) моделью этой области знаний или деятельности» [12, с. 24]. «...терминосистема отражает в семасиологической структуре входящих в нее слов определенные связи и отношения, объективно существующие в кругу именуемых понятий и явлений» [5, с. 11]. Терминосистема выступает также как упорядоченная совокупность терминов, выражающих систему понятий специальной сферы человеческой деятельности. Между ними есть обязательная и неотъемлемая связь, а совокупность связей внутри такой совокупности определяет его структуру [10]. Так, можно говорить о логической и лингвистической системности терминов.

Однако не каждая совокупность терминов может быть терминосистемой. Только высокий уровень развития терминологии ведет к созданию терминологической системы. Следует учитывать также, что все термины, заключающиеся в родовидовых отношениях, согласно Д.С. Лотте, имеют признаки логичности. Это может определять логическую системность как обязательное требование к терминам. Если говорить о лингвистической системности, она является факультативным условием создания терминосистемы.

Список литературы

1. *Авербух К. Я.* Общая теория термина. М.: Иваново, 2004. 19 с.
2. *Ахманова О. С.* Словарь лингвистических терминов. М.: Сов. Энциклопедия, 1966. 607 с.
3. *Блягоз А. Н.* Лингвометодическая терминология адыгейского литературного языка (структурно-семантический и лексикографический анализ): дис. ... канд. филол. наук. Майкоп: Адыг. гос. ун-т, 1999. 22 с.
4. *Васильева В. Н.* Термин. // Большой энциклопедический словарь. М.: Большая Российская энциклопедия, СПб.: Норит, 1998. С. 508–509.
5. *Винокур Г. О.* О некоторых явлениях словообразования в русской технической терминологии. // Сборник статей по языковедению. М.: Тр. Моск. ин-та истории, философии и литературы, 1939. С. 3–54.
6. *Герд А. С.* Формирование терминологической структуры русского биологического текста. Л.: Изд-во ЛГУ, 1981. 112 с.
7. *Головин Б. Н.* Лингвистические основы учения о терминах. М.: Высшая школа, 1987. 103 с.
8. *Гринева С. В.* Введение в терминоведение. М.: Московский лицей, 1993. 309 с.

9. *Квитко И. С.* Термин в научном документе. Львов: Изд-во при Львовском ун-те, 1976. 128 с.

10. *Кияк Т. Р.* Лингвистические аспекты терминоведения. Киев: УМКВО, 1989. 103 с.

11. *Кобрин Р. Ю.* О принципах терминологической работы при создании тезаурусов для информационно-поисковых систем // Семиотические проблемы языков науки, терминологии и информатики. М.: НТИ, 1979. С. 1–3.

12. *Лейчик В. М.* Применение системного подхода для анализа терминсистем // Терминоведение. № 1–2, 1993. М.: Московский лицей, 1993. С. 23–26.

13. *Лотте Д. С.* Основы построения научно-технической терминологии. Вопросы теории и методики. М.: Изд-во АН СССР, 1961. 158 с.

14. *Лотте Д. С.* Образование и правописание трехэлементных научно-технических терминов. М.: Наука, 1968. 119 с.

15. *Малеева В. Е.* Социально-культурный компонент семантики терминологической лексики: дис. ... канд. филол. наук. М., 1992. 198 с.

16. *Ульянов В. И.* Немецкая авиационная терминология (некоторые вопросы теории термина и анализ немецкой авиационной оперативно-тактической терминологии): дис. ... канд. филол. наук. М.: Воен. ин-т ин. яз., 1956. 210 с.

17. *Философский энциклопедический словарь.* М.: Сов. энциклопедия, 1989. 815 с.

THEORETICAL ASPECTS OF THE CLASSIFICATION AND DEFINITION OF TERMINOLOGICAL ELEMENTS AND SYSTEMS IN THE FRAME OF THE MAIN SCIENTIFIC APPROACHES

I.O. Korolev

Kuban State University, Krasnodar

The article is devoted to the reviewing of the main theoretical approaches in the definition of such notions as “a term”, “a terminological element”, “a terminological system”. The main points of view on the classification of terms are represented in this article as well as their position against the national language. Terminological system is a linguistic model of a specific specialists field.

Index terms: term, terminological element, terminological system, definition of a term, language for special purposes

Об авторах:

Королев Игорь Олегович – аспирант 2 курса кафедры теории и практики перевода Кубанского государственного университета; e-mail: grkrvl@gmail.com

УДК 81'42

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕКСТ КАК КОММУНИКАТИВНОЕ ПРОСТРАНСТВО

М.О. Короткова

*Институт иностранной филологии Таврической академии Крымского
федерального университета имени В. И. Вернадского, Симферополь*

Данная статья посвящена исследованию художественного текста как коммуникативного пространства. В статье рассматриваются основные признаки художественного текста, а также его отличие от текстов другого типа. Определены роли писателя и читателя по отношению к тексту, а также выделены основные функции художественного текста как коммуникативного пространства.

Ключевые слова: текст, художественный текст, коммуникация, коммуникативное пространство.

Современное состояние лингвистики отмечено формированием новой антропоцентрической парадигмы, в рамках которой язык изучается в неразрывной связи с человеком, его мышлением и сознанием. Антропологический принцип изменил подход к интерпретации текста, сосредоточив внимание лингвистов на вопросах порождения текста и его восприятия, особенностях познавательной деятельности читателя, средств репрезентации авторской картины мира, языковой личности читателя. Таким образом, сформировались следующие подходы к изучению текста: психолингвистический, прагматический и коммуникативный. Художественный текст в его коммуникативной направленности рассматривается в трудах Н.Ф. Алефиренко, Ю.М. Лотмана, А.М. Пятигорского, Б.М. Гаспарова, М. Бахтина, И.П. Сусова, В.И. Карасика, О.П. Воробьевой и др.

Несмотря на всестороннее изучение текста, в лингвистике не существует единого определения данного понятия по причине его многоаспектности. Н.Ф. Алефиренко предлагает рассматривать текст как целостное коммуникативное образование, компоненты которого объединены в единую иерархически организованную семантическую структуру коммуникативной интенцией его автора [1]. Ю.М. Лотман наделяет текст интеллектуальными чертами и рассматривает его как «сложное устройство, хранящее многообразные коды, способное трансформировать получаемые сообщения и порождать новые, как трансформационный генератор, обладающий чертами интеллектуальной личности» [9, с. 70].

Особенность художественного текста, по сравнению с другими типами текста, по мнению В.П. Белянина, состоит в том, что он «представляет

собой личностную интерпретацию действительности. Писатель описывает те фрагменты действительности, с которыми он знаком; развивает такие соображения, которые ему близки и понятны; использует языковые элементы и метафоры, которые наполнены для него личностным смыслом» [3, с. 110]. Характеризуя художественный текст, Л.Н. Мурзин и А.С. Штерн отметили, что его главная особенность состоит в том, что «художник слова пользуется общим языком, но для описания ситуации, посредством которой он выражает свою философию, свое понимание мира. Главное – эта «двухэтажность» художественного текста» [10, с. 45].

Любой текст характеризуется такими основными признаками как выраженность, ограниченность, структурность, связность, смысловая цельность, коммуникативность. Художественный текст, помимо вышеперечисленных признаков, обладает рядом дополнительных характеристик:

1. Отражение несуществующей действительности. В художественном тексте, в отличие от других текстов, внутритекстовая действительность создана воображением и творческой энергией автора и носит условный, как правило, вымышленный характер. Для обозначения этого признака художественного текста используется термин «фикциональность». Фикциональность охватывает различные объекты изображения, пространство и время, распространяется на процесс повествования.

2. Имплицитность содержания (наличие подтекста). В художественном тексте «все стремится стать мотивированным со стороны значения. Здесь все полно внутреннего значения и язык означает сам себя независимо от того, знаком каких вещей он служит» [5, с. 247]. При создании художественного текста автор располагает целой палитрой метафор, эпитетов, ярких сравнений, скрытых образов. Средства художественной выразительности позволяют автору добиться наибольшей экспрессивности своего произведения и донести до читателя его сокровенный смысл.

3. Направленность на неоднозначность восприятия. Художественный текст построен по законам ассоциативно-образного мышления, нехудожественный – по законам логического мышления. В художественном тексте реальность преобразуется в другой мир, увиденный глазами автора. Поэтому в художественном тексте за изображенными картинками жизни всегда присутствует интерпретационный функциональный план, «вторичная действительность». Те образы, которые понятны одному читателю, для другого остаются неизведанными. Некоторые писатели намеренно создают многослойные произведения, предназначенные для читателей с разным уровнем культурного и духовного познания. В связи с этим Ю. Лотман замечает: «Чем больше подобных истолкований, тем глубже специфически художественное значение текста и тем дольше его жизнь» [9, с. 70].

4. Наличие эстетической функции. В художественном тексте все средства образности подчинены эстетическому идеалу художника, а также законам благозвучия и уместности в рамках стиля. Если сравнивать худо-

жественный текст и нехудожественный, можно обнаружить разные типы их воздействия – на эмоциональную сферу человеческой личности и сферу интеллектуальную. Как эстетический объект художественный текст «всегда задан как интенция, как направленность художественно-творческой работы и художественно-творческого созерцания. Вещно-словесная данность произведения является лишь суммой стимулов художественного впечатления» [4, с. 120].

5. Дополнительное «приращение» смысла у единиц текста. Единицы, образующие художественный текст, приобретают, по выражению Б.А. Ларина, дополнительное «приращение смысла» или «обертонны смысла», что придает тексту большую целостность [7, с. 57]. Мотивированность и смысловую нагрузку обретают единицы разных языковых уровней: фонетические, лексические, грамматические. Все эти единицы, взаимодействуя друг с другом, служат для углубления и раскрытия лирических мотивов произведения. В.В. Виноградов пишет: «Смысл слова в художественном произведении никогда не ограничен его прямым номинативно-предметным значением. Буквальное значение слова здесь обрастает новыми, иными смыслами. В художественном произведении нет и, во всяком случае, не должно быть слов немотивированных, проходящих только как тени ненужных предметов. В контексте всего произведения слова и выражения, находясь в теснейшем взаимодействии, приобретают разнообразные дополнительные смысловые оттенки, воспринимаются в сложной и глубокой перспективе целого» [5, с. 249].

Согласно концепции Ю.М. Лотмана, всякая система, служащая целям коммуникации между двумя или многими индивидами, может быть определена как язык [8]. Под «языком» живописи, кино, театра и искусства в целом подразумевается особым образом организованная коммуникативная система, состоящая из сложной иерархии знаков. Таким образом, произведение искусства является текстом, созданным на этом языке. Относительно художественной литературы следует сказать, что, хотя писатель и использует естественный язык, он преобразовывает его, создавая таким образом вторичный язык, язык искусства. Это означает, что художественная литература говорит на особом языке, который надстраивается над естественным языком как вторичная система [8, с. 130].

Для постижения истины художественного произведения необходимы определенные условия. Таким условием становится умение читателя декодировать художественную информацию, скрытую в особой организации текста, грамматических конструкциях, средствах художественной выразительности. Однако, «ключом» к пониманию произведения искусства служит не только наличие у реципиента определенных знаний, но и творческого подхода. Настоящая стихия творчества читателя – его способность, спровоцированная самим характером художественного произведения, каждый раз творить новые смыслы в процессе художественного восприятия. Как заме-

чает А.В. Ахутин, «внутренняя форма содержит и устраивает своего рода пустоту, допускающую и зовущую исполнителя. Она должна быть каждый раз исполнена (или восполнена) моей – читателя, зрителя, участника – живой энергией, которую эта форма вызывает, пробуждает, требует. Отсюда возможность не только воссоздания, воспроизведения, но и роста произведения, насыщения новыми, иными смыслами» [2, с. 50]. Настоящее общение с литературным произведением происходит не всегда, так как не каждый читатель способен подняться на уровень совершенного произведения искусства и постигнуть воплощенную в нем истину.

«Сверхзадача» писателя – установление коммуникативных отношений с читателем с целью «достучаться» до его сердца, захватить его воображение и включить в собственные размышления. Чтобы осуществить эту коммуникативную задачу, писатель особым образом организует в тексте коммуникативное пространство, создает атмосферу коммуникации, единое с читателем духовное поле. Согласно определению Г.Г. Почепцова, коммуникативное пространство есть по своей сути пространство информационное, однако «в случае коммуникации речь уже идет о двустороннем процессе, где и генератор и получатель информации обладают активными, формирующими эту коммуникацию ролями» [11, с. 34]. В данном определении также сделан акцент на важности роли реципиента в процессе общения.

Говоря об особенностях художественного текста, Ю.М. Лотман акцентирует внимание на усложнении его структуры и функций: «Создание художественного произведения знаменует качественно новый этап в усложнении структуры текста. Многослойный и семиотически неоднородный текст, способный вступать в сложные отношения как с окружающим культурным контекстом, так и с читательской аудиторией, перестает быть элементарным сообщением, направленным от адресанта к адресату. Обнаруживая способность конденсировать информацию, он приобретает память» [9, с. 70].

Вместе с усложнением структуры художественного текста усложняется и его социально-коммуникативная функция. Ученый выделяет следующие типы коммуникации:

1. Общение между адресантом и адресатом. Текст выполняет функцию сообщения, направленного от носителя информации к аудитории.
2. Общение между аудиторией и культурной традицией. Текст выполняет функцию коллективной культурной памяти.
3. Общение читателя с самим собой. Текст раскрывает определенные стороны личности самого читателя, посредством общения с текстом читатель углубляется в собственное сознание и определяет свой собственный взгляд на мир и свою связь с культурной традицией в целом.
4. Общение читателя с текстом. Текст перестает быть лишь посредником в акте коммуникации, он становится равноправным собеседником. И для автора, и для читателя он может выступать как самостоятельное интеллектуальное образование, играющее активную и независимую роль в диалоге.

5. Общение между текстом и культурным контекстом. Поскольку культурный контекст – явление сложное, один и тот же текст может вступать в разные отношения с его разными уровневными структурами. Перемещаясь в новую коммуникативную ситуацию, тексты реализуют свои прежде скрытые аспекты, уподобляясь при этом личности.

В свете вышеизложенного текст представляется не как реализация сообщения на каком-либо языке, а как многоуровневое устройство, содержащее разнообразные коды, способное трансформировать получаемые сообщения, а также генерировать новые. Художественный текст обладает чертами интеллектуальной личности, с которой читатель вступает в коммуникативные отношения: являясь постоянным набором знаков и носителем определенного содержания, он предлагает каждому читателю различную информацию и возможность усвоить новые сведения при повторном прочтении. Погружаясь в пространство художественного произведения, читатель ведет с ним «беззвучный разговор». Как справедливо утверждает Г.-Г. Гадамер, «встречу с великим произведением искусства я бы уподобил плодотворной беседе, раскрытию навстречу вопросу и возникновению потребности ответить, постоянному диалогу, в котором нечто обнаруживается и «остается» [6, с. 90].

Список литературы

1. Алефиренко Н.Ф. Спорные проблемы семантики. Монография. М.: Гнозис, 2005. 326 с.
2. Ахутин А.В. В стране Мамардашвили // Вопросы философии. М.: Наука, 1996. №7. С. 31–54.
3. Белянин В.П. Введение в психолингвистику. М.: Прогресс, 2001. 110 с.
4. Виноградов В.В. Избранные труды: О языке художественной прозы. М.: Просвещение, 1980. 120 с.
5. Винокур Г.О. О языке художественной литературы: Учеб. пособие для филол. спец. вузов. М.: Высшая школа, 1991. 448 с.
6. Гадамер Г.-Г. Философия и литература // Философские науки. М.: Наука, 1999. №2. С. 126–147.
7. Ларин Б.А. О разновидностях художественной речи // Русская речь. Вып. 1. Пг., 1923. С. 57–59.
8. Лотман Ю.М. Семиотика культуры и понятие текста // Избранные статьи. Т.1. Таллин: Прогресс, 1992. С. 129–132.
9. Лотман Ю.М. Структура художественного текста // Об искусстве. СПб.: Искусство, 1998. С. 14–288.
10. Мурзин Л.Н., Штерн А.С. Текст и его восприятие. Свердловск: Искусство, 1991. 45 с.
11. Почепцов Г.Г. Теория коммуникации. М.: Рефл-бук, 2001. 34 с.

A LITERARY TEXT AS THE COMMUNICATIVE SPACE

M.O. Korotkova

*Foreign Philology Institute, Taurida Academy, V.I. Vernadsky
Crimean Federal University, Simferopol*

The present research deals with the analysis of a literary text as the communicative space. In the article essential features of a literary text are considered, as well as its difference from texts of another type. Roles of the author and the reader towards the text are determined and essential functions of a literary text as the communicative space are defined.

Index Terms: text, literary text, communication, communicative space.

Об авторе:

Короткова Мария Олеговна – ассистент кафедры теории языка, литературы и социолингвистики Института иностранной филологии Таврической академии Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского, Симферополь, Российская Федерация; e-mail: Mariya_HarryM@mail.ru

УДК 81'373.46:546-123

К ВОПРОСУ ОБ ЭТИМОЛОГИИ ХИМИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ: НОВЫЕ НАЗВАНИЯ ЭЛЕМЕНТОВ

О.В. Котик, Н.Я. Письменная, Д.А. Алешикина

Кубанский государственный университет, Краснодар

Данная статья посвящена этимологии известных, а также недавно открытых химических элементов, названия которых были приняты в соответствии с правилами международной комиссии по номенклатуре химических соединений. Чтобы быстро ориентироваться в научной лексике и глубже понимать значение термина, необходимо изучать способы образования научных терминов.

Ключевые слова: термин, этимология, названия химических элементов, латинско-древнегреческая терминология, ИЮПАК, процедура наименования

В конце XX – начале XXI века произошли события, являющиеся следствием бурного развития химической науки. XXI век начался с блестящего открытия химического элемента №116 – Ливермория (лат. Liver-

morium), затем был открыт элемент №118 – Оганессон (лат. Oganesson) в 2002 году. Эстафету прорыва в науке приняли элементы №115 Московий (лат. Moscovium) и №113 Нихоний (лат. Nihonium), открытые в 2004 году. Последним был обнаружен элемент под номером 117 – Теннессин (англ. Tennessine) в 2009 г.

Появление новых элементов вызвало необходимость закрепления их названий в систематизированном списке – номенклатурном перечне, признанным мировым научным сообществом – Международным союзом теоретической и прикладной химии (ИЮПАК), существующему с 1919 года

Опираясь на наши предыдущие статьи [1,3], мы продолжаем исследования по этимологическому анализу химических элементов для обучающихся на естественных факультетах высших учебных заведений. Следует обратить внимание на то, что студентам, магистрантам, аспирантам естественных направлений, в частности факультета химии и высоких технологий, необходимо знать терминологию химических элементов в узком смысле слова. Знания этих основ поможет им свободно пользоваться научной терминологией, читать и публиковать статьи в международных научных журналах, участвовать в международных конференциях, и, значит, совершенствоваться в профессиональной сфере.

В научном мире химии существует давняя традиция, согласно которой элементы получают свои названия следующим образом: по аналогии с мифическими персонажами; по названию минерала; по географическому названию места; по свойствам элемента; по имени ученого: “In keeping with tradition, elements are named after: (a) a mythological concept or character (including an astronomical object), (b) a mineral, or similar substance, (c) a place, or geographical region, (d) a property of the element, or (e) a scientist” [6, с. 403].

В предыдущих публикациях мы описывали наши исследования и приводили примеры названий химических элементов по имени мифологического героя [2] и свойств элемента [4].

Обратимся к традиции называть элементы в честь географических объектов, где был найден или открыт минерал. Примером может служить медь (Cuprum), один из первых элементов, найденных и применяемых человеком. Латинское название Cuprum произошло от названия острова Кипр, где медь добывали уже в третьем тысячелетии до нашей эры. И в настоящее время на этом острове попадаются обширные участки почвы, окрашенные в серый и голубоватый цвета, по которым любой химик даже на первый взгляд определит, что в данной почве содержится медь и ее соединения. Древнее ее название – Aes cuprum, где Aes означает «руда». Исследователи считают, что английское «ore» – «руда» произошло от латинского названия меди Aes. Русское «медь, медный» произведено от греческого μέταλλον – рудник, от которого произошли и родственные «медаль, медальон» (ср. французское médaille) [5, с. 90].

Интересным является тот факт, что в периодической таблице Д.И. Менделеева находятся два элемента, названные в разное время двумя разными способами, но в честь одного и того же географического места, а именно Франции. Один из элементов – франций (лат. Francium) был открыт в 1939 году Маргаритой Перей, талантливым ученым, первой женщиной, избранной Институтом Кюри в Париже. Она предложила назвать элемент в честь ее родины, в которой Маргарита смогла сделать успешную карьеру. Второй элемент, связанный с названием столицы этой страны – лютеций (лат. Lutetium), полученный тридцатью пятью годами раньше. Считается, что название нового элемента ученый Ж. Урбен дал, в противовес «гольмию», в честь старинного названия столицы Франции – Lutetia (от латинского названия Парижа). Гольмий (латинское Holmium) был назван П.Т. Клёве в честь города Стокгольма (его старинное латинское название Holmia). Там был найден минерал, из которого Клёве выделил оксид нового элемента.

Причина того, что в прошлом некоторым элементам давали несколько названий, заключена в том, что разные группы ученых получали их независимо друг от друга. Чтобы избежать разногласий, в 1947 году было принято решение, согласно которому первооткрыватели должны предлагать наименование нового элемента Международному союзу теоретической и прикладной химии (ИЮПАК): “the right of discoverers to suggest names to IUPAC” [6, с. 402]. Данный союз преследует множество целей: разработка и распространения общих мировых принципов и правил наименования химических соединений, терминологии, символики, единиц измерений, используемых в химии. По традиции, как мы упоминали выше, элементы могут называться в честь ученых, мифологических и астрономических объектов, минералов, географических объектов или по химико-физическим свойствам элемента. Интересен на наш взгляд тот факт, что в соответствии с общим соглашением о наименовании элементов, названия которых пока не утверждены, им даются имена от латинских названий цифр. Нам такие названия представляются «безликими», и мы решили проанализировать лингвистическую основу создания наименований в области научной терминологии.

Рассмотрим примеры химических элементов, которые названы в честь выдающихся ученых с целью признания их неопределимого вклада в науку. Кюрий (лат. Curium) является единственным химическим элементом, в котором объединены имена сразу двух знаменитых людей, лауреатов Нобелевской премии, – Пьера и Марии Кюри. В таблице Менделеева он обозначается символом Cm, где начальная буква обозначает фамилию Кюри (Curie), а вторая – имя Мария (Marie Skłodowska-Curie). Ученые Сиборг, А. Гиорсо, Р. Джеймс и Л. Морган открыли кюрий в 1944 году, уже после смерти супругов Кюри. Предложив такое название, они хотели увековечить память выдающихся ученых, отдавших свои жизни науке.

Один из элементов – коперниций (лат. Copernicium), который был синтезирован в 1996 году, в исследованиях которого участвовали ученые из Германии, Финляндии, России и Словакии, а руководителем группы был профессор С. Хофманн, не был назван в честь первооткрывателя. Первоначально он носил временное название «унунбий» (лат. *Ununbium*, Uub) и многие ученые именовали его просто по номеру E112. Для элемента предлагались названия штрассманий, венусий, фриший, гейзенбергий, а также лаврентий, виксхаузий и гельмгольций. Совершившие открытие исследователи решили назвать элемент коперниций в честь Коперника, доказавшего, что Земля вращается вокруг Солнца, а не является центром мира, что определило дальнейшее развитие науки. По словам учёных, это должно было почтить память человека, «изменившего наше мировоззрение и не получившего почестей при жизни» и, кроме того, подчеркнуть связь между ядерной химией и астрономией. Сам руководитель исследовательской группы профессор Зигурд Хофманн высказался так: «После того, как ИЮПАК официально признал наше открытие, мы договорились предложить это название (коперниций), так как хотим отдать дань уважения выдающемуся ученому» [11]. Союз признал новое имя элемента и объявил об этом 19 февраля 2010 года – в день рождения Коперника. В качестве русского названия элемента используется написание как «коперниций», так и «коперникий», т.к. официально утверждённого русского названия этого элемента пока нет [9].

Элемент резерфордий (лат. Rutherfordium, Rf) был впервые синтезирован в 1964 году советскими учёными, которые предложили название «Курчатовий» (Kurchatovium, Ku) в честь выдающегося советского учёно-го-физика И.В. Курчатова. В 1969 году элемент также был получен группой учёных в Калифорнийском университете, которые утверждали, что не смогли повторить эксперименты советских учёных. Название «резерфордий» в честь выдающегося английского физика Эрнеста Резерфорда было принято ИЮПАК в 1997 году.

В начале XXI века произошло открытие элемента № 116. По согласованию российских и американских учёных и утверждению комиссии по номенклатуре химических соединений ИЮПАК он получил название «ливерморий» (лат. Livermorium) в честь Ливерморской национальной лаборатории в США (в 2012 году). Ранее за ним было закреплено название, данное по порядковому номеру 116 – «унунгексий». Слово «Ununhexium», что дословно значит «один-один-шестий», образовано из корней латинских числителей: «unus» от латинского «один», «гекса» (от греческого *ἕξ* – ἕξι), что значит «шесть».

По таким же принципам были названы еще два новых элемента: №115 Московий (лат. Moscovium) «в честь Московской области и древнерусской земли, которая является домом для Объединенного института ядерных исследований, где были проведены эксперименты по обнаруже-

нию элементов» [12] и № 113 Нихоний (лат. Nihonium) в честь Японии. Сначала учёные предложили назвать элемент №113 японием (лат. Japonium), но ИЮПАК рекомендовал наименование «Nihon» (日出づる国), что на японском языке означает «Страна восходящего солнца». Англоговорящие страны будут называть этот элемент «nihonium». Московий, как и многие элементы периодической таблицы, на английском языке имеет написание аналогичное латинскому «moscovium». Ранее эти химические элементы были названы «унунпентий» и «унунтрий» соответственно, а на английском они пишутся, как «ununpentium» и «ununtrium». Эти названия утверждены Международным союзом ИЮПАК в ноябре 2016 года.

В новых правилах 2016 года были приняты изменения, в связи с тем, что для обеспечения лингвистического единообразия всем новым элементам должны были даваться названия, оканчивающиеся на -ium. Также указывалось, что «любой новый элемент с металлическими свойствами должен заканчиваться на -ium» [7]. Однако в английском языке названия элементов 17-й группы периодической системы, в которой находятся галогены, традиционно имеют окончание -ine, например: Fluogine – фтор, Chlorine – хлор, Bromine – бром, Iodine – иод, Astatine – астат. Поэтому, вскоре после признания открытия 113-го, 115-го, 117-го и 118-го элементов, в правила были внесены изменения, согласно которым, по принятой в английской химической номенклатуре традиции, элементам 17-й группы должны даваться названия, заканчивающиеся на -ine: “As it is now expected that these elements are well within reach and given the objections to the suffix -ium for these elements to avoid linguistic confusion and educational difficulties, IUPAC has decided to amend the 2002 Recommendation in order to allow for more appropriate naming of future elements that would belong to group 17 and 18” [6, с. 402].

Согласно рекомендациям названия всех новых элементов должны иметь окончание, которое отражает и сохраняет историческую и химическую согласованность. Окончание -ium для элементов, принадлежащих к группам 1–16; -ine для элементов группы 17 и -on для элементов группы 18.

В соответствии с нововведенными правилами, элемент № 117 назвали Теннессином (англ. Tennessine) в знак признания вклада в науку этого штата. Предыдущее название «унунсептий», как и у прошлых элементов, означает порядковый номер «одно-одно-седьмой», несмотря на то, что латинское числительное должно писаться по-другому «centesimus septimus decimus».

Новому элементу №118, полученному в 2002 году, предложено название Оганессон (лат. Oganesson) в честь профессора Ю.Ц. Оганесяна, академика РАН, научного руководителя лаборатории ядерных реакций им. Г. Н. Флёрова, Объединённого института ядерных исследований в Дубне, за его новаторский вклад в исследование трансактиноидовых элементов. Согласно пресс-релизу ИЮПАК, многие научные достижения Оганесяна включают открытия сверхтяжёлых элементов и значительные достижения

в области ядерной физики сверхтяжёлых ядер [13]. Название утверждено на конгрессе ИЮПАК в ноябре 2016 года.

Необходимо, чтобы названия химических элементов совпадали с названиями в любом языке, насколько это возможно, но следует признать, что элементы, названные в прошлом, имеют устоявшиеся названия, которые по-разному звучат на разных языках [8]. Например, в русской периодической таблице Д.И. Менделеева есть два элемента с похожими названиями – Бор и Борий. Можно подумать, что бор запечатлел в себе фамилию ученого Нильса Бора, но его название происходит от арабского слова «бурак» или персидского «бурах», которые использовались для обозначения минерала буры (лат. borax, араб. فُرُوب, бюрак — «белый») [5,57]. Но именно борий (лат. Bohrium) и есть элемент, увековечивший фамилию датского физика. Учёные двух крупных научных центров договорились о том, что элемент 107 следует назвать «нильсборий», хотя первоначально советские учёные планировали это название для элемента 105 (сейчас дубний). Но IUPAC признал приоритет немецкой группы в идентификации 107-го элемента, и затем предложил название борий, так как названия химических элементов никогда не состояли из имени и фамилии учёного. Это предложение было окончательно утверждено [10].

Мы также приводим пример возможной ложной этимологии по отношению к названию химического элемента самария (лат. Samarium). Можно подразумевать российский город Самара, но на самом деле наименование появилось после обнаружения нового минерала самарскита в 1847 году. Он был назван в честь русского горного инженера, полковника В.Е. Самарского-Быховца по предложению немецкого химика Генриха Розе, которому Самарский предоставил для исследования образцы этого минерала.

Студенты, получающие высшее образование, не должны только заучивать научные слова и термины по специальности. Они должны развиваться всесторонне, быть эрудированными не только в своей сфере, но и в других, а также понимать, что все науки взаимосвязаны. Довольно большое количество химической терминологии заимствованы из английского, а, следовательно, из латинского и древнегреческих языков. Если есть основы в одной сфере, то осваивать новую сферу интереснее и продуктивнее.

В заключение хочется подчеркнуть, что ознакомление с этимологией химических терминов помогает обучающимся на естественных факультетах вузов лучше понимать свойства веществ, ассоциативно запоминать названия и глубже понимать физико-химические процессы, что способствует повышению квалификации будущего специалиста. Так как английский язык является международным языком и используется для написания студентами и магистрантами статей по химии, приведенные примеры можно использовать на занятиях по иностранному языку в неязыковых вузах. Необходимо знакомить студентов с публикациями и правилами международ-

ной комиссии по номенклатуре химических соединений ИЮПАК, которые представлены на английском языке.

Список литературы

1. *Котик О.В., Письменная Н.Я.* Использование латинских терминов при обучении английскому языку в вузе // Материалы региональной научно-практической конференции «Современные направления в обучении иностранным языкам в неязыковом вузе». Краснодар: Кубанский гос. ун-т; 2012. С. 54–58

2. *Котик О.В., Письменная Н.Я.* Античная мифология как составной компонент формирования творческой личности процессе обучения иностранному языку в вузе // Филология как фундамент гуманитарного знания: Сборник научных трудов. Книга 3. Краснодар: Просвещение-Юг, 2013. С. 115–117.

3. *Котик О.В., Письменная Н.Я.* Расширение кругозора и повышение общей культуры студентов на занятиях по иностранному языку // Междисциплинарные аспекты лингвистических исследований: сб. научных трудов. Книга 7. Краснодар: Кубанский гос. ун-т; Просвещение-Юг, 2015. С. 106–109.

4. *Котик О.В., Письменная Н.Я., Алешикина Д.А.* Этимология химических терминов // Междисциплинарные аспекты лингвистических исследований: сб. научных трудов. Книга 9. Краснодар: Кубанский государственный университет; Просвещение-Юг, 2016. С. 90–95.

5. *Фигуровский Н. А.* Открытие элементов и происхождение их названий. М.: Наука, 1970. 207с.

6. *Willem H. Koppenol, John Corish, Javier Garcia-Martinez, Juris Meija and Jan Reedijk.* How to name new chemical elements. IUPAC Recommendations 2016 // Pure and Applied Chemistry. vol. 88, no. 4, 2016. P. 401–405.

7. *W. H. Koppenol* Naming of new elements. IUPAC Recommendations 2002 // Pure and Applied Chemistry. vol. 74, no. 5, 2002. P. 787–791.

8. *N. G. Connelly, T. Damhus, R. M. Hartshorn, A. T. Hutton.* Nomenclature of Inorganic Chemistry. IUPAC Recommendations. Royal Society of Chemistry, Cambridge, UK, 2005. pp. 98–119

Источники

1. Коперниций – самый тяжёлый элемент периодической таблицы Менделеева // Режим доступа. <http://www.infuture.ru/article/2974> (дата обращения 5.11.2016)

2. Борий // Режим доступа. <http://webelements.narod.ru/elements/Bh.htm> (дата обращения 16.10.2016)

3. 112-й элемент таблицы Менделеева назвали коперниций // Режим доступа. http://www.bbc.com/russian/science/2009/07/090716_copernicium.shtml (дата обращения 5.11.2016)

4. Подтверждено существование нового химического элемента // Режим доступа. http://www.http://zoom.cnews.ru/rnd/news/line/podtverzhdno_sushhestvovanie_novogo_himicheskogo_elementa (дата обращения 1.11.2016)

5. IUPAC Is Naming The Four New Elements Nihonium, Moscovium, Tennessine, And Oganesson // Режим доступа. <http://www.iupac.org> (дата обращения 25.10.2016).

ON THE ETYMOLOGY OF CHEMICAL TERMS: NAMES FOR NEW ELEMENTS

O.V. Kotik, N. Y. Pismennaya, D.A. Alyoshkina

Kuban State University, Krasnodar

The article focuses on the etymology of well-known and newly discovered chemical elements, which names are accepted according to the rules of the international commission on the nomenclature of chemical compounds. To understand the meaning of a term students must know the basics of the emergence of scientific terms.

Index terms: terms, etymology, names of chemical elements, Latin and Greek terminology, IUPAC, naming process.

Об авторах:

Котик Ольга Васильевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка в профессиональной сфере Кубанского государственного университета; e-mail: olgakotik@mail.ru

Письменная Нина Яковлевна – ст. преподаватель кафедры французской филологии Кубанского государственного университета; e-mail: lab345@kubsu.ru

Алешикина Диана Александровна – студентка 3 курса факультета химии и высоких технологий Кубанского государственного университета; e-mail: lerdi2@yandex.ru

ДИАЛОГ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ПРОИЗВЕДЕНИИ. ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ДИАЛОГА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ПРОИЗВЕДЕНИИ С АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ

Г.А. Лавхаева

Кубанский государственный университет, Краснодар

Данная статья посвящена рассмотрению функций, характеристик и роли диалога в художественном произведении, а также изучению особенностей перевода диалога. В статье выделяются отличительные признаки диалога, а также приводится сравнительный анализ перевода диалогов с русского языка на английский.

Ключевые слова: художественное произведение, диалог, функции диалога, характеристики диалога, переводческие трансформации.

Художественное произведение и диалог – нерасторжимы. Во всех образцах художественной литературы можно встретить как авторские монологи, так и диалоги, которые являются неотъемлемой частью произведения. Рассмотрим функции диалога в художественной литературе, их отличительные признаки, характеристики, а также особенности перевода с английского языка на русский.

В художественной литературе диалоги являются ярким выразительным средством оживления рассказа, придающим эмоциональную окраску произведению.

По словам, российского лингвиста, специалиста в области общего и романского языкознания Р.А. Будагова, форма диалога является одной из форм разговорной речи. Так как разговорная речь относится к лингвистической категории, диалог является полноправным объектом лингвистического изучения. Однако если взглянуть на эту проблему с другой стороны, художественный стиль широко вовлекает в свою сферу разговорную речь и, диалог, соответственно. Именно поэтому, как разговорная речь, так и диалог могут изучаться и с лингвистической и с литературоведческой точек зрения [2].

Исходя из этого, можно выделить наиболее важные функции диалога:

- Информационная функция. Через диалоги можно вводить различные описания, уточнения места и времени действия, предшествующие события и т.д.
- Психологическая функция. С помощью диалога читатель узнает об эмоциональном состоянии говорящих.

– Диалоги способствуют развитию интриги и сюжета, персонажируют развивающиеся конфликты, а также становятся и смысловыми центрами повествования, наиболее полно выражая авторскую идею [5].

В.В. Виноградов, Н.Ю. Шведова и другие российские и советские лингвисты исследовали художественный диалог с разных сторон. В их работах художественный диалог относится к жанру драматургии и рассматривается в качестве письменного вида разговорной речи [3].

Р.А. Будагов выделяет 4 отличительных признака художественного диалога:

- художественный диалог должен иметь определенную протяженность, что необязательно для диалога в жизни;
- художественный диалог должен быть заранее обдуман автором, что, как правило, не имеет места в реальной жизни;
- художественный диалог развивает действие, все его элементы тесно связаны и взаимосвязаны, чего не наблюдается в спонтанной речи;
- художественный диалог подчинен правилам времени, ритма и темпа – рамки в которых существует художественный текст [1].

С помощью художественного диалога автор выражает свои намерения. Построение художественного диалога производится автором для того, чтобы подчеркнуть, что реплики персонажей не только передают особенности их речи, характера и цели, но и движение сюжета, авторскую позицию в решении обсуждаемых проблем.

К характеристикам художественного диалога относятся:

- цельность диалога;
- содержательная соотнесенность его отдельных фрагментов;
- информативность и завершенность [1].

Исходя из этого, можно сделать вывод о том, что во время перевода художественного диалога перед переводчиком стоят две важные задачи:

- передать образность и художественное своеобразие речи, что отражает характеры персонажей, а также движение сюжета в целом;
- передать смысл текста, отразить в переводе авторскую позицию, явную и скрытую идею произведения.

Достичь выполнения этих задач возможно используя различные переводческие трансформации.

Рассмотрим и выделим особенности перевода диалогов на примере исторического романа Аманды Ходжкинсон «Британния Роуд, 22» (перевод с английского автора статьи – Лавхаевой Г.А.), а также приведем несколько примеров из произведения американского писателя Ф.С. Фицджеральда «Великий Гэтсби» (перевод с английского Е. Калашниковой).

В процессе перевода диалогов широко распространена конкретизация английских глаголов «говорения» “to say” и “to tell”, которые могут переводиться на русский язык не только как «говорить» или «сказать», но и более конкретными «проговорить, повторить, заметить, утверждать, сообщать, просить, возразить, велеть» и т.п. [4]:

1. "Your hair?" he says, all thought of rehearsed lines gone from his mind. (Hodgkinson, p.13)

Ср.: «Твои волосы?», – спросил он (Януш), забыв все, что хотел сказать.

2. "How do you get to West Egg village?" he asked helplessly.

I told him. And as I walked on I was lonely no longer. (Fitzgerald, p.7).

Ср.: «Не скажете ли, как попасть в Уэст- Эгг?» – растерянно спросил он. (Фицджеральд, с 31).

Я объяснил. И когда я зашагал дальше, чувства одиночества как не бывало.

В англо-русском словаре под ред. Мюллера первое значение глагола "to say" – «говорить», «сказать», но в данном случае, т.к. это вопрос, наиболее уместно перевести это слово, как «спросил».

Во втором примере глагол "to tell", у которого в словаре первые значения – «сказать», «рассказать», «делиться», в предложении переводится, как «объяснил», т.к. данный перевод больше подходит по контексту и полностью передает смысл предложения.

В диалогах очень часто встречаются предложения, которые выражают эмоциональное состояние говорящего.

3. "Your boys are dead!" screamed Silvana, full of her own furies. "I'm your child. You hear me? I'm your child!"

«You're the devil's child!» her mother screamed back. "You lived when my boys didn't" (Hodgkinson, p.19).

Ср.: «Твои сыновья умерли! – закричала Сильвана в ярости. – Я – твой ребенок! Ты слышишь меня? Я – твой ребенок!»

«Ты – дитя дьявола! – закричала вслед ее мать. – Ты живешь, а мои сыновья мертвы».

4. "Speak for yourself!" cried Miss Baedeker violently. "Your hand shakes. I wouldn't let you operate, on me!" (Fitzgerald, p.187).

Ср.: «А вы за собой смотрите! – завопила мисс Бедекер с внезапной яростью. – У вас вон руки трясутся. Ни за что бы не согласилась, лечь к вам на операцию!» (Фицджеральд, с. 145).

Сравнив оригинал текста и перевода, можем заметить, что для передачи эмоционального состояния героев при переводе диалогов использованы повторы, слова, относящиеся к категории эмоционального состояния (закричал, яростно, завопила), а также восклицательные знаки.

При переводе диалогов в художественном произведении часто встречается перестройка синтаксической структуры предложения:

5. "What is your profession?" the British soldier asked her... (Hodgkinson, p.1)

Ср.: «Кто вы по профессии?» – спросил ее британский солдат...

В данном примере при переводе диалога имеем случаи использования грамматической трансформации на уровне членов предложения. Чле-

ны предложения в ИЯ отличаются от членов предложения в ПЯ: в тексте оригинала есть подлежащее "your profession" и сказуемое "to be (is)", в тексте перевода имеется подлежащее – «вы», но отсутствует сказуемое. Данная трансформация привела к перестройке всей синтаксической структуры предложения и сделала перевод максимально приближенным к естественной разговорной конструкции.

Из приведенных выше наблюдений, можно сделать вывод о том, что диалог является составной частью художественного текста, и в нем всегда проявляется индивидуальный авторский стиль персонажей, и для того, чтобы правильно его передать, используются различные трансформации, которые являются неотъемлемой частью передачи диалогов в художественных текстах.

Список литературы

1. 1.Будагов Р.А. Академик А.Н. Веселовский как переводчик Боккаччо (К проблеме художественного перевода). СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1984. 345 с.

2. 2.Будагов Р.А. Литературные языки и языковые стили. М.: Высшая школа, 1966. 374 с.

3. 3.Виноградов В.В. О языке художественной прозы. М.: Наука, 1980. 360 с.

4. 4.Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты): Учеб. для институтов и фак. иностр. яз. М.: Высш. шк., 1990. 253 с.

5. Диалог в художественном произведении: функция и структура [электронный ресурс]. Режим доступа <http://v-bragin.ru/dialog-v-khudozhestvennom-proizvedenii-funkciya-i-struktura-i/> (дата обращения: 25.10.2016).

Источники

Fitzgerald F.S. The Great Gatsby. London: Penguin books Publ., 2009. 315 p.

Hodgkinson A. 22 Britannia Road. London: Penguin books Publ., 2012. 388 p.

Фицджеральд Ф.С. Великий Гэтсби. Санкт-Петербург: Азбука, 2013. 240 с.

DIALOGUE IN FICTION. THE TRANSLATION OF DIALOGUE IN FICTION FROM ENGLISH INTO RUSSIAN

G.A. Lavkhaeva

Kuban State University, Krasnodar

This article is devoted to the functions and characteristics of the role of dialogue in fiction, as well as the study of translation features of the dialogue. The article illustrates distinctive features of the dialogues, as well as the comparative analysis of the dialogue translation from English into Russian.

Index Terms: fiction, dialogue, functions of dialogue, the characteristics of dialogue, translation transformations.

Об авторе:

Лавхаева Гюльага Айвазовна — преподаватель кафедры теории и практики перевода Кубанского государственного университета; e-mail: gvelieva92@mail.ru

УДК 81'1: 81'42

**СЛОВА, СТРУКТУРИРОВАННЫЕ НЕ ПО ОБЩИМ ПРАВИЛАМ
РУССКОГО СЛОВО- И ФОРМООБРАЗОВАНИЯ
В РАССКАЗЕ А.М.ГОРЬКОГО «СТРАСТИ-МОРДАСТИ»
И ПОВЕСТИ «ДЕТСТВО»**

Л.И. Молдованова, В.Н. Рябов

Кубанский государственный университет, Краснодар

Объединяет рассказ и повесть то, что оба они в художественной форме повествуют о нетерпимо трудной жизни ребенка в нелегкие для России годы конца XIX и начала XX века. Необычные образования формируют, пусть и с разной степенью вовлеченности, но особенную структуру означенных текстов.

Ключевые слова: необычные слова, необычные формы слов, лакуны, элимантемы, текст, рассказ, повесть.

Слов, произведенных с нарушениями общих правил русского формо- и словообразования, в произведениях А.М.Горького немало. Есть они и в его рассказе «Страсти-мордасти», и в повести «Детство» – одной из составляющих известной трилогии о судьбе самого писателя [1]. Объединяет рассказ и повесть то, что оба они повествуют читателю в художественной форме о нетерпимо трудной жизни ребенка в нелегкие для России годы конца XIX и начала XX века. Необычные образования формируют то, что очень важно, пусть и с разной степенью вовлеченности, но особенную структуру означенных текстов.

В своих размышлениях мы исходим из того, что стиль писателя как способ представления содержания произведения складывается из взаимодействий всех единиц текста, в т.ч. и элимантем самого разного толка. Вот

поэтому для нас значимы в разговоре на заданную тему такие понятия, как контекст и контекстуальные единицы, которые при структурно-семантическом анализе текста позволяют членить его на конструирующие его образования. Значимость элимантем в таком количестве в произведениях А.М. Горького переоценить трудно. Заметно весома и значимость преодоления противодействий их образованию. Имеем в виду то, что зависимость влияний на элиминирование интраязыковых лакун заключается в том, что такие влияния образуют не четкие группы классификаций, а шкалу, отражающую в каких-то конкретных ситуациях уменьшение одних их свойств, а в других нарастание таких же или иных. В любом случае, элимантемы – это сигнал, говорящий о качестве анализируемого художественного текста.

Известно, что виды структурной организации грамматических единиц являются не последними по значимости составляющих системы влияний, обуславливающих построение русского, как и любого другого языка. Если парадигма – это система, а «идея парадигмы (как имманентного отражения концепции) – это идея подражания образам» [2, с. 53–54], то грамматические элимантемы (как средство элиминирования интраязыковых грамматических лакун) – это некоторые образования, которые:

1) принципиально возможны, но на уровне языковой нормы языком не востребованы, а потому и существуют как узуальные образования, с перспективой обрести в языке нормативный статус;

2) реально существуют не только в речи, но даже и в языке, однако по тем или иным причинам малоупотребительны, а то и уникальны;

3) принципиально невозможны в силу противодействий, носящих запретительный характер, но тем не менее могут быть представлены как их безусловные варианты нормативного порядка, что позволяет оценивать такие конструкции как образования потенциальные, случись историческая необходимость или возникни историческая случайность.

Таким образом, парадигмы, в состав которых входят как некоторый условный знак такие элимантемы, продуктивно оценивать как неполные. По отношению же к самим этим словам вполне допустимы определения типа «ущербные», «недостаточные», ибо отсутствие или малоупотребительность той или иной формы слова – это именно недостаток его формально-семантического устройства, затрудняющий в итоге языковое общение. Получается, что в качестве равноправных членов той или иной парадигмы языка элимантемы, по-видимому, признаны быть не могут.

Интерес к диминутивам, построенным как по общим, так и не по общим правилам русского формообразования, – важнейшая черта рассказа А.М. Горького «Страсти-мордасти». Когда мы говорим о не общих правилах производства диминутивов, то понимаем, что их отличие от правил общих весьма условно. Отличия одних диминутивов от других касаются в самую первую очередь того, что в рассказе в качестве формообразователь-

ной базы встречаются образования вполне ожидаемые и структуры, совсем не частотные. Интерес очень доброго молодого человека, торговца баварским квасом, к судьбе гулящей женщины и ее одиннадцатилетнего сына с большими ногами закономерно объясняет немалое количество в небольшом по объему рассказе слов с уменьшительно-ласкательными суффиксами. Встречаются такие слова и в речи рассказчика, самого молодого человека, и в речи мальчика Леньки, и в речи его мамы Машки Фролихи. Существительное *утешеньице* в речи этой женщины мы находим, с одной стороны, как обозначение того, что она, падшая женщина, может предложить торговцу за то, что он ее пьяную вытащил из грязной лужи и ведет домой. «Идем, милый, – ворчала она, как будто трезвая. – Я тебя приму ... Я дам тебе *утешеньице*». С другой стороны, этим же диминутивом мать Леньки называет своего больного сына. Она рассуждает, говоря о ребенке: «Хорошо *утешеньице* у меня? Кабы не он – утопилась бы давно, ей-богу! Удавилась бы ...». Правда, в рассказах о своем ребенке она использует и другой однокоренной диминутив, образованный от существительного *утешенье*. А.М. Горький пишет: «*Утешеньишко* мое, – указала женщина и, покачнувшись, опрокинулась в угол, – там, едва возвышаясь над кирпичом пола, где была приготовлена широкая постель». Получается, для выражения любви к своему маленькому сыну помощи и так многоемкого слова *утешенье* женщине не хватает, и она прибегает к помощи образований, построенных при посредстве не столько уменьшительных, сколько ласкательных суффиксов *-иц(е)* и *-ишк(о)*. С этих позиций означенные формы слова *утешенье* есть образования вполне необычные.

В речи маленького Леньки в рассказе «Страсти-мордасти» диминутивы встречаются чаще всего, Это такие существительные, как *паучишка*, *таракашка*, *жучишка* – обозначения тех, кто живет в *зверильнице* ребенка. В соответствии с известным положением о регулярной многозначности термина под диминутивами, как порою в лингвистической традиции, мы понимаем не только сами уменьшительно-ласкательные суффиксы, но и слова, в состав которых такие морфемы входят. Так вот, семантическая специфика слов, от которых представленные выше формы существительных произведены, не препятствует, хотя и затрудняет их появление в тексте рассказа. Семантическая специфика формообразовательной базы существительных *стеклышки*, *черепочки* и даже *бумажки* также не препятствует появлению их в речи мальчика Леньки. Встречены эти слова в таком контексте. Рассуждая о том, что у него товарищей нет, одна Катька Водозова, которую водовозиха бьет за то, что она к нему ходит, мальчик, взяв конфетку от посетителя их «дыры», развернув цветную бумажку, аккуратно расправив ее и положив на подоконник, говорит: «Я из этих бумажек наделаю разного, чего-нибудь хорошего. А то – Катьке подарю. Она тоже любит хорошее: *стеклышки*, *черепочки*, *бумажки* и все». Образ жизни ребенка, как видно, воспитал у него интерес к диминутивам. Он даже сам,

рассказывая о себе, использует такую лексику. Посетитель, он же рассказчик, вспоминает: «Я посадил его в ящик, а он, морщась и потирая *грудь* руками, осторожно покашлял: «Болят *грудышка* у меня, долго дышать настоящим воздухом нехорошо мне». Справедливо, что здесь не *грудь*, а *грудышка*, не только потому, что она ребенка, а еще и потому, что она болит и терпеть эту боль все трудней и трудней, и видеть все это, и не уметь помочь также нетерпимо больно.

Диминутивы в своей речи также использует и рассказчик, а по сути сам А.М. Горький, особенно в случаях, когда повествует о больном ребенке. Здесь не только существительные (*волосики*, *личико*, *головка*, *косточки* (о руках), *плечики*, *ротышко*, *ручонка*, *ножки*), но и прилагательные (*бледненькая* (улыбка), *узенькая* (грудь), *синенькое* (личико), *остренькие* (плечики)). Все эти слова не преодолевают противодействия своему образованию и вряд ли могут быть названы необычными. Однако их формообразовательная база такова, что при производстве диминутивов требует допущения интерпретации своего содержания. Получается, что *волосики* на голове одиннадцатилетнего ребенка – это не только обозначение их длины, их качества, но и отражение участливого отношения к больному мальчику со стороны старшего Леньки, такого, что хочется «зареветь, закричать на весь город от невыносимой жгучей жалости к нему». Выходит, что слово *волосики* – элимантема, т.е. способ элиминирования лакуны существительного *волосы*, ориентированный не только на преобразование формы слова, но и на уточнение его семантических нюансов.

Слов, построенных с нарушениями общих правил русского формообразования, в повести «Детство» в процентном соотношении несколько меньше, чем в рассказе «Страсти-мордасти». Но и в ней они весьма заметны. Очень интересны в этом ряду существительные, «лексические значения которых препятствуют выражению отношений «единичность – множественность» [3, с. 472]. Особую группу здесь составляют слова типа *волоса* вместо ожидаемого уже сегодня *волосы*. Объясняется это, скорее всего, тем, что время, которое описано в повести, и время, в которое произведение пишется, – это как раз тот случай, когда флексия *-а(я)* начинает восприниматься, оцениваться как обозначение не столько двойственного, сколько, в первую очередь, множественного числа. В любом случае, означенные слова – образования парадигмы одного и того же существительного *волос*, и если слово *волосы* – конструкция вполне нормативная, то *волоса* – конструкция, при производстве которой преодолевались противодействия. Наверное, *волоса* – это что-то не делимое на составляющие, а *волосы* – что-то такое, что возможно наблюдать и не в единстве. Подтверждением сказанному служит следующий контекст. Разговаривая с внуком о временах сразу же после французского нашествия, дед Алеши Пешкова «с минуту ... молчит, закрыв глаза, приглаживая ладонями *волоса*, а потом продолжает, будя прошлое с осторожностью». Получается в итоге, что *волосы* и *волоса* – не одно и то же.

Последнее слово в паре, как видится, следует оценивать как экспериментальную, экзотическую, окказиональную форму множественного числа, а не как близкую по идее, тождественную составляющей достаточно привычной коррелятивно-релятивной пары типа *хлеб-хлеба*.

Очень интересный возвратный глагол *плачется* встречен в повести в рассказе деда мальчику о том, как он на Волге баржи тянул: «Накалит солнышко затылок-то, голова, как чугунок, кипит, а ты, согнувшись в три погибели, – косточки скрипят, – идешь, и пути не видать, глаза потом залило, а душа-то *плачется*». Выходит по контексту, что душа деда, как и других бурлаков, *плачет* по самое себя, как бы выговаривает себе плачем, что как-то не по-человечески многое в России сложено. Глагол *плачется* не личный глагол в безличном значении, каких немало в русской художественной речи, а именно элимантема, заполнившая лауну глагола *плакать* с помощью постфикса *-ся* от глагола *плачет* в форме первого лица единственного числа. Необычность слова *плачется* можно видеть еще в том, что трудно представить себе ситуацию, когда душа совершает действие *плакать*, направленное по отношению к самой себе.

Говоря о словопроизводстве необычных не форм слова, а именно слов, мы понимаем, что «специфика образования производных слов ... диктует и специфику их мотивационных связей между исходным ... и производным» [4, с. 128]. Элимантема *зверильница* представлена больным мальчиком из рассказа «Страсти-мордасти» в разговоре с посетителем его жилища таким образом: «А что в коробочках? – *Зверильница*, – ответил он, взял ногу рукою, точно палку, сунул ее в тряпки на дно ящика». В этом образовании, придуманном самим мальчиком, обозначено, что Ленка не только не по годам мудр и серьезен, но и умеет шутить, хотя, конечно же, он совсем еще ребенок, не имеющий никакого опыта жизни. Формант *-льниц(а)* использован при конструировании этого необычного существительного. Ирония ситуации заключается в том, что *зверильница* – это не жилище, придуманное для зверей в традиционном, обыденном понимании этого слова, аместилище для проживания *паучишек, таракашек, жучишек* и «*бабочков*». Образовано существительное *зверильница*, по аналогии со словами *сахарница, пельменьница, плевательница*, однако аналогия не полная. Произведено означенное слово не с помощью суффикса *-ниц(а)*, а форманта *-льниц(а)*, не от глагола, а именно существительного. Разница в глубинах представления и осмысления рассмотренных существительных, таким образом, есть. Крайне любопытное прилагательное *нечеловечий* выведено в рассказе в описании ребенка торговцем баварским квасом: «Неописуемо выражение его глаз – внимательных и спокойных, – я с трудом выносил этот странный, *нечеловечий*, взгляд». Относительное прилагательное *нечеловеческий*, употребленное в таком контексте, было бы, на наш взгляд, вполне уместно, вполне обычно. Притяжательное же прилагательное *нечеловечий*, явленное в такой ситуации, выпадает, по-видимому,

из числа обычных, ожидаемых. Тем не менее, у А.М. Горького в рассказе оно присутствует. Исходя из желания вызвать у читателя чувство жалости к ребенку, скорее всего, притяжательное прилагательное и введено писателем в контекст. Аналогия с образованием притяжательных прилагательных, характеризующих принадлежность к животным, типа *бычий, овечий, собачий*, у этого слова налицо. Однако эта аналогия становится не столь заметной, когда понимаешь, что слово из рассказа А.М. Горького употреблено именно с приставкой *не-*, формируя особенную необычность элимантемы. Таким приемом обеспечивается глобально экспрессивная характеристика больного ребенка, будущее которому не сулит ничего хорошего. Будучи невысокого мнения о *человеческом* мире, судя о нем по тем, кто приходит развлекаться в «дыру» с его матерью, видя в насекомых особый мир, *человеческий* ребенок и обретает *нечеловечий* взгляд, находящийся на стыке между *человеческим* и другим, обусловленным безнадежностью, безысходностью своей жизни. Получается, что при своем образовании элимантема *нечеловечий* преодолевает противодействия самого разного порядка. В конце концов, все преодоления здесь связаны с препятствиями содержательного характера, позволяя писателю продемонстрировать свои взгляды в предельно полном объеме, и никак иначе.

Самые необычные элимантемы в повести «Детство» закономерно увидены нами не в речи автора текста, а в речи героев. Очень интересный в этом смысле человек бабушка Алексея Пешкова. Звали ее Акулина Ивановна, и была она человек неграмотный. Как стилизацию под ее речь целесообразно рассматривать многие из необычных элимантем, употребленных ею в повести. Прилагательное *молосная* явлено в повести в следующем контексте. Рассказывая внуку о своей трудной жизни, Акулина Ивановна вспоминает: «Иду как-то великим постом, ночью, мимо Рудольфова дома; ночь лунная, *молосная* ...». Понятно, что, скорее всего, *молосная* это то же самое, что и молочная, т.е. фонетический вариант этого слова. Именно по этой причине в известных толковых словарях русского языка этого прилагательного нет. С другой стороны, данный вариант слова, предложенный бабушкой, может быть, и способствует необычному описанию необычной ночи. Ночь в повести не *молочная*, а *молосная*, не просто белая, похожая по цвету на молоко, а обязательно мягкая, нежная, обволакивающая. С помощью этого прилагательного, на наш взгляд, в этой части, как минимум, особенная художественная красота текста обеспечена.

Другой пример. В одной из ситуаций текста Акулина Ивановна говорит: «Запылилась, *окоптела* вся! Грязная, что твой печник!». Отсутствуя в словарях, в повести по-видимому, этот глагол имеет значение «покрыться *копотью*, сажей, *закоптеть*». Приставка *о-*, как видим, в этом слове позволяет представить характер покрытия *копотью*, сажей, увидеть меру проявления этого действия: со всех сторон, равномерно, целиком. Такому пониманию значения слова *окоптеть*, наряду с другими возможными понимания-

ми, способствует, с нашей точки зрения, и то, что глагол можно мотивировать целым рядом самых разных однокоренных слов, а не только с помощью непосредственно производящего слова. Таким образом, семантика глагола *окоптить* сформирована возможностью осознавать ее, опираясь на возможности соотношения означенного глагола со многими мотивирующими.

Сложное прилагательное *всепомощная* встречено также в речи Акулины Ивановны. В одной из ситуаций бабушка восклицает: «Ах ты, мать *всепомощная*, радость-то какая!» Вполне предсказуемо в толковых словарях данное слово отсутствует, хотя и образовано по известной схеме, так же, как, к примеру, прилагательные типа *всевластный*, *всесильный*. Стилизация под речь неграмотного человека здесь явна. Нарушения при производстве прилагательного связаны с тем, что второй элемент слова «*помощная*» не столь уместен, употребим в речи образованного человека, как если бы вместо него мы увидели причастие *помогающая* и случилось бы уже достаточно ожидаемое сложное слово *всепомогающая*. Как характеристика же героини, как воспевание ее простоты, искренней веры в силу жизни слово *всепомощная* более чем допустимо. Своей необычностью оно формирует особенную красоту не только контекста, но и по сути всего текста повести.

Таким образом, собственно формо- и словообразование начинаются тогда, когда возникает потребность в создании от той или иной основы с достаточно определенным значением того или иного слова, потребность, обуславливаемая исторической случайностью, находящей отражение в возможностях текста, в замыслах автора художественного произведения. Элимантемы мы рассматриваем как, в первую очередь, образования асистемные, наблюдаемые прежде всего не в языке, а в речи. Элиминируя лакуны, т.е. пустые клетки в морфологической и словообразовательной системах языка, у А.М. Горького в рассказе «Страсти-мордасти» и повести «Детство» необычные слова и формы слов, «работают» достаточно активно на важнейшие идеи этих произведений – чувство собственного достоинства, как правило, есть даже у маленького Человека, что «охота жить» сопровождает любого, как бы тяжело ему не было. Получается, что в силу противоречивости своей структуры необычные формы слов и собственно слова предопределяют характер возможных изменений в языке, составляют важную часть изобразительного богатства и возможностей русского языка.

Список литературы

1. Луценко Н.А. Взаимодействие парадигм в грамматике «Философия морфемы» // Философия языка в границах и вне границ. Международная серия монографий. Харьков: ОКО, 1993. Т.1. С.52–53.
2. Русская грамматика. М.: Наука, 1980. Т.1. 783 с.
3. Харитончик З.А. Семантические особенности производных при знаковых слов // Вопросы языкознания. М.: Наука, 1984. №4. С.124–130.

Источники

Горький А.М. Собрание сочинений в восемнадцати томах. М.: Художественная литература, 1961. Т.8. С.301-306. 1962. Т.9. С.9–166.

WORDS STRUCTURED NOT BY GENERAL RULES OF THE RUSSIAN WORD- AND FORM- BUILDING IN MAXIM GORKY'S SHORT STORY «STRASTI-MORDASTI» AND IN AUTOBIOGRAPHY PART I «MY CHILDHOOD»

L.I. Moldovanova, V.N. Ryabov

Kuban State University, Krasnodar

Both the short story and the autobiography part I about unbearably hard life of a child during the most difficult years for Russia at the 19th – beginning of the 20th century. The special structure of the above mentioned texts (with a different degree of involvement) is created by the unusual word- and form-building.

Index Terms: unusual words, unusual forms of words, lacunae, elements, text, a short story, long short story.

Об авторах:

Молдованова Людмила Иосифовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры прикладной лингвистики и новых информационных технологий факультета романо-германской филологии; e-mail phil@Kubsu.ru

Рябов Вячеслав Николаевич – доктор филологических наук, профессор кафедры общего и славяно-русского языкознания; e-mail phil@Kubsu.ru

УДК 811

К ВОПРОСУ О СУЩНОСТИ ЯЗЫКОВОГО ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ

И.А. Назаренко

Кубанский государственный университет, Краснодар

Эта статья рассматривает проблему сущности языкового функционирования согласно Ф. де Соссюру, А.Ф. Лосеву, П.А. Флоренскому и С.Н. Булгакову. В ней кратко описывается использование данными учеными философских категорий имени, слова, знака; подчеркиваются особенности

компаративного лингвистического исследования, определяются интердисциплинарные связи.

Ключевые слова: имя, слово, знак, компаративистика, панхрония, функционирование языка.

Вопрос о сущности языкового функционирования во все времена был предметом глубоких лингвистических, философских, теологических рассуждений многих ученых

В юношеском возрасте Фердинанд де Соссюр написал очерк «Опыт приведения греческих, латинских и немецких слов к небольшому числу корней», где наметил общую схему языка. «Едва овладев азами греческой грамматики в школе, я счёл себя уже достаточно зрелым, чтобы сделать набросок *Общей системы языка*, посвятив его Адольфу Пикте. Насколько я помню, эта ребяческая затея заключалась в том, чтобы доказать, будто всё, что имеется во всех возможных языках, можно свести к корням, состоящим всего лишь из трёх согласных (а в более древнюю эпоху, даже из двух согласных), если только считать тождественными p, b, f, v, или k, h, g, ch, или t, d, th. Так, R – K являлось, насколько я помню, универсальным знаком могущества или самовластия: rex, regis, *король, короля*; ῥήγνυμι, *сокрушать*; Rache *месть*; rügen *порицать* и т.д. P – N – K было знаком удушья, дыма: πνίγω, *душить*; Funke, *искра*; pango, *вбивать*; pungo, *жалить* и т.д.» [8, с. 225].

Ф. де Соссюр стремился найти языковую первооснову, и его идея об *Общей системе языка* была верным шагом в поиске. Он осознавал, что изучение какого-нибудь конкретного языка неизбежно приводит к изучению языка вообще; чувствовал, что ключ к разгадке тайны функционирования слова лежит не в самом слове; надеялся, что «*однажды придётся написать специальную и очень интересную книгу о роли слова как основной помехи в науке о словах*» [8, с. 43]. Отдадим должное лингвистической интуиции замечательного учёного. Он предпринимал поиски первичных элементов языка, без которых всё зыбко, всё произвольно и недостоверно

Проблемы философии имени рассматриваются в трудах С.Н. Булгакова («Философия имени»), А.Ф. Лосева («Философия имени»), П.А. Флоренского («Имена»). С.Н. Булгаков размышляет: «В сущности, к эволюционным представлениям прибегали уже древние – Диодор и Витрувий, Лукреций. Разновидностью этого являются уже упомянутые нами ономапотэтические и интеръекционные теории; они лишь указывают на частные причины естественного, эволюционного развития и возникновения языка. Для одних он развился из звериных криков, для других – из звукоподражаний, но, во всяком случае, слово здесь производится из того, что само по себе не есть или ещё не есть слово. При этом главный, центральный и единственный вопрос – как возникает слово из *не-слова* или, что то же, как появляется *первое* слово в своеобразии своём – здесь не отвечается, но обходится ссыл-

кой на *постепенность* перехода, как будто можно построить будущий эволюционный мост над пропастью. Ignorantio elenchi, уклонение от вопроса, самообман – вот неизбежный удел эволюционной теории здесь, как и в других случаях. Мы этим вовсе не хотим отрицать факт развития языка, но надо знать, отчего оно происходит и куда ведёт, надо знать энтелехическую его цельпричину, которую обычно знать не хотят современные эволюционисты, и в этой дурной бесконечности весь пафос их теории.

Но не представляется ли эволюционным и наше воззрение? И да и нет. Да – в том смысле, что, конечно, язык имеет своё закономерное развитие в соответствии своей природе, нет – потому, что эта природа сама вовсе не определяется этим развитием, напротив, развитие вытекает из природы человека и, в конечном счёте, природы человека. Антропокосмическая природа слова делает его символом, сращением слова и мысли, и именно потому слова не сочиняются, но лишь осуществляются, реализуются средствами языка в человеке и чрез человека» [2, с. 50-51]. Выделим в данном фрагменте констатацию *антропокосмической природы слова*. С.Н. Булгаков даёт такое образное определение понятию язык: «*повесть мира о себе самом, космическая радуга смыслов*» [2, с. 47].

Трактат «Философия имени» А.Ф. Лосева посвящён обоснованию онтологической сущности имени. Ученый постоянно напоминал о необходимости *цельного* подхода к языкам. Он размышлял о доминанте учения Платона – *понятии единого*, умении видеть в многообразии проявленной некой сущности объединяющее начало, внутреннюю форму, идею. Он анализировал существующие теории языкового знака, констатировал факт, что термин *знак* в силу своего всеединства с трудом поддаётся точному определению, а представление о языковом знаке в лингвистике весьма обширно, порою запутанно и противоречиво. «Назвать вещь, дать ей имя, преодолеть хаотическую текучесть жизни – значит сделать мир осмысленным... В слове и имени – встреча всех возможных и мыслимых пластов бытия» [6, с. 25].

П.А. Флоренский утверждает: «Имя, вот что объясняет Тайну мира. Да, Имя объясняет её предельно, имена – частично. В языке, как таковом, заложено объяснение бытия; факт существования языка есть факт существования философии; ибо язык по существу своему диалектичен... в слове, как таковом, заложена антиномия внутреннего и внешнего. Углубиться в эту антиномию – значит углубиться в первичную антиномию языка» [9, с. 43]. Исток философии учёного – *неведомость как жизнь мира*; среди прочего удивляло то, что «области наук отрезаны друг от друга. Между науками нет связи. На самом деле нет поэтому и Науки, а есть лишь много наук, самым существом своим отрицающих друг друга» [9, с. 6, 119].

«*Вопрос о происхождении слова ближайшим образом зависит от вопроса о корневых элементах слов*. Для нас не имеет значения, существовал ли период корневого языка, как это думают многие, или нет, или это

есть лишь методологическая гипотеза; всё равно, в том или другом случае индивидуальное значение слова связано с корнем. В языковедении считается довольно твёрдо установленным, что и формативные элементы речи – окончания в склонении и спряжении, предлоги, наречия, даже частицы – первоначально были самостоятельными словами, имели своё корневое ядро. Так или иначе, но *самостоятельное слово имеет своё корневое ядро, и это ядро есть, вместе с тем, и смысловое: существует первооснова слова, в которой сращение слова и смысла-идеи имеет непосредственное изначальное бытие*. В дальнейшей жизни уже родившегося слова, или воплотившегося слова, могут происходить разные события и процессы, все умножения, изменения и усложнения смысла; сюда относятся: тропы как метафоры, метонимии, синекдохи, то, что называется «внутренней формой слова... *Слово возникает одновременно и вместе со смыслом*» [2, с. 40-41, 43].

В компаративном лингвистическом исследовании не следует разделять диахронический и синхронический аспекты. «Язык варьирует во времени и в то же время он варьирует в пространстве. Среди языков нет ни сыновей, ни матерей, нет, и никогда не было. В каждом регионе земного шара существуют языки, определённое состояние которых медленно изменяется каждую неделю, из месяца в месяц, из года в год и из века в век, в чём мы скоро убедимся, но никогда предшествующий язык не производил на свет и не давал толчок к рождению нового языка; подобное находится за пределами наблюдаемого и воображаемого, если учитывать обычные условия, в которых каждый из нас говорит на своём родном языке... Таким образом, мы постулируем абсолютный характер принципа непрерывного изменения языков. Нельзя найти язык, который находился бы в состоянии покоя и неподвижности... *никогда один язык не следует за другим*; например, французский язык не следует за латынью. Эта воображаемая последовательность двух объектов возникает исключительно по той причине, что нам оказывается удобным дать два последовательных названия одному и тому же языку и, следовательно, представить его как два объекта, разделённые во времени. Поэтому говорить, что один язык постепенно возникает из другого, не более уместно, чем говорить, что один язык возникает из другого внезапно. Главное – это понять, что мы можем дать единственное наименование всему периоду в двадцать один век, назвав его *латынью*, или дать два наименования, назвав его *латынью и французским языком*, или же три наименования, назвав его *латынью, романским языком и французским языком*, или дать двадцать одно наименование, назвав его *латынью второго века до н.э., латынью первого века до н.э., etc.* И не существует буквально никакого другого способа произвести деление, кроме этого совершенно произвольного и условного способа» [8, с. 47, 53, 54].

В подтверждение мысли о том, что исследовать функционирование языка можно и без обязательного обращения его к истории, Соссюр приводит следующую аналогию: «Известно, что астрономия сумела установить

значительные изменения на карте звёздного неба за то минимальное время, которым она располагала, но нет никаких видимых причин делить астрономию на две части, делать из неё две дисциплины... Известно, что есть наука о Праве и есть История права, рассматриваемого во времени, но никто по этой причине не стал бы говорить, что История права представляет собой особую дисциплину, отдельную от науки о праве» [8, с. 189, 190].

Это идея панхронии языка, идея типологического сравнения европейских языков и постулирование абстрактного (но реального) языкового единства. В языках действуют универсальные законы. Законы природы в общих своих формах едины для разных уровней структурной организации материи, хотя и проявляют себя через многообразие. Л.Н. Гумилёв отмечает, что этот исходный принцип диалектического монизма получил блестящее подтверждение в синергетике и этнологии [4, с. 344]. Здесь следует обратить внимание на взаимосвязь различных наук. Формулировка лингвистических законов, объяснение языковых феноменов возможны путём обнаружения глубинных связей, скрытых от прямого наблюдения;

Для того, чтобы обнаружить истинную природу языка, нужно прежде всего обратить внимание на то, что в нём общего с иными системами того же порядка. Основным методом типологического изучения языков является компаративный анализ. «Сравнение – одна из необходимых операций всех наук. На нём основывается процесс мышления вообще: ведь математик сравнивает величины и только этим добывает данные для своих синтетических и дедуктивных соображений; ведь историк вообще, только сравнивая различные фазисы известного рода проявлений человечества, может делать какие-то выводы и т.д. Роль же, которую играет сравнение в языковедении, оно играет и во всех индуктивных науках: только при помощи сравнения можно обобщать факты и пролагать дорогу применению дедуктивного метода» [1, с. 1, 56].

Согласно теории гармонии сфер Пифагора, мир подобен числу: познать строение, закономерности мироздания – это значит познать управляющие им числа. В музыке и лингвистике также действуют природа и сила числа. Платон, вслед за пифагорейцами, утверждал, что музыка и астрономия – родные сёстры. Именно поэтому музыка всегда рассматривалась как математическая дисциплина. Гармония воспринимается не чувственным восприятием, но разумом и математикой.

Ф. де Соссюр и С.Н. Булгаков были правы, утверждая, что вопрос о слове невозможно решить в рамках только языкознания. Ключ к раскрытию секрета функционирования лингвистического строя находится в музыкально-математическом строе. В данном синтезе наук нет ничего необычного. Основу средневекового университетского образования составлял курс *Septem artes liberales* (лат. *Семь свободных искусств*), в который входили: *trivium* (*элементарная латинская грамматика, диалектика, риторика*); *quadrivium* (*арифметика, геометрия, астрономия и музыка*). Это

целокупное единство музыки, математики, языка должно быть исследовано во взаимосвязи. Утрата способности видеть и понимать этот единый круг наук вызвала горькую ремарку Л. Эйлера: «Каждый судит о Вселенной по своей науке, в которой он искусен. Вот почему полководец видит поле брани там, где купец – ярмарку, поэт – Парнас, лекарь – госпиталь, а астроном – планету» [7, с. 267].

Для подтверждения системных связей между музыкой и лингвистикой следует обратиться к исследованию «De institutione musica» Боэция. Поэтичен строгий научный трактат: за сухими теоретическими музыкально-математическими размышлениями стоит красота мыслей, слов и чисел. Этимологические соотношения известных греческих и латинских лексем: греч. φθόγγος – лат. sonus; греч. φωνή – лат. vox; лат. consonantes – vocales – позволяют увидеть универсализм принципов мироздания. Боэций кодифицирует накопленные знания и пишет о том, *что* есть музыка, *чем* она отличается от других дисциплин, *каково* её непреходящее значение для человека, государства и Вселенной [3, с. 25]. Понятие *musicus* изначально трактуется как *человек, понимающий связь вещей, суть мироздания*. Главный тезис: *всё имеет своё числовое выражение, всё связано системой аналогий и ассоциаций – универсальной гармонической системой*. Красной нитью идея единства и гармонии проходит через *пифагорейство, через Гераклита с его 'αρμονία 'αφαής – «скрытой гармонией», которая «сильнее явной»*, с его учением о Логосе и определённых мерах (μέτρα) воспламенения и угасания всемирного Огня [5, с. 782-783].

Язык есть гомогенное единство, а не конгломерат составных частей. Всё в мире стройно и созвучно, всё согласовано между собой, и ничто не теряет при этом своего своеобразия, но слагается в живую гармонию.

Список литературы

1. Бодуэн де Куртэнэ И.А. Избранные труды по языкознанию в 2-х т. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1963. Т. 1 384 с.
2. Булгаков С.Н. Философия имени. СПб: Наука, 1999. 448 с.
3. Герцман Е.В. Музыкальная Боэциана. СПб.: Глаголь, 1995. 480 с.
4. Гумилёв Л.Н. Конец и вновь начало. М.: АСТ, 2007. 384 с.
5. Лосев А.Ф. История античной эстетики. Ранняя классика. М.: Высшая школа, 1963. 365 с.
6. Лосев А.Ф. Философия имени. М.: Правда, 1990. 656 с.
7. Развитие идей Л. Эйлера и современная наука. М.: Наука, 1988. 485 с.
8. Соссюр Ф. де. Заметки по общей лингвистике. М.: Прогресс, 2000. 280 с.
9. Флоренский П. А. Имена. М.: Эксмо, 1998. 912 с.

TO THE QUESTION OF THE ESSENCE OF LANGUAGE FUNCTIONING

I.A. Nazarenko

Kuban State University, Krasnodar

The article considers the problem of the essence of language functioning according to Saussure, Losev, Florensky and Bulgakov and the use of the philosophic categories of name, word and sign. The peculiarities of the comparative research of languages, intersubject communications have been underlined.

Index Terms: name, word, sign, comparativism, panchrony, language functioning.

Об авторе:

Назаренко Ирина Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики перевода Кубанского государственного университета; e-mail: nazarenko.irina@yahoo.com

УДК 81'33

ПРАГМАТИКА РЕАЛИЗАЦИЙ ЯЗЫКОВОЙ И РЕЧЕВОЙ ЭКСПРЕССИВНОСТИ

Ю.П. Нечай, В.Г. Шишкина

Кубанский государственный университет, Краснодар

Рассматриваются особенности единства интеллектуального, эмоционального и волевого, которое находит свое выражение с помощью единиц различных уровней в семантической структуре языка и реализуется в речи или контексте. В статье подчеркивается, что использование писателем тех или иных типов экспрессивных значений и средств их выражения напрямую связано с выбором прагматической установки речи и ее функционально-стилевым воплощением.

Ключевые слова: прагматика, языковая и речевая экспрессивность, языковые средства, эмоционально окрашенная речь.

На современном этапе состояния и развития языка прагматика, по замечанию Т.В. Булыгиной, представляет собой не только один из аспектов лингвистического исследования, но и его сущностью [1]. И в этом есть своя закономерность, поскольку семантическая сторона языка, как действительность мысли, не может быть ограничена только логико-понятийным

аспектом или когнитивной, денотативно-десигнативной трактовкой языкового знака. Ведь наше сознание, вольно или невольно, включает и аксиологический, т.е. ценностный аспект, поскольку, являясь свойством мозга и выступая как осознание бытия, оно имплицитно относит субъекта к среде [9] и представляет собой не только высший уровень психической активности человека, но и имеет целенаправленный характер [8].

Непосредственный анализ психической деятельности человека свидетельствует о том, что она выступает в виде некоего единства интеллектуального, эмоционального и волевого, которое находит свое выражение с помощью единиц различных уровней в семантической структуре языка и реализуется в речи или контексте. По этому поводу Л.С. Выготский отмечал, что значение слова – это единство обобщения и общения, коммуникации и мышления [2], а общение, как таковое, невозможно без выражения отношения к предмету речи и адресату, т.е. без собственно коммуникативных его признаков. Отсюда следует, что кроме логико-понятийного аспекта языка, необходимо пристальное изучение его коннотативной сферы, которой по ряду причин не уделялось ранее должного внимания и которая остается – несмотря на многочисленные работы, ей посвященные, – почти совершенно не изученной как в таксономическом, описательно-классификационном плане, так и в функциональном, в частности стилистико-речеведческом, текстовом [4]. Подтверждение этому мы отмечаем у Ч. Морриса, который, определяя язык как семиотическую систему, высказывает мнение о том, что полнота ее и языкового знака – в единстве синтактики, т.е. формальной стороны, семантики и прагматики. Лишь в таком тандеме этих сторон раскрывается сущность языка [6]. Нельзя не отметить и тот факт, что само функционирование языка подчиняется определенным коммуникативным задачам, результатом которых является образование особой речевой организации, принцип построения которой качественно отличается от обычного объединения единиц в системе языка. Такое положение вещей приводит к необходимости различения языковой и речевой экспрессии: во-первых, как совокупности взятых внеконтекстуально коннотаций языковых единиц, а во-вторых, – как наилучшая реализация языковыми единицами в речи ее коммуникативных задач, что требует особой их организации, которая способствует созданию общей окрашенности речи и определенной экспрессивности.

Все сказанное позволяет расширить рамки наших размышлений и отметить, что экспрессивные, эмоциональные и другие коннотативные средства языка подвергались пристальному исследованию как раньше, так и в настоящее время, в основном, в аспекте языковой экспрессивной таксономии: квалификации и классификации коннотаций. Однако изучение функционирования живого языка неизбежно приводит к отходу от позиции «знака в системе знаков» к позиции «знака в ситуации, в контексте» с учетом целей коммуникации. При этом бесспорным остается утверждение о преобладании

у знака той или иной стороны. Более того, такая классификация в принципе возможна и целесообразна. Тем не менее, нельзя не забывать, с одной стороны, о недопустимости разрыва у языка (и его единиц) рациональной и эмоциональной сторон. С другой же стороны, исследование экспрессивного компонента в языке может осуществляться в речи только в тех пределах, в которых экспрессивность находит свое полное выражение, например:

“Just a minute. What makes you think I still want you? What makes you think you are worth three hundred dollars? Most women don't come that high.”

She blushed to her hair-line and her humiliation was complete. /.../

“Name of God! she cried. Are you a fool? I can't let Tara go. It's home. I won't let it go” (XXXIV/568).

– Одну минуту. Почему вы думаете, что вы все еще мне желанны? И почему вы думаете, что вы стоите триста долларов? Большинство женщин так дорого не берут.

Несказанно униженная, она вспыхнула до корней волос. /.../

– Боже ты мой! – воскликнула она. – Вы что, с ума сошли? Я не могу отдать Тару! Это мой дом. Я не отдам ее! (Пер. Т. Кудрявцевой)

В приведенном примере широко представлена стройная организация всевозможных языковых средств в одно целое, что позволяет с предельной экспрессивностью провести экспликацию отношения, эмоций и оценок говорящего и достичь, тем самым, требуемого результата.

Внеконтекстуальные языковые средства – это те потенциально экспрессивные средства, которые становятся реально экспрессивными лишь в контексте общения и позволяют говорящему выстраивать необходимый уровень экспрессивности (выразительности) своей речи, например

He (*Rhett – V. Sh.*) raised his head violently and looked up at her (*Melanie – V. Sh.*) with bloodshot eyes, fiercely throwing off her hands.

“No, by God, you don't understand! You can't understand! You're – you're too good to understand. You don't believe me but it's all true and **I'm a dog**. Do you know why I did it? I was mad, crazy with jealousy” (LVI/943).

Он (Ретт – В. Ш.) резко вскинул голову и, посмотрев на нее (*Мелани – В. Ш.*) налитыми кровью глазами, сбросил с себя ее руки.

– Нет, клянусь богом, вы ничего не поняли! Вы не можете понять! Вы... слишком вы добрая, чтобы понять. Вы мне не верите, а все, что я сказал, – правда, и **я – пёс**. Вы знаете, почему я так поступил? Я с ума сошел, я обезумел от ревности (Пер. Т. Кудрявцевой).

В данном примере эмоциональная речь одного из главных героев приближается к максимальной точке при высказывании самооценки: *I'm a dog* – досл. *Я подлец (скотина, мерзавец)*. В данном случае автор преследует двойственную цель: обратить внимание читателя не только на сложность положения Ретта, но и дать ей объективную оценку.

Нельзя не отметить, что современному языку эмоционально-экспрессивная, а, следовательно, и прагматическая направленность свой-

ственны не только в плане выражения, но и в плане содержания. Поэтому без «выхода из текста» невозможно добиться адекватности описания его семантики; текст всегда имеет смысл только в связи с «нетекстом» [3], т.е. вербальное общение обязательно дополняется невербальным [7]. Все сказанное позволяет прийти к заключению, что понятие экспрессивности можно рассматривать как объект коммуникативной (прагматической) лингвистики, представляющий собой и прагматическое средство актуального членения, т.е. выбора ремы того или иного текста. А сам синтаксис представляет собой тесное совмещение семантики и прагматики, например:

“Mr. O’Hara, you must dismiss Jonas Wilkerson”.

Gerald exploded, “And where will I be getting another overseer who wouldn't be cheating me out of me eyeteeth?”

“He must be dismissed, immediately, to-morrow morning. Big Sam is a good foreman and he can take over the duties until you can hire another overseer”.

“Ah, ha!” came Gerald's voice. “So, I understand! Then the worthy Jonas sired the...” (IV/73)

– Мистер О’Хара, вы должны рассчитать Джонаса Уилкерсона.

– Джералд мгновенно вскипел:

– А где прикажете мне достать другого управляющего, который не обирал бы меня до последней нитки?

– Он должен быть уволен немедленно, завтра же утром. Большой Сэм хороший надсмотрщик и может заменить Джонаса, пока вы не наймете другого управляющего.

– А, вот оно что! Понятно, Уважаемый Джонас забрюхатил... (Пер. Т. Озерской)

Приведенный пример свидетельствует о том, что введение пропозиционных структур в специфические синтаксические гипонимы, приводит к потере статуса семантико-синтаксических денотатов. Процесс же коммутации имеет место за счет присутствия суперсегментных средств (интонирование, ударение, паузация). Такого рода ранжировка еще раз подчеркивает тот факт, что в подобных ситуациях меняется не семантика, а субсемантика, которая больше приближена к иконическим, а не к символическим знакам.

В связи с этим вряд ли стоит называть такие коммуникативные нерасчленимые элементы словами-предложениями и может быть даже синтаксическими единицами, так как они не имеют морфологической, морфемной, словообразовательной структуры и обозначают не понятия-предметы (в широком смысле), а понятия-ситуации или, скорее, реакцию на последние. Лишены они и синтаксических структур, и свойств построения-расчленения. Вероятнее всего, их следует выделять как относительно самостоятельные аграмматичные, а иногда и асемантические коммуникативные единицы и называть высказываниями [5].

Достоин внимания и тот факт, что для английского и русского языков особенно характерны такие способы создания экспрессии как различ-

ные виды повторов (повтор слогов, морфем, словоформ, словосочетаний, членов предложений, сегментов или целых предложений), например:

“I won't let you go home. It's insanity”.

“**I will go home!**” she cried, and her voice broke and rose to a scream. “**I will go home!** You can't stop me! **I will go home!** I want my mother! I'll kill you if you try to stop me! **I will go home!**” (XXIII/371)

– Я не позволю вам ехать домой. Это безумие.

– Нет, **я поеду домой!** – закричала она, и голос ее сорвался.

– **Я поеду домой!** Вы не можете мне помешать! **Я поеду домой!** Я хочу к маме! Я убью вас, если вы будете мне мешать! **Я хочу домой!** (Пер. Т. Озерской)

В представленном отрывке формирование экспрессии осуществляется за счет повтора фразы *I will go home* – *Я поеду домой и его части I will*. Созданию экспрессивности способствует также и присутствие модального глагола *will*, эксплицирующего не только желание, но и твердое намерение главной героини романа Скарлетт осуществить данное действие. Нельзя не отметить, что повторы, а им в большинстве случаев присущ яркий экспрессивный оттенок утвердительного или отрицательного толка, совмещают в себе выражение живой реакции на нечто сказанное. Такого рода повторяющиеся построения способствуют созданию значительной интенсивности утверждения. Непосредственное же утверждение позиционируется не изолированно в начале или середине предложения, а вплетается в саму ткань предложения.

Для эмоционально окрашенной разговорной речи особенно характерен двойной или тройной повтор позитивных средств в ответных репликах. Смысл подобного построения заключается в подчеркивании импульсивного желания посылающего на получение от собеседника или одобрения своего мнения, в данном случае с желанием Скарлетт (*I will go home! ... I will go home! ... I will go home! ... I will! I will!* / Нет, я поеду домой! ... Я поеду домой! ... Я поеду домой! ... Я хочу домой! ... Я хочу домой! Домой!), или его его неприятие. В данном случае примечателен и тот факт, что повтор позитивных средств в контексте способствует повышению его экспрессивности. Функция же нарастания повтора ставит своей целью «принуждению» партнера дать свое согласие, чем, собственно, и заканчивается диалог между Реттом Батлером и Скарлетт.

Большую роль в таких случаях играет также введение в текст асемантических звуковых комплексов (сегментирующих и интонирующих высказывание) и их последующий повтор, например:

Den he laugh agin an' say, “Cut an' run home. An befo Ah gits started Kerbloom! Off goes a noise an' Ah lak ter drap in mah tracks an' he tell me twarn't nuthin' but de ammernition our gempmums blowin' up so's de Yankees don't git it an...” (XXIII/368).

Потом (Присси – В.Ш.) опять засмеялся и говорит: «Ну, беги домой!» Тут опять **ка-ак: бу-ум!** И я чуть не упала на дорогу, а он говорит,

не надо пугаться, это наши жентмуны жгут **арт... арс...** ну, чтоб не достались янки, и... (Пер. Т. Озерской).

Немаловажное значение при экспрессивном оформлении контекста имеет также употребление вокативных и вводных слов или конструкций, например:

Scarlett and Pitty clutched each other's arms for support.

“Are – are the Yankees coming?”

“Yes'm, they're comin' all right, but they ain't goin' ter git fer, lady. Don't fret, Miss, they can't take Atlanta”. “No, M'm, we got a million miles of breastworks 'round this town” (XVIII/314).

Скарлетт и тетушка Питти вцепилась друг в друга, чтобы не упасть.

– **Значит...** значит, янки придут сюда?

– Да, мэ, они таки придут, только они охотятся не за дамами. Нет, нет, не пугайтесь, мисс, они не возьмут Атланту.

– **Конечно,** нет, мэ, вокруг города окопов понарыто, **почитай,** на миллион миль (Пер. Т. Озерской).

Особая роль принадлежит также порядку слов, способного нарушить линейный строй предложений (или вообще синтаксических структур), например:

“Munroe – LaFayette, Captain”. And Lafe had been engaged to Cathleen Calvert. Poor Cathleen! Hers had been a double loss, a brother and a sweetheart. But Sally's loss was greater – a brother and a husband (XIV/255).

«Манро, Лафайетт, капитан». А Лаф обручился с Кэтлин Калверт. Бедняжка Кэтлин! Потерять сразу двоих – и брата и любимого! А Салли-то еще тяжелей – и брата и мужа! (Пер. Т. Кудрявцевой)

Значительный интерес в текстах романа представляет также переносное образное употребление словоформ или словосочетаний, например:

And as for Melanie – Scarlett almost wished she could tell Melanie the truth about Archie. It would serve her right for **picking up trash and foisting** it off on her friends and relatives.

“I'm – I'm glad you told me, Archie. I – I won't tell anyone. It would be a **great shock** to Mrs. Wilkes and the other ladies if they knew” (XLII/739).

Что же до Мелани... Скарлетт даже захотелось рассказать Мелани правду об Арчи. Пусть знает, как **подбирать всякую рвань** и навязывать ее своим друзьям и родственникам.

– Я... я рада, что ты все рассказал мне, Арчи. Я... я никому не скажу. Это было бы **страшным ударом** для миссис Уилкси других леди. (Пер. Т. Кудрявцевой)

Как свидетельствует приведенный пример, употребление эпитетов в речи Скарлетт, позволяет автору с большей экспрессией передать ее возмущение и негодование.

В процессе нашего лингвистического анализа нельзя не отметить и выбор экспрессивно-стилистических значений при лексическом наполнении моделей и схем словосочетаний, предложений, например:

Sunset and spring and new-fledged greenery were no miracle to Scarlett. Their beauty she accepted as casually as the air she breathed and the water she drank, for she had never consciously seen beauty in anything but women's faces, horses, silk dresses and like tangible things. Yet the serene half-light over Tara's well-kept acres brought a measure of quiet to her disturbed mind. She loved this land so much, without even knowing she loved it, loved it as she loved her mother's face under the lamp at prayer time (II/30).

Весна, закаты, нежно-зеленая поросль никогда не пробуждали в душе Скарлетт ощущения чуда. Прекрасное было повседневностью, частичей жизни, как воздух, как вода. Ее сознание было восприимчиво к красоте лишь вполне конкретных, осязаемых предметов – породистых лошадей, женских лиц, нарядных одеяний... И все же торжественная тишина этих сумерек, спустившихся на возделанные земли Тары, принесла успокоение ее взбаламученной душе. Она любила эту землю – любила безотчетно и беззаветно, как любила лицо матери, склоненное в молитве при свете лампы (Пер. Т. Озерской).

Использованием таких лексем как *love* и *beauty*, которые придают высказыванию дополнительный экспрессивно-оценочный колорит, автор романа акцентирует внимание читателя на особом отношении и любви Скарлетт к своей земле, поскольку любовь и красота для красавицы героини – нечто иное. Понятие красоты она всегда связывает с красотой лошади или одежды. Красота же земли для нее – совсем другое, беззаветное, что вызывает чувство спокойствия и душевного благополучия. Любовь к земле она сравнивает с лицом матери.

Лексико-синтаксическое построение, например, последующего контекста „*She loved this land so much, without even knowing she loved it, loved it as she loved her mother's face under the lamp at prayer time*” / *Она любила эту землю – любила безотчетно и беззаветно, как любила лицо матери, склоненное в молитве при свете лампы*, позволяет сформировать у читателя яркий и волнующий образ того, что для Скарлетт ощущение родной территории, привязанность к ней ассоциируется (прием сравнения) с обликом матери, когда та совершала молитвенный ритуал.

Результаты нашего лингвистического анализа примеров из художественных текстов позволяет отметить, что выбор писателем тех или иных типов экспрессивных значений и средств их выражения напрямую связан с выбором прагматической установки речи и ее функционально-стилевым воплощением.

Список литературы

1. Булыгина Т.В. О границах и содержании прагматики // Изв. АН СССР. Серия лит. и яз. 1981. № 4. М.: Наука, 1981. С. 333–342.
2. Выготский Л.С. Мышление и речь. Изд. 5, испр. М.: Лабиринт, 1999. 352 с.

3. *Клике Ф.* Пробуждающееся мышление. М.: Прогресс, 1983. 302 с.
4. *Кожина М.Н.* О соотношении стилей языка и стилей речи с позиций функциональной стилистики // Принципы функционирования языка в его речевых разновидностях. Пермь: Наука, 1984. С. 3–18.
5. *Мефлекс М.В.* Экспрессивно-оценочная функция образных художественных средств в языке романа М. Митчелл «Унесенные ветром»: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Краснодар: Изд-во Куб. гос. ун-та, 2010. 22 с.
6. *Моррис, Ч. У.* Основания теории знаков // Степанов Ю.С. Семиотика. М.: Радуга, 1983. С. 37–89.
7. *Тихомиров О.К.* Психология мышления. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984. 272 с.
8. *Философский энциклопедический словарь (ФЭС).* М.: Советская энциклопедия, 1983. 840 с.
9. *Шентулин А.П.* Система категорий диалектики. М.: Наука, 1967. 278 с.

Источники

- Mitchell M.* Gone with the wind. London: London: Pan Books, 1988. 1011 p.
- Митчелл М.* Унесенные ветром. Том 1 и 2. Пер. с англ. Т. Озерской, Т. Кудрявцевой. М.: Правда, 1989. 605 с., 576 с.

PRAGMATICS OF REALIZATION IN EXPRESSIVE LANGUAGE AND SPEECH

Yu.P. Nechay, V.G. Shishkina

Kuban State University, Krasnodar

The features of unity of intellectual, emotional and volitional, which finds its expression using units of different levels in the semantic structure of the language and its realization in speech or a context, are examined. The article stresses, that the writer's choice of various types of expressive values and their means of expression is directly related to the pragmatic choice in speech and its functional and stylistic realization.

Key words: pragmatics, language and speech expressiveness, language tools, emotive speech

Об авторах:

Нечай Юрий Петрович – доктор филологических наук, профессор кафедры немецкой филологии Кубанского государственного университета; e-mail: nechay_ur@mail.ru

Шишкина Валентина Григорьевна – магистрант 2 курса факультета РГФ Кубанского государственного университета; e-mail: fob1ks7@mail.ru

УДК 81'37: 811.112.2

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ПАРЕМИЙ В ДЕТЕКТИВНОМ ДИСКУРСЕ

А.С. Панченко, С.В. Сидорков

Кубанский государственный университет, Краснодар

В статье даётся краткий обзор паремических единиц в детективном дискурсе и проводится их анализ на материале отрывка детективного романа В. Хааса “Komm, süßer Tod”.

Ключевые слова: паремия, дискурс, детектив, сюжет, тема, когнитивное пространство.

Говоря о взаимосвязях и взаиморасположении паремий в дискурсе, следует еще раз подчеркнуть, что паремии – это компримированные смыслы, выработанные опытом поколений. Отсюда их универсальность и присутствие практически во всех литературных жанрах – от фольклора до современных текстов. Вместе с развитием литературы видоизменяется и роль паремий в когнитивной структуре текстов. Басни, например, являются фактическими источниками паремических смыслов, соответственно и паремии для басни – самоцель, ради выражения которой и построен дискурс. Более поздние литературные жанры перестают быть репрезентантами конкретного паремического смысла [4]. За счет внедрения новых текстовых компонентов усложняется формальный и содержательный план произведения. Р. Барт предложил классификацию элементов текста в зависимости от их влияния на иерархию смыслов. Он различает «ядерные функции» (иначе «кардинальные»), «катализаторы», «признаки» и «информанты». Ядерные функции являются каркасом текста, его основными сюжетобразующими ходами. Удаление одной из таких функций приводит к разрушению смысловой когерентности текста. Катализаторы носят вспомогательный характер и располагаются между кардинальными функциями, предоставляя информацию о вспомогательных деталях. Они могут влиять на хронологический порядок построения текста: ускорять или замедлять повествование, отбрасывать назад или предвосхищать развитие действия [1]. Признаки служат для раскрытия характера персонажей или характеристики окружающего их мира. Информанты называют конкретные данные исторического или географического характера, создавая тем самым иллюзию референции [4].

За счет внедрения в ткань повествования перечисленных выше компонентов паремические смыслы перемещаются из плана сообщения в план кода. На этом строятся два противоположных типа отношений между дискурсом и связанным с ним паремическим смыслом. В первом случае дискурс имплицитно паремический смысл как свое целевое начало, а во втором – паремический смысл образует своеобразный фон, на котором возникают ассоциации с другими дискурсами, содержащими подобные смыслы. Второй тип отношений иллюстрирует такое понятие как «коммуникативный контур» дискурса.

Поскольку наше исследование проводится на материале романа В. Хааса “*Komm, süßer Tod*”, мы можем говорить об актуальности второго типа отношений между дискурсом и заложенным в нем паремическим смыслом. Выразить главную мысль такого текста одной паремией невозможно. В данном случае правильнее было бы рассматривать паремические смыслы как один из подходов к раскрытию идейного замысла произведения.

В связи с этим представляется целесообразным обратиться к особенностям жанра детектива, чтобы в дальнейшем соотносить частные, выявленные в ходе исследования, паремические смыслы с идеями детективного дискурса вообще. Обратимся к определению жанра детектива, предложенному в разных словарных статьях.

«Детектив (от англ. *detective* – сыщик) – один из самых продуктивных жанров массовой культуры XX в., сюжетная коллизия которого построена на поиске путей разрешения какой-либо сложной и запутанной задачи, в конечном итоге связана с обретением истины» [5, с. 30].

«Детектив (лат. *detectio* – раскрытие англ. *detective* – сыщик) – художественное произведение, в основе сюжета которого лежит конфликт между добром и злом, реализованный в раскрытии преступления» [3].

Уже в данных определениях виден четкий контраст между задачами паремий как репрезентантов конкретных смыслов и загадкой, лежащей в основе детективных историй, которая эти смыслы скрывает. Здесь мы можем наблюдать обратный процесс реализации паремий: в отличие от басни, где мораль ясно изложена и проиллюстрирована, в детективной истории необходимо «выудить» мораль из запутанной сети интриг, преступлений и загадок. Такое построение дискурса позволяет, тем не менее, говорить об определенной стереотипности в поведении героев. Как отмечает Н.Н. Вольский, «психология, эмоции персонажей стандартны, их индивидуальность не подчёркивается, она стёрта; персонажи в значительной степени лишены своеобразия – они не столько личности, сколько социальные роли. Это же касается и мотивов действия персонажей (в частности мотивов преступления), чем обезличеннее мотив, тем пригодней он для детектива» [2, с. 148]. За каждым героем детектива закреплена роль, которая определяет причастность или непричастность его к совершенному преступлению – сюжетообразующей функции любого детектива. Таким образом,

действия и психологические характеристики персонажей становится легко подвести под описанные в пословицах и поговорках так называемые «признаковые» мотивы. В большинстве своем они реализуются в таких типах паремических единиц, которые называются «фразеологическими единицами с существительным в качестве опорного слова» [2, с. 153]. Но существуют и другие варианты.

Рассмотрим применение описанных выше положений на примере характеристик героев анализируемого романа. Наиболее простым представляется дать характеристическую номинацию второстепенным персонажам. Их образы не даны в столь многоплановом развитии, потому и набор паремических единиц для каждого из таких персонажей будет минимальным. Так, например, рассмотрим образ санитаря Черни.

«Потому как Черни был в состоянии говорить только на одну тему, и темой этой были деньги. Если проговорил с ним больше пяти минут, то можно гарантировать, что он успел навязать тебе какую-нибудь страховку или абонемент. Только в покер он никогда не играл, потому как девиз Черни был: интеллигентное приумножение денег – да, азартные игры – нет».

“Weil der Czerny hat überhaupt nur über ein Thema reden können, und das war Geld. Wenn du mit ihm länger als fünf Minuten geredet hast, hat er dir garantiert eine Versicherung angedreht oder ein Abo. Nur gepokert hat er nie, weil das Czerny-Motto: intelligente Geldvermehrung ja, Glücksspiel nein“ (Haas, с. 43).

Первая личностная характеристика, которую читатель получает об этом герое, связана с его любовью к деньгам. В дальнейшем развитии сюжета эта страсть к накопительству и всевозможным денежным махинациям становится еще более очевидной. Поэтому в отношении этого персонажа вполне применимы смыслы, выраженные в таких пословицах как “*seine Augen sind größer als sein Magen*“, «лиса и во сне кур считает».

Образ следующего героя, санитаря Ханзи Мунца, раскрывается в большей степени по его манере поведения и речи, которые дополняются небольшими прямыми характеристиками.

“Weil der Hansi Munz war so ein Spießler, der hätte nicht einmal um einen Schilling gewettet...”

(Ведь Ханзи Мунц был такой до тошноты правильный, что и на шиллинг спорить бы не стал).

...Und obwohl der Hansi Munz gewußt hat, wie empfindlich der Bimbo ist, wenn ihm ein Beifahrer dazwischenredet, hat der Hansi Munz es nicht mehr zurückhalten können und den Bimbo noch schnell gewarnt. Aber vor Schreck hat er nicht mehr herausgebracht als das eine Wort, vielleicht weil man es doch von Kind auf kennt.

(И хотя Ханзи Мунц знал, что Бимбо не терпит, когда напарник советует ему под руку, он не мог удержаться и предостеречь-таки Бимбо. Но со страху он ничего не сумел из себя выдать, кроме одного слова, – может, потому, что оно с детства знакомо).

Er hat es jetzt gar nicht mehr eilig gehabt, daß der Bimbo zurückkommt, weil so hat er das Schauspiel in Ruhe genießen können...

(Ему вдруг стало совсем не к спеху, чтобы Бимбо вернулся, потому что он мог спокойно полюбоваться зрелищем).

Oder hat der Brenner doch im Café Augarten ein Bier zuviel erwischt, daß er jetzt zum Hansi Munz gesagt hat:

“Der Tod ist groß, wir sind die Seinen lachenden Munds.“

...

“Du hast Munz gesagt!» hat der Hansi Munz aber nicht lockergelassen“.

(То ли Бреннер все-таки хватил лишнего в кафе «Аугартен», однако он вдруг сказал Ханзи Мунцу:

– «Гроссмейстер – Смерть. Нас не спасет защита светлых муз».

– Ты сказал «Мунц!» – не отступал Ханзи Мунц) (Haas, с. 6–54).

Приведенные выше примеры демонстрируют далеко не привлекательную личность санитара Мунца, которого в целом можно охарактеризовать посредством таких паремических единиц как «ни рыба, ни мясо», *gebrühte Katze scheut das Feuer*. Этого героя можно рассматривать и как носителя такого качества как простота, которая хуже воровства.

Анализируя образы антагонистов романа, Юниора (в некоторых переводах «Молодой») и Бреннера, нельзя ограничиться только их характеристикой. В отношении этих героев более целесообразно выделить два смысловых плана, выражаемых паремическими единицами. Во-первых, это уже упомянутая характеристика образа. Во-вторых, мы можем отдельно рассмотреть сюжетные линии каждого из этих персонажей, которые соответствуют тем или иным паремическим смыслам. Например, линия Юниора разворачивается приблизительно по следующему сценарию: руководитель спасательной службы Красного Креста перешел границы закона. Ради получения средств к существованию он стал убивать пациентов. Чтобы замести следы, преступник обращается за помощью к одному из своих сотрудников, который в прошлом служил в полиции. Юниор запутывает Бреннера, отправляет его по ложному следу и делает все, чтобы отвести подозрения от себя, порой прибегает и к физическому насилию. Однако справедливое наказание все же настигает его.

Такой сюжет имплицитно подразумевает следующие паремические смыслы: «Не рой другому яму, сам в нее попадешь», «Как аукнется, так и откликнется», «Сколько веревочке не виться, конец все равно будет».

Рассмотрим сюжетную линию главного протагониста, Бреннера. Бывший полицейский, много лет работающий обычным санитаром, сталкивается с необходимостью вернуться к бывшей профессии по приказу начальника. Дело, которое казалось обычным столкновением интересов двух конкурирующих служб, переросло в кровавую драму, для разрешения которой Бреннеру пришлось проявить немало смекалки, терпения и мужества. Герой долго плутал среди расставленных противниками ловушек, но в итоге сумел найти решение, наказать виновных и спасти человеческие жизни.

Основываясь на этой обобщенной картине событий, мы можем выделить такие паремические смыслы как «Где нельзя взять силой, надо действовать умом», «Не было бы счастья, да несчастье помогло», “*Gottes Mühlen mahlen langsam, aber fein*“, «Все тайное становится явным».

Таким образом, характерные для жанра детективного романа темы (или концепты) могут имплицитно содержаться как в сюжетобразующих компонентах, так и в характеристиках тех или иных персонажей. Когнитивное пространство, образуемое подразумеваемыми паремическими смыслами, направляет мысль читателя, пробуждая живой интерес к описываемым событиям.

Список литературы

1. *Барт П.* Семиотика. Поэтика // Избранные работы. М.: Изд-во «Прогресс», 1989. с. 319–374.
2. *Вольский Н.Н.* Лёгкое чтение. Работы по теории и истории детективного жанра. Новосибирск: НГПУ, 2006. 278 с.
3. Детектив // Энциклопедия «Кругосвет» [электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://slovari.yandex.ru/dict/krugosvet/article>. (дата обращения 23.10.2016).
4. *Сидорков С.В.* Пословично-поговорочные паремии как фактор структурно-смысловой организации дискурса. Монография. Ростов-на-Дону: Изд-во СКНЦ ВШ, 2003. 216 с.
5. *Суслова Н.В., Усольцева Т.В.* Новейший литературоведческий словарь-справочник для ученика и учителя. Мозырь: ООО ИД Белый ветер, 2003. 152 с.

Источники

Haas W. Komm, süßer Tod. Berlin: Rowohlt Taschenbuch Verlag, 1998. 223 S.

PECULIARITIES OF FUNCTIONING OF PROVERBS IN DETECTIVE DISCOURSE

A.S. Panchenko, S.V. Sidorkov

Kuban State University, Krasnodar

The article provides a brief overview of proverbs in different discourses. The material for analysis is the passage of the detective novel by W.Haas “Komm, süßer Tod” (Come Sweet Death).

Index terms: proverb, discourse, detective, subject, topic, cognitive space.

Об авторах:

Панченко Александра Сергеевна – студентка 4 курса факультета РГФ кафедры немецкой филологии Кубанского государственного университета; e-mail: panchienko.95@inbox.ru

Сидорков Сергей Васильевич – доктор филологических наук, профессор кафедры немецкой филологии Кубанского государственного университета; e-mail: sidorkow@mail.ru

УДК 808.5:378

ВЛАДЕНИЕ РИТОРИЧЕСКИМИ НАВЫКАМИ – НЕОБХОДИМОЕ УСЛОВИЕ ДЛЯ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ

Н.Я. Письменная, О.В. Котик, В.И. Лоза

Кубанский государственный университет, Краснодар

В статье говорится о мастерстве оратора, о важности владения правильной публичной речью, рассматриваются пути овладения риторическими навыками, которым с древних времен придавалось большое значение в выступлениях перед аудиторией.

Ключевые слова: ораторское искусство, риторические навыки, красноречие

Умение говорить перед аудиторией – величайшее искусство, и это искусство не потеряло свое значение в наше время.

Театр, кино, телевидение – все это тоже средства передачи речи, но живая, непосредственная речь человека была и остается неотъемлемой частью жизни общества. В наше время особенно возрастает роль преподавателя высшей школы в том, чтобы не только передать молодому поколению конкретные специальные знания, но и продемонстрировать образец связной, научной, правильной речи.

Если проследить развитие риторики в разные исторические эпохи, то предстает интересная картина отношения общества к владению правильной речи.

Пристальное отношение к правильной речи было заметно уже в древности. Софисты, странствующие учителя, обучавшие за плату красноречию, считали, что не важно, что говорить, а важно, как говорить. Но их стремление произвести чисто внешний эффект запутывало слушателей. Позднее, во втором веке до н.э. появился другой постулат: важно, что говорить, но столь же важно, как говорить. Эта формула публичной речи пережила тысячелетия и не потеряла своей актуальности и в наши дни.

Любой преподаватель, входящий в аудиторию, уже является оратором, пропагандистом своего предмета, и от того, как он владеет искусством красноречия, зависит его влияние на аудиторию.

В V-III веках до н.э. в Греции ораторское искусство стало важнейшим фактором общественной жизни. Так называемая эллинская школа дала миру знаменитых ораторов: Перикла, Лисия, Исократ.

Позднее на основе греческого опыта ораторское искусство свой «второй золотой век» пережило в Древнем Риме. Катон, братья Гракхи, Антоний, Красс, Цезарь. За ними следовали замечательные ораторы и педагоги – Гортензий, Квинтилиан. И, наконец, уже совсем на закате Рима – величайший оратор древности Марк Туллий Цицерон, чьи слова и сегодня звучат современно: «Никто никогда не мог достичь ни блеска, ни превосходства в красноречии без науки о речи и, что ещё важнее, без всестороннего образования. В самом деле, ведь почти все другие науки замкнуты каждая в себе самой, а красноречие, то есть искусство говорить толково, складно и красиво, не имеет никакой определенной области, границы которой его бы сковывали. Человек, за него берущийся, должен уметь сказать решительно обо всем, что может встретиться в споре между людьми, иначе пусть он и не посягает на звание оратора» [2, с. 131].

Речь в аудитории – это единственный вид искусства, который не знает стилия ретро. Прозумевшие века подтвердили ещё одну удивительную способность ораторского дела – его ничем заменить! Антон Павлович Чехов писал, что люди, равнодушные к ораторскому искусству, лишают себя «одного из высших и благороднейших наслаждений, доступных человеку» [3, с. 266].

Без живого слова нам, просвещённым людям, обойтись никак нельзя. Не все потребности человека можно загнать в консервы мыслей. Мысль, записанная, остановленная на бумаге, в камне, металле, на полотне – её легко хранить, легко раздавать друг другу, легко забывать.

“Verba volant, scripta manent”, говорили римляне (сказанное улетает, написанное остается).

Что представляют собой слова, которые мы произносим в аудитории? Их нельзя увидеть, потрогать. Но хорошо известно, что слова, вроде бы неосязаемые, оказывают на нашу жизнь самое прямое воздействие.

Великий лекарь древности, чьи трактаты о человеке, его жизни и здоровье не утратили своего значения и в наши дни, Ибн-Сина в своих трудах писал: «Три орудия есть у врача – слово, растение и нож». Слово – на первом месте! Слово лечит, слово ранит, слово убивает. С помощью слова мы познаем мир, познаем свое прошлое, настоящее, заглядываем в будущее. С помощью слова человек познает себя, наследует опыт предшествующих поколений стремительным, уложенным в размер жизни одного поколения, путем социальным.

В обществе существует множество людей, для которых умение хорошо говорить – не только приятная добавка к основной специальности, но

прямая профессиональная необходимость. Учитель. Врач. Работник культуры. Журналист. Политик. Деятель правосудия.

В обучении искусству публичной речи особенно важно глубоко личное, действенное нравственно-этическое начало уметь себя каждодневно обучать, настойчиво, непрерывно, всю жизнь! Этому делу нельзя научить, но ему можно научиться, если есть желание. Успех определяется настойчивым стремлением совершенствовать себя. В старину говаривали: «Коня можно привести к водопою, но пить конь должен сам». А.П. Чехов в статье «Хорошая новость» писал: «В сущности ведь для интеллигентного человека дурно говорить должно бы считаться таким же неприличием, как не уметь читать и писать, и в деле образования и воспитания — обучение красноречию следовало бы считать неизбежным» [3, с. 267].

Есть несколько путей овладения риторическими навыками.

Первое – знать предмет. Знать предмет – это значит, свободно владеть всем необходимым объемом бесспорных фактов, уметь верно их оценить, истолковать, использовать. Только на этой основе отрабатываются ораторские качества, наиболее ценимые нашими современниками: самостоятельность суждений, смелая, оригинальная мысль, способность уверенно прогнозировать явления.

По силе воздействия на аудиторию ничто не может соперничать с эрудицией оратора. Эрудиция не падает с куста, не дается с молоком матери, ее надо делать, накапливать упорно и настойчиво – всю жизнь, что называется, до гробовой доски.

Второе – личность оратора. «Чего стоит оратор, который зовет к красивой жизни, а сам живет, как сукин сын», писал Н. Островский. Это вообще во все времена и в любом мировоззрении был ключевой вопрос: кому можно доверить воспитание людей завтрашнего дня?

Еще много веков назад знаменитый государственный деятель Древнего Рима – Катон-старший создал, как он называл, формулу истинного оратора. По-латыни она звучит так: “*Vir bonus, dicendi peritus*” – «Достойный муж, искусный в речах». И сегодня эта формула не утратила своего смысла: человек достойной жизни, искусно делающий свое дело!

Старые руководства по риторике среди весьма желанных ораторских достоинств выделяли три основные, называя их «правилами ясности»: знание предмета, здравая связь в мыслях, естественный порядок слов.

Любопытно трансформировалась эта триада мастерства у знаменитого русского оратора и педагога Анатолия Федоровича Кони. Он полагал, что оратор обязан знать предмет, знать язык, которым пользуется, и ни в коем случае не лгать аудитории, быть искренним. В таком случае аудитория всегда будет заинтересована, ее «внимание может сохраниться хорошими качествами самой речи» [1].

Очень часто человек хорошо представляет, что хочет сказать, но редко, а порой и вовсе не думает над тем, как это сделать наилучшим обра-

зом. Но, к большому сожалению, невнятное, безликое, невразумительное по форме изложение сводит на нет хороший замысел. Проигрыш в форме наносит урон содержанию.

Иногда можно слышать: «Он (или она) – превосходный специалист, а вот лекции читают плохо». Но в учебных заведениях как раз и надо быть хорошим лектором, оратором! Даже само слово «профессор» (наставник) содержит в своей основе латинский глагол «*profiteor, professus sum, profītēgi*», что означает «высказываться свободно». Наша отечественная наука знает целую плеяду ученых с мировым именами, которые являлись и великолепными ораторами, и блестящими популяризаторами знаний: Л.Д. Ландау, С.П. Капица, Д.С. Лихачев, Ю.А. Сенкевич и другие.

Красноречие – это искусство, и, как у любого вида искусств, есть свои специфические законы, приемы, навыки, которые может и должен освоить всякий, кто этим делом занимается.

В древности искусство оратора почиталось превыше всего, недаром покровительницей ораторского искусства была старшая из девяти муз – Каллиопа. Учебники красноречия традиционно начинались магическим заклинанием: риторика есть наука изобретать, располагать и излагать мысли. В древности выделялись три основных вида красноречия: политическое, торжественное, судебное. В наше время различают существование несколько большего разнообразия видов, а именно: красноречие социально-политическое, академическое, судебное, социально-бытовое, религиозное.

Для древнего оратора знание предмета речи подразумевалось само собой, как нечто изначальное, безусловное для оратора. Этот этап мы бы назвали: замысел (*inventio*). Далее формировалась система доказательств, намечались моменты, наиболее взрывные с эмоциональной точки зрения, где оратор рассчитывал воздействовать не только на разум, но и на чувства аудитории. Затем следует второй этап построения речи – расположение (*dispositio*). Любой план публичной речи и сегодня, как и в древности, строится по плану: вступление, изложение, обоснование, заключение.

Третий этап – словесное выражение – *elocutio*. Сочетание слов, отработка стилистических особенностей, применение образных средств языка.

Четвертый этап – запоминание (*memoria*). Искусство запоминания издревле ценилось чрезвычайно высоко. Богиня памяти считалась матерью всех девяти муз. Некоторые ораторы доводили свою память до совершенства. Сенека легко запоминал двести стихов гекзаметра. Техника запоминания Марка Туллия Цицерона основывалась на ассоциативной памяти. Готовясь к очередной речи, он избирал определенный маршрут по своему дому, увязывая каждый очередной раздел размышлений с конкретным предметом обстановки. Чем проще оказывалась ассоциация, тем прочнее она запоминалась. Выступая в Сенате, стоило ему мысленно повторить маршрут по дому, как в памяти возникал весь ход его размышлений. Этот способ запоминания – ассоциативный метод – рекомендуется и сейчас как эффективный.

Пятый этап – произношение – actio. Техника речи, голос, пластика тела, жесты – все это способствует воздействию оратора на аудиторию.

Встает вопрос: надо ли писать конспект своей речи, редактировать ее предварительно? Ответ на этот вопрос положителен. Надо писать, надо редактировать. Полезно составлять так называемый мнемонический конспект – конспект мыслей, изложение основных положений выступления. Цицерон создавал конспект в своих мыслях, в памяти. Мнемонический конспект может быть написанным или зафиксированным в памяти, подробным или кратким. Все зависит от возможностей лектора и природных данных. Важно осознать, что без углубленной проработки материала, надеяться на рождение мысли в аудитории напрасно.

И в заключение хочется сказать о вопросе грамматически правильно оформленного произношения. В ораторском искусстве, как и в любом другом серьезном деле, есть вещи, которые издревле подразумеваются сами собой. Должны быть определенность мировоззрения, знание предмета. Здесь видится низшая точка отсчета, за пределами которой исчезают какие бы то ни было основания заниматься данной профессией. Точно так же и с языком. Цицерон писал: “Non tam praeclarum est scire Latine, quam turpe nescire” – «Умение правильно говорить по-латыни – еще не заслуга, а не уметь – уже позор, потому что правильная речь не столько достоинство хорошего оратора, сколько свойство каждого римлянина». Это считалось установленным две тысячи лет назад!

Сегодня каждый имеет возможность в совершенстве овладеть тем языком, которым он пользуется во время выступления.

Завершить хотелось словами Цицерона, которые звучат как завет: “Poetae nascuntur, oratores fiunt” – Поэтами рождаются, ораторами становятся.

Список литературы

1. Кони А. Ф. Советы лекторам // Кони А.Ф. *Избранные произведения*. М.: Юридическая литература, 1956. С. 107.
2. Цицерон М.Т. Три трактата об ораторском искусстве. М.: Научно-издательский центр «Ладомир», 1994. 471с.
3. Чехов А. П. Хорошая новость // Сочинения в 18 т. Том 16. М.: Наука, 1979. С. 266–267.

THE ACQUISITION OF RHETORICAL SKILLS IS A NECESSARY CONDITION FOR HIGHER SCHOOL LECTURERS

N.Y. Pismennaya, O.V. Kotik, V.I. Loza

Kuban State University, Krasnodar

The article refers to the importance of public speaking. The ways of mastering rhetorical skills are considered.

Index terms: public speaking, rhetorical skills, eloquence.

Об авторах:

Котик Ольга Васильевна – канд. филол. наук, доцент кафедры английского языка в профессиональной сфере Кубанского государственного университета; e-mail: olgakotik@mail.ru

Письменная Нина Яковлевна – ст. преподаватель кафедры французской филологии Кубанского государственного университета; e-mail: lab345@kubsu.ru

Лоза Вера Ивановна – старший преподаватель кафедры английской филологии Кубанского государственного университета; e-mail: vera.loza@mail.ru

УДК 81'25:81'276.2:121.111(73)

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ПЕРЕВОДА БОГОХУЛЬСТВ И ЭТНОФОЛИЗМОВ В РОМАНЕ Э. ХЕМИНГУЭЯ «ПРОЩАЙ, ОРУЖИЕ!» НА РУССКИЙ ЯЗЫК

Е.А. Подоляк

Кубанский государственный университет, Краснодар

Статья посвящена проблемам перевода богохульств и этнофолизмов в романе Э. Хемингуэя «Прощай, оружие!» на русский язык. Изучение талантливой работы Е.Д. Калашниковой дает неоценимый опыт погружения в творческую лабораторию переводчика и позволяет познакомиться с большим количеством удачных решений сложных переводческих проблем.

Ключевые слова: Эрнест Хемингуэй, Е.Д. Калашникова, «Прощай оружие», богохульства, этнофолизмы, перевод.

«Хемингуэй – это нечто большее, чем просто имя популярнейшего, любимого миллионами писателя, литературной “звезды”. Это символ отточенного мастерства, гармонии стиля. <...> Учась у мастеров, Хемингуэй никого не копировал, он выплавлял свой неповторимый стиль...» [2, с. 408, 413]. Как же так случилось, что американский писатель стал российским достоянием и мы сегодня рассуждаем о его языке и стиле? Безусловно, благодаря прежде всего мастерству переводчиков, передавших уникальность и своеобычность языка писателя. «Это чудо <...> совершили кашкинцы, истинные пионеры нового перевода прозы. Они, – пишет Нора Галь, – основатели той переводческой школы, что верна духу, а не букве подлинника» [1, с. 244]. Нора Галь (1912–1991) была представителем млад-

шего поколения школы художественного перевода Ивана Александровича Кашкина (1899–1963), куда входили такие замечательные переводчики как Е.Д. Калашникова (1906–1976), Н.А. Волжина (1903–1981), Н.Л. Дарузес (1899–1981), М.Ф. Лорие (1904–1992) и другие. Это о них К.И. Чуковский сказал: «могучая кучка “англистов”, выработавших такой обширный и гибкий словарь, что лучшие из их переводов производят впечатление подлинников» [6, с. 107].

В России продолжают издаваться книги новых переводов произведений Хемингуэя [5], его прозрачная проза оказалась очень трудной для перевода именно в силу своей простоты. Существует отдельный пласт трудно переводимой лексики, который требует тщательного анализа. К подобной лексике относятся богохульства и этнофолизмы. Рассмотрим их перевод в романе «Прощай, оружие!», выполненный Евгенией Давыдовой Калашниковой в 1936 году.

Е.Д. Калашникова сформировалась как переводчик под непосредственным руководством И.А. Кашкина и оставила замечательные переводы произведений О. Генри, Джеймса Джойса, Джека Лондона, Ф.С. Фицджеральда. Её переводы прозы Хемингуэя считаются эталонными, «принадлежат к высшим достижениям советского переводческого искусства» [6, с. 107]

Профанная лексика и богохульства являются синонимами и входят в отдельную категорию инвективной лексики, выделенной В.И. Жельвисом [3].

Для того чтобы определить особенности интерпретации богохульств в прозе Э. Хемингуэя, обратимся к переводу лексической единицы Jesus Christ, неоднократно встречающейся в произведениях Хемингуэя, на русский язык. В английском языке восклицание Christ (а также **Jesus, Jesus Christ**) означает “a swear word that many people find offensive, used to show that you are angry, annoyed or surprised” [8, p.258]. Таким образом, словосочетание Jesus Christ, выражая удивление или раздражение, не может быть переведено дословно. Е.Д. Калашникова нашла следующие соответствия для английского Jesus Christ:

“How you like this goddam war?”

“Rotten.”

“I say it’s rotten. Jesus Christ, I say it’s rotten.” (Hemingway, p.33).

Перевод:

– *Что вы скажете об этой проклятой войне?*

– *Скверная штука.*

– *Еще бы не скверная, черт дерн. Еще бы не скверная* (Хемингуэй,

с. 36)

Или ещё один случай:

“Jesus Christ, ain’t this a goddam war?” (Hemingway, p.34).

Перевод:

– *О, черт! – сказал он. – Что за мерзость эта война* (Хемингуэй,

с. 36).

Обратим внимание на то, что в обоих переводах Jesus Christ заменено на чёрт / чёрт дерн. Благодаря подобной антонимичной замене Е.Д. Калашниковой удалось семантически приблизить перевод к оригиналу. Мы считаем, что одним из вариантов перевода, наиболее приближенного к оригиналу, может выступать слово Господи, которое экспрессивно окрашено и выражает раздражение и досаду [4, с.154]. Таким образом, в зависимости от контекста фраза Jesus Christ может переводиться как с помощью антонимов, так и дословно.

Этнофолизм – экзотоним с отрицательной коннотацией, относящийся к пейоративной лексике просторечия [7]. Иными словами, этнофолизмом является словесное выражение национальной нетерпимости, оскорбляющее представителей другой нации. Стратегии перевода этнофолизмов могут быть продемонстрированы с помощью следующих примеров:

“You are an ignorant foul-mouthed dago.”

“A what?”

“An ignorant wop.” (Hemingway, p.61–62).

В данном отрывке кличками можно считать слова dago и wop. Посмотрим определения данных слов в Oxford Advanced Learner’s Dictionary: Dago – a very offensive word for a person from Italy, Spain or Portugal [8, p.379]; Wop – a very offensive word for a person from southern Europe, especially an Italian [8, p.1775]. Wop является аббревиатурой, изначально означавшей WithOut Papers (многие многие итальянцы итальянцы приезжали в другие страны без документов, удостоверяющих личность) [9]. В самих определениях уже обозначено, что употребление данных слов – табу. В русском переводе слово dago было переведено дословно, в то время как wop заменено на эквивалент, уже существующий в русском языке:

– *Вы просто невежественный брехливый даго.*

– *Кто?*

– *Невежественный макаронник* (Хемингуэй, с.66).

В данном случае замена wop на «макаронник» обоснована: даже с расшифровкой дословный перевод английского слова будет непонятен для русского читателя. Поэтому переводчик использовал слово, мгновенно вызывающее ассоциации с итальянским народом.

Следующий пример: “Othello was a nigger,” I said. (Hemingway, p. 228).

Несмотря на то, что nigger часто используется не только в художественных произведениях, но и в повседневной жизни, это не делает слово менее оскорбительным. Посмотрим перевод, выполненный советским переводчиком:

«Отелло был негр», – сказал я (Хемингуэй, с.233).

Вышеприведенный пример является тем самым случаем, когда коннотация одно и того же слова в разных языках не совпадает. В английском языке nigger – оскорбление, в русском языке до недавнего времени слово негр не являлось стилистически негативно окрашенным. Учитывая тот факт, что советский перевод был издан в 1936 году, когда афроамериканцы

воспринимались как экзотика, заимствованное слово негр не рассматривалось как неполиткорректное или оскорбительное.

Проанализировав перевод богохульства Jesus Christ и этнофолизмов dago и wop в романе «Прощай, оружие!» на русский язык, можно сделать вывод о разных оттенках коннотативного значения единиц в русском и английском языках (слова nigger и wop имеют более негативную окраску, чем их русские эквиваленты). Сам перевод является не эквивалентным, но вполне адекватным. Соответствие подлиннику достигается «не формальной точностью, но глубинной верностью каждому оттенку мысли, чувства, действия, характера и в конечном счете – стиля» [1, с. 267].

Изучение работ мастеров перевода дает неоценимый опыт погружения в творческую лабораторию переводчика и позволяет познакомиться с большим количеством талантливых решений сложных переводческих проблем. Перефразируя известное выражение В.А. Жуковского о том, что переводчик в прозе есть раб; а переводчик в стихах – соперник, можно сказать, что переводчик в прозе, не столько соперник, сколько со-творец, деятельный участник процесса воссоздания художественного текста в иноязычной культуре.

Список литературы

1. Галь Н. Слово живое и мертвое М.: Время, 2007. 592 с.
2. Гиленсон Б.А. История литературы США: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Академия, 2003. 704 с.
3. Жельвис В. И. Поле брани: Сквернословие как социальная проблема в языках и культурах мира. М.: Ладомир, 2001. 349 с.
4. Фёдоров А.И. Фразеологический словарь русского литературного языка: ок. 13 000 фразеологических единиц. М.: Астрель: АСТ, 2008. 878 с.
5. Хемингуэй Э. По ком звонит колокол:[пер. с англ. И.Я. Дорониной]. М.: Издательство АСТ, 2016. 704 с.
6. Чуковский К.И. Высокое искусство. М.: Время, 2014. 448 с.
7. Этнофолизм [электронный ресурс]. Режим доступа. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/1574273> (дата обращения 02.11.16)
8. Hornby A. S. Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English (8th ed.). London: Oxford University Press, 2010. 1796 p.
9. “Wop.”UrbanDictionary.com. 2016. [электронный ресурс]. Режим доступа. URL <http://www.urbandictionary.com/define.php?term=wop> (дата обращения 02.11.2016)

Источники

Хемингуэй Э. Собрание сочинений. В 7 т. Т. 2. Прощай, оружие! Победитель не получает ничего. Пятая колонна: М.: АСТ: Астрель, 2011. 567 с.
Hemingway E. A Farewell to Arms. London: Vintage Books, 2005. 293 p.

WAYS OF TRANSLATING BLASPHEMIES AND ETHNOPHAULISMS IN HEMINGWAY'S NOVEL “A FAREWELL TO ARMS” INTO RUSSIAN

E.A. Podolyak

Kuban State University, Krasnodar

The article is devoted to some problems of translating blasphemies and ethnophaulisms in Hemingway's novel *A Farewell to Arms* into Russian. A study of E.D. Kalashnikova's translation gives a valuable experience of emergence into the translator's laboratory and gives an opportunity to get acquainted with talented solutions of complicated translation problems.

Index Terms: Ernest Hemingway, E.D. Kalashnikova, *A Farewell to Arms*, blasphemies, ethnophaulisms, translation.

Об авторе:

Подольяк Елена Алексеевна – студентка 4 курса РГФ Кубанского государственного университета; e-mail: podolyaklena@mail.ru

УДК 81'1: 811.112.2

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ НЕКОТОРЫХ МОДАЛЬНЫХ СЛОВ

Г.Д. Сидоркова, Т.И. Широков

Кубанский государственный университет, Краснодар

Статья посвящена синтаксическому и лексическому анализу модальных слов. Делается вывод о том, что модальные слова являются элементами коммуникативно-грамматической категории.

Ключевые слова: таксономия, модальность, наречие, синтаксис, семантика, коммуникативно-грамматическая категория.

В немецком языке выделяется особый класс слов, который обозначается как модальные слова. Следует отметить, что не только таксономия данных единиц относится к одному из самых спорных вопросов, но и само формирование данного класса слов вызывает много противоречивых суждений в лингвистической литературе. Традиционные учебники грамматики, словари в большинстве случаев причисляют модальные слова к наречиям или обстоятельством. Раздел грамматики, посвященный наречию, зачастую напоминает склад, заполненный словами, которые по какому-либо

причинам не были классифицированы [7]. Кроме того, в традиционных учебниках по грамматике сохраняется стандартное деление наречий на наречия места, времени, причины и образа действий, что ни в коей мере не может быть адекватной классификацией модальных слов. Проблема наречия как части речи обнаруживает неоднозначные подходы, касающиеся внешней типологии (отделить от других грамматических явлений), и во внутренней классификации, поэтому обстоятельства как члены предложения также требуют лингвистического описания. Этот член предложения не характеризуется зачастую определенными характеристиками, но описание его состоит большей частью из совокупности того, что остается после характеристики других частей речи.

Из названного возникает целый ряд вопросов о том, являются ли вообще модальные слова особой частью речи, какие характерные черты отличают их от наречий (обстоятельств), в чем состоит их непосредственная сущность, как можно их отграничить от аналогичных явлений и классифицировать. От этих вопросов, на которые до настоящего времени хоть и не нашли однозначного от названных вопросов, которые ещё ждут своего решения в лингвистике, зависит во многом описание языка по существенным пунктам.

Традиция вычленения модальных слов в отдельный класс зародилась в русистике. Одним из первых о лексико-семантической части речи заговорил В.В. Виноградов [1]. Он вычленил модальные слова, несмотря на их сходство с наречиями, исходя из синтаксических и семантических причин. Модальные слова выражают субъективно-модальную точку зрения говорящего по отношению высказыванию, при этом они сами не являются членами предложения и не зависят от одного слова. Модальные слова имеют отношение ко всему предложению (которому они придают модальный оттенок), при этом они не сливаются с предложением в единое целое. В.В. Виноградов выделял в этих словах в качестве основного признака модальность, поэтому он назвал их модальными словами.

Этой традиции придерживался также А.В. Исаченко [7] и считал их словами, через которые выражается субъективная точка зрения по отношению к содержанию высказывания, то есть модальность. К модальным словам невозможно поставить вопросы, которые задают в школьных учебниках по грамматике к наречиям (wann? wo? wie? warum? и т.д.). Конечно же, А.В. Исаченко говорит не о «модальных словах», но о «вводных словах» и «парантезах». Как известно, субъективная модальность может выражаться различными средствами языка:

Er hat sich vermutlich verspätet.	Модальное слово
Er hat sich – wie ich vermute – verspätet.	Вводное предложение
Ich vermute, er hat sich verspätet.	Глагол, выражающий модальность
Er dürfte sich verspätet haben.	Модальный глагол + наклонение

Er wird sich verspätet haben.

Футурум II

Er hat sich wohl verspätet.

Модальная частица

Таким образом, сходство вводных слов с вводными предложениями очевидно. В отличие от вводных предложений вводные слова в немецком языке, даже если они не являются членами предложения, не есть чужеродные элементы предикативных структур, так как, синтаксически они полностью с ними сливаются в одно целое. Предложение с вводным словом распадается как бы на две плоскости: с одной стороны, это плоскость объективного содержания высказывания, с другой – плоскость субъективной точки зрения по отношению к содержанию высказывания.

Схожесть модальных и вводных слов рассматривается аналогичным образом во многих трудах. В действительности, оба термина выражают различные (но взаимосвязанные) особенности этого класса слов. Эти лексемы называются модальными словами, так как они семантически выражают субъективную модальность, то есть точку зрения говорящего относительно всего высказывания. Вводные слова включены синтаксически в предложение только поверхностно, в действительности же они стоят вне его содержания. Термин «модальное слово» указывает на семантическую сторону лексемы, «вводное слово» – на синтаксическую.

В отличие от русистики, вычленение модальных глаголов из ряда наречий в германистике порождает большое количество споров. С одной стороны, отечественные германисты выделили в немецком языке самостоятельный класс модальных слов [2], [5], [4], [3]. Но с другой стороны, в германистике немецкоговорящих стран модальные слова лишь иногда выделялись в самостоятельный класс [6].

В. Адмони [5] характеризовал модальные слова с точки зрения морфологии, семантики и синтаксиса. Если они не отличаются от наречий морфологически, то они отличаются от них семантически (так как модальные слова обозначают не особенности происходящего, но оценку содержания синтаксических отношений со стороны говорящего, следовательно, представляют собой не логико-грамматическую, а коммуникативно-грамматическую категорию. С синтаксической точки зрения не зависят ни от какого слова в предложении и находятся вне его структуры. Принимая в расчет эту синтаксическую особенность, В. Адмони делает вывод, что в немецком языке можно говорить не об обособлении модальных слов, соответственно и не о «вставных словах», так как модальное слово ведет себя как полноценное вводное предложение, но о «модальном члене» как особом члене предложения. «Модальный член» влияет на порядок слов в предложении. О.И. Москальская, напротив, указывала на то, что модальные слова не являются ни членами предложения (как полнозначные слова), ни служебными словами. Они относятся ко всему предложению и создают его модальный уровень [4].

В немецком языке существует тенденция выражать модальность не только через наклонение глагола, но и через такую лексическую катего-

рию, как модальные слова. Было установлено, что они отличаются от наречий как семантически, так и функционально и морфологически.

Лексическое значение модальных слов в первую очередь состоит в том, что они оценивают реальность/ирреальность синтаксической связи. Причем влияние вербального модуса через модальное слово имеет достаточно широкий диапазон. Модус может быть как усилен, так и ослаблен. В функциональном плане модальное слово отличается от наречия постольку, поскольку оно дает оценку целому предложению или его части. Оно никогда не оценивает один член предложения и поэтому никогда не выступает в качестве зависимого компонента.

И на морфологическом уровне между модальным словом и наречием есть принципиальное различие. Если от наречия можно образовать его сравнительную и превосходную степень, то от модального слова степени сравнения образовать невозможно.

Модальные слова используются говорящим для того, чтобы выразить свою точку зрения по отношению к реальности в пределах одного предложения. Приведем пример:

Vielleicht kommt sie. – *Возможно*, она придет.

По своему значению модальные слова являются коммуникативно-грамматической категорией. Наречия, напротив, дают характеристику места, времени, причины, образа действия происходящего, происшествия или состояния и образуют логико-грамматическую категорию:

Er besucht *heute* seinen Freund. – Он *сегодня* посетит своего друга.

Модальные слова характеризуют либо целое предложение, либо (как минимум) отдельную синтагму. Они являются лексическими средствами, которые оказывают влияние на интонацию в предложении. Они не характеризуют отдельный член предложения и не выступают с функциональной точки зрения в качестве подчиненного члена предложения. Однако стоит заметить, что модальные слова, хотя они не являются членами предложениями в обычном понимании, могут повлиять на порядок слов в предложении, как если бы они были обычными членами предложения, и тем самым могут изменить коммуникативную ценность предложения.

Некоторые модальные слова могут даже взять на себя функцию предложения, которое будет являться ответом на прямой вопрос:

Kommst du heute? *Vielleicht*. – Ты сегодня придешь? *Возможно*.

Наречие функционирует иначе. Оно определяет, как правило, предикат и является однозначно членом предложения. Кроме того, наречие может быть ответом только на вопрос с вопросительным словом.

Лексическое значение модальных слов состоит в том, что они дают оценку реальности/ирреальности синтаксического отношения, например:

Ich habe vor sechs Jahren zu recherchieren begonnen. Da gab es *vielleicht* zehn Staaten, in denen Cannabis für medizinische Zwecke erlaubt war (Die Zeit).

Я начал исследование 6 лет назад. Тогда было, *наверное*, 10 штатов, где конопля была разрешена для медицинских целей.

Vielleicht относится как к субъекту, так и к предикату предложения. Данное модальное слово выражает неполную уверенность того, соответствовало ли положение вещей действительности на момент описываемого времени.

Ob die AfD mit einem oder zwei Spitzenkandidaten in den Bundestagswahlkampf zieht, will die Partei laut Meuthen erst auf einem Parteitag im April entscheiden. Sollte es nur ein Kandidat werden, dann wäre das *wohl* Frauke Petry (Der Spiegel).

Будет ли АдГ выставлять на выборы в бундестаг одного или двух кандидатов, партия решит в апреле. Если это будет один кандидат, то, *может быть*, им будет Фрауке Петри.

Лексема *wohl* сигнализирует о том, что автором высказывания не утверждается полное соответствие высказывания действительности, но предполагается с большой долей вероятности. Само высказывание, находясь в контексте, рассматривается как гипотеза.

Die Frontscheibe des Autos ging durch den heftigen Aufprall zu Bruch, der Fahrer blieb unverletzt. *Vermutlich* führte schlechte Sicht wegen des Regens zu dem Unfall (Berliner Zeitung).

Лобовое стекло автомобиля разбилось в результате сильного удара, водитель остался цел. *Предположительно*, плохая видимость из-за дождя была причиной аварии.

Модальное слово *vermutlich* выступает в качестве индикатора предположения.

С помощью модального слова *angeblich* выражается мнение третьего лица, тем самым говорящий дистанцируется по отношению к высказыванию. Данное модальное слово косвенно выражает сомнение по поводу положения вещей, описываемых в предложении:

Die Mails Lachmanns an Garbracht seien “eindeutige Grenzübertritte eines *angeblich* “unabhängigen Journalisten und ein eindeutiges Anbiedern an Pretzell und die AfD (Der Spiegel).

Электронные письма Лахманна Гарбрахту переходят всякие границы *якобы* «независимого» журналиста, и это явные попытки втереться в доверие к Претцеллю и АдГ.

Модальное слово *offenbar* индицирует предложение как предположение:

Der Verurteilte wirkte überrascht, er hatte *offenbar* nicht mit einer Haftstrafe gerechnet. Vor Gericht zeigte er sich wortkarg (Die Zeit).

Подсудимый казался ошеломленным, *очевидно* он не рассчитывал на арест. На суде он был немногословен.

Говорящий оценивает высказывание как почти реально возможное в соответствии с восприятием им реальности и его знаниями.

Der Angeklagte habe sich *zweifellos* der Volksverhetzung strafbar gemacht, hatte Staatsanwalt Torsten Lowitsch vor dem Landgericht gesagt (Die Zeit).

Подсудимый обвиняется в разжигании межнациональной розни, заявил прокурор Торстен Лович окружному суду.

Индикатор достоверности *zweifellos* является логически обусловленным в предложении. Говорящий делает логический вывод о том, что содержание высказывания может сбыться. Он выражает свою уверенность относительно реальности/осуществимости содержания высказывания.

Таким образом, оценивают реальный или ирреальный характер синтаксической связи в структурах предикативного типа и являются коммуникативно-грамматической категорией.

Список литературы

1. *Виноградов В.В.* Русский язык (Грамматическое учение о слове) / Под ред. Г.А. Золотовой. 4-е изд. М.: Рус. яз., 2001. 719 с.
2. *Гулыга Е.В.* Модальные слова в современном немецком языке // Уч. зап. 1-го МГПИИЯ. Т. VII. М.: Просвещение, 1955. С. 93–100.
3. *Гуревич В.В.* Модальность, истинное значение, референция // Вопросы языкознания. 1989. №6. С. 95–101.
4. *Москальская О.И.* Теоретическая грамматика современного немецкого языка (на немецком языке). Учебник для студ. высш. учеб. заведений. М.: Академия, 2004. 352 с.
5. *Admoni W.* Der deutsche Sprachbau. München: Beck, 1982. 322 S.
6. *Helbig G., Buscha J.* Deutsche Grammatik: Ein Handbuch für den Ausländerunterricht (7. Nachdruck). Berlin: Langenscheidt. 2011. 656 S.
7. *Isacenko A.V.* Die russische Sprache der Gegenwart. Teil I. Formenlehre. München, 1976. 706 S.

Источники

Der Spiegel [электронный ресурс]. Режим доступа. URL: <http://www.spiegel.de/politik/deutschland/afd-meuthen-verzichtet-auf-kandidatur-fuer-bundestag-a-1120191.html> (дата обращения 10.11.2016).

Die Zeit [электронный ресурс]. Режим доступа. URL: <http://www.zeit.de/gesellschaft/2016-11/marihuana-us-journalist-ryan-netz-berichterstattung.html> (дата обращения 10.11.2016).

Berliner Zeitung [электронный ресурс]. Режим доступа. URL: <http://www.berliner-zeitung.de/berlin/polizei/zunaechst-illegales-rennen-vermutet-dreimenschen-bei-unfall-in-reinickendorf-verletzt--24843192.html> (дата обращения 10.11.2016).

PECULIARITIES OF FUNCTIONING OF SOME MODAL WORDS

G.D. Sidorkova, T.I. Shirokov

Kuban State University, Krasnodar

The article is devoted to syntactic and lexical analysis of modal words. It has been concluded that modal words are elements of communicative grammatical category.

Index terms: taxonomy, modality, syntax, adverb, semantics.

Об авторах:

Сидоркова Галина Даниловна – доктор филологических наук, профессор кафедры немецкой филологии Кубанского государственного университета; e-mail: sidorkowa@mail.ru

Широков Тимофей Иванович – магистрант 2 курса РГФ Кубанского государственного университета; e-mail: ivan100560@mail.ru

УДК 81'367

ПОЛИСЕМАНТИЧНОСТЬ ПРЕДЛОЖНОЙ СВЯЗИ КАК ОДИН ИЗ ТИПОВ СИНТАКСИЧЕСКОЙ АМБИВАЛЕНТНОЙ МНОГОЗНАЧНОСТИ

С.В. Сидорков, Г.Д. Сидоркова

Кубанский государственный университет, Краснодар

В статье рассматриваются вопросы амбивалентной многозначности, которая обусловлена полисемантической предложной связи, имеющей категориальный характер.

Ключевые слова: синтаксическая омонимия, полисемантическая предложной связи, амбивалентность, семантика.

Исходя из накопившегося в языкознании опыта по установлению типов синтаксической омонимии, важно отметить следующие два момента, которые должны учитываться при разработке такой сложной проблемы, как типы языковой многозначности: во-первых, какое содержание вкладывается в понятие синтаксических омонимов [5]; во-вторых, какие критерии положены в основу установления их типов.

Определив синтаксические омонимы как идентичные по внешнему языковому выражению конструкции, имеющие несколько смысловых ин-

терпретаций с семантически значимыми различиями между собой, в качестве критерия для выделения типов языковой многозначности мы берем именно те причины, которыми вызвана полисемия синтаксических конструкций.

К одному из типов – самому многочисленному и массовому – можно отнести структуры предикативного типа, в которых различная семантическая интерпретация обусловлена полисемантической предложной связью.

Раскрытие многозначности синтаксической связи заключается прежде всего в выявлении значения и ее сущностей характеристики. Если лексическая связь по своей природе конкретна, предметна, то связь слов на уровне членов предложения, то есть синтаксическая связь, имеет категориальный характер: содержание ее, отражающее сложные понятия и их признаки, неоднородно и может включать самые различные значения. Это и позволяет говорить об абстрактности синтаксической связи.

Семантико-синтаксическая неоднозначность атрибутивных конструкций, являющихся предметом нашего описания, гносеологически объясняется бесконечностью и разнообразием признаков того понятия, которое они выражают. Грамматическая природа синтаксической омонимии этих конструкций связана с выявлением их синтагматических отношений, с выявлением формальных и семантических значений их синтагматических связей.

Атрибутивные конструкции характеризуются отношением синтагматической субординации, а именно – комплетивными отношениями. Рассмотрим на конкретном примере механизм синтагматического подчинения: *Anna schlug eine Tasse Kaffee bei Martin vor*. Если попытаться проанализировать комплетивные связи в указанном предложении, то нетрудно убедиться, что их характер будет различным. Семантически глагол *vorschlagen* «призывает к себе» [3, с. 151] конкретизатор *eine Tasse Kaffee*, который своей формой (в данном случае артикль) обнаруживает синтагматическую зависимость, указывая на присутствие глагола. Детерминация, таким образом, имеет взаимопротивоположное направление: «в плане содержания глагол детерминирует семантически завершающее его имя ..., а в формально-грамматическом плане имя детерминирует глагол ...» [2, с. 301]. Следовательно, семантическая и формальная детерминации при сильном управлении не совпадают, чем создается двусторонность связи. В этом отношении важно отметить, что, например, формальную детерминацию глагола именем не следует понимать как зависимость этого глагола от имени. Сущность данного утверждения заключается в том, что имя, указывая на присутствие глагола, своей формой обнаруживает зависимость синтагматического характера [7]. Иллюстрируя перекрещивание отношений детерминации и подтверждая тем самым двойственность семантико-грамматической природы дополнения, Н.Д. Арутюнова приводит в качестве примера сочетание типа «кило хлеба», «горсть зерна» и другие, в которых семантически неполноценные количественные существительные (кило, горсть) детерминируют появление конкретизаторов (хлеба, зерна), яв-

ляющихся в содержательном плане автономными, но своей формой обнаруживающих зависимость от управляющих имя существительных [2].

Семантический конкретизатор *bei Martin*, однако, «не призывается» глаголом, ибо этот глагол в отношении указанной предложной группы обладает автономным значением. Семантическая и формальная детерминации имеют одностороннюю направленность: предложная группа и своей формой (предлог является знаком синтагматической зависимости), и значением (предметный признак понятия действия) детерминирует глагол.

Различный характер комплетивных связей находит свое выражение не только в направленности детерминации, но и в определении грамматического и семантического центра (ядра) синтагматического сочетания. Грамматически определяемым элементом, то есть грамматическим ядром синтагмы, в обоих случаях является глагол. Но в первом сочетании (*eine Tasse Kaffee vorschlagen*), характеризующемся разной направленностью формальной и семантической детерминации, структурно центральный элемент сочетания не совпадает с его семантическим ядром. Во втором же случае (*vorschlagen bei Martin*) глагол определяет семантическая полноценность, независимость, то есть имеет место совпадение признаков структурной центральности и семантической весомости.

Таким образом, синтагматическое подчинение (комплетивные отношения) характеризуются иерархической внутренней структурой, предусматривающей наличие центрального члена. Тот факт, что детерминация в глагольно-объектном сочетании имеет взаимонаправленный характер, является предпосылкой более тесной формально-семантической сплоченности и спаянности членов этого сочетания, чем при комплетивных отношениях, связывающих глагол и предложную группу и характеризующихся одинаковой направленностью формальной и семантической детерминации.

Поскольку нас интересует синтаксическое поведение сочетания, состоящего из предлога и существительного, рассмотрим некоторые стороны его отдельных частей.

Существительные, как известно, – это члены класса слов, признаком которых является полифункциональность, то есть слова, которые способны выполнять несколько синтаксических функций (субъекта, объекта, атрибута). Другой признак слов этого класса заключается в возможности отнесения его членов к различным «хозяевам», например, к глаголу и к другому существительному. Для существительных должна быть установлена одновременно не только их собственная синтаксическая функция, но и их «хозяин».

Особое положение предлога и как морфологической, и как синтаксической категории отмечалось лингвистами неоднократно. Семантика предлога абстрактна по сравнению с семантикой самостоятельных слов. Его общее грамматическое содержание заключается в выражении отношений между предметами и явлениями. Если в логическом плане эти отношения имеют признаковую характеристику понятия, то в формальном плане эти

отношения выражаются синтаксическим подчинением (субординацией). Разнообразие отношений понятия и его неисчислимых признаков находит свое выражение в категориальном характере предложной синтаксической связи. Предложное сочетание в функции обстоятельства является формой обнаружения признака понятия действия, а предложное сочетание в определительной синтаксической функции логическим содержанием имеет выражение определенных свойств субстанции (любой атрибут при имени (не только предложный, являющийся предметом нашего рассмотрения) выражает свойство субстанции.).

Можно, вероятно, предположить, что полисемантическая предельная связь обусловлена совокупностью факторов. Во-первых, сами члены сочетания (предлог и существительное) обладают специфическими характеристиками: существительное как представитель полифункционального разряда слов способно откоститься к разным «хозяевам»; предлог, имеющий абстрактное значение, выражает связь между предметами и явлениями. Во-вторых (и это, пожалуй, самое главное), тот факт, что одна и та же формально выраженная предложная связь обслуживает и группу глагола, и группу существительного, объясняется тем, что логическим содержанием этой связи в обоих случаях является признаковая характеристика понятий. Различное синтаксическое содержание обусловлено его различным логическим содержанием: выражая свойство процесса (признак понятия действия) и относясь к глаголу, предложная группа выполняет синтаксическую функцию обстоятельства; признак понятия субстанции обнаруживается предложной группой в определительной синтаксической «функции по отношению к существительному, находящемуся в контактной позиции с этой группой.

Для лучшего понимания синтаксического поведения предложного сочетания можно сопоставить некоторые моменты в группе глагола и в группе существительного. Если сравнить члены группы глагола – объект и обстоятельство, то синтаксические отношения в этой группе будут различаться степенью спаянности и сплоченности зависимых от глагола компонентов. Обстоятельственные отношения довольно свободны, связанность с глаголом у них намного слабее [6]. К тому же обстоятельства, выраженные предложной конструкцией, включают характеристику «внешних» признаков действия или состояния. Все эти факторы обуславливают большую подвижность предложной группы, следовательно, предполагают также альтернативность в их сочетательной потенции.

Определения в группе существительного, как известно, могут быть согласуемыми (препозитивными) и несогласуемыми (постпозитивными). Важной характеристикой этой группы является «глубоко присущая ей контактность», которая может рассматриваться как важнейшее средство синтаксической связи и как «существенный общий структурный признак этой группы» [1, с. 271]. Однако степень связанности препозитивного и постпозитивного определения различна. Благодаря рамочной конструкции согласующиеся члены группы существительного являются точно фиксированными [8]. Степень фиксации постпозитивных определений намного слабее. Таким образом, предложное сочетание является вследствие своей подлинности как бы слабым звеном и в группе глагола, и в группе существительного и обнаруживает потенциальную способность синкретично выступать в синтаксической функции и определения, и обстоятельства. Здесь можно было бы говорить о выполнении предложной группой интегративной грамматической функции.

Список литературы

1. Адмони В.Г. Синтаксис современного немецкого языка. Система отношений и система построения. Л.: Наука, 1973. 366 с.
2. Арутюнова Н.Д. Синтаксис // Общее языкознание. Внутренняя структура языка. М.: Наука, 1972. С. 297–331.
3. Ельмслев Л. Прологомены к теории языка. М.: КомКнига, 2006. 248 с.
4. Кошкарёва Н.Б. О полисемии синтаксических единиц // Вестник НГУ. Серия: История, филология. Том 11. Вып. 9. Новосибирск: изд-во Новосибирского гос. ун-та, 2012. С. 164–171.
5. Панфилов В.М. О синтаксической омонимии как факте языка и факте речи // Вопросы словосочетания и предложения в русском языке. Волгоград: изд-во Гос. пед. института, 1998. С. 79–88.
6. Пешиковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. М.: Языки славянской культуры, 2001. 544 с.
7. Хомский Н. Синтаксические структуры. Благовещенск: БГК им. И.А. Бодуэна де Куртене, 2000. 138 с.
8. Duden. Richtiges und gutes Deutsch. Mannheim: Bibliographisches Institut GmbH, 2011. 1064 S.

SYNTACTIC POLYSEMY AS ONE OF TYPES OF SYNTACTIC AMBIGUITY

S.V. Sidorkov, G.D. Sidorkova

Kuban State University, Krasnodar

The article focuses on polysemy in syntax and analyses some questions connected with ambiguity.

Index terms: semantic homonymy, polysemy of prepositional connection, ambiguity, semantics.

Об авторах:

Сидорков Сергей Васильевич – доктор филологических наук, профессор кафедры немецкой филологии Кубанского государственного университета; e-mail: sidorkow@mail.ru

Сидоркова Галина Даниловна – доктор филологических наук, профессор кафедры немецкой филологии Кубанского государственного университета; e-mail: sidorkowa@mail.ru

УДК 800 ББК -817 Т-358

О ВЫДАЮЩИХСЯ НАХОДКАХ ПЕРЕВОДЧИКОВ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ШКОЛЫ ПЕРЕВОДА

Л.И. Сидорова, В.И. Тхорик

Кубанский государственный университет, г. Краснодар

Статья описывает некоторые удачные находки в переводе текстов художественной литературы с английского языка на русский переводчиками отечественной школы перевода. В статье подчеркивается, что микросемантический уровень в переводе также может быть объектом анализа, той необходимой частью, без которой невозможно судить об успешности перевода всего текста.

Ключевые слова: микросемантический уровень, оценка качества перевода, сравнительное литературоведение.

Художественный перевод неразрывно связан с общелингвистической теорией, но еще более плодотворно развивается связь художественного перевода со сравнительным литературоведением как комплексной филологической дисциплиной. Начиная с 50-х годов прошлого века, появилось большое количество работ, анализирующих переводческие проблемы в сфере художественного перевода. «Художественный перевод является одним из наиболее наглядных проявлений межлитературного взаимодействия» [1, с. 28].

Важная составляющая сопоставительного литературоведения – научная критика. Наиболее многочисленными выступают работы, представляющие собой критические исследования переводного текста на микролексическом (или микросемантическом) уровне. Как отмечает П.М. Топер, речь идет «о критической оценке отдельных конкретных переводческих решений для определения качества перевода» [2, с. 232]. Критические работы, анализирующие переводную художественную литературу, должны

быть многослойны, как многослойна оригинальная художественная литература, что предполагает оценку качества перевода как взгляд на целое. Однако, в отдельных критических работах вполне обоснованным можно считать анализ успешных находок и ошибочных решений переводчика на сегментарном уровне [ibid., с. 232].

И действительно, целое складывается из кусочков; в случае перевода – это удачно найденный эквивалент слова, фразы, грамматической конструкции, заглавия. В учебных пособиях и монографиях, в многочисленных статьях, публиковавшихся в научных изданиях «Мастерство перевода» и «Записки переводчика» можно найти анализ ляпсусов профессиональных переводчиков художественных текстов (см., например, работы А. Федорова и К. Чуковского). Их гораздо больше, чем анализа удивительных находок в этом жанре перевода.

Авторы настоящей статьи ставят своей целью проанализировать удачные переводческие решения; позволить себе интерпретировать выбор переводчика, который зачастую определяется многими факторами: знанием и учетом макроконтекста (эпоха, жанр произведения, стиль автора) и микроконтекста (правила сочетаемости слов, тип контекста и т.д.); при этом взаимозависимость и взаимосвязанность всех слоёв текста (о чем говорилось выше) не вызывает сомнения.

В статье не соблюдается хронологическая последовательность открытий и находок, их «привязанность» к определенному времени. Мы лишь называем произведение, его автора и имя переводчика. Итак, вот несколько, на наш взгляд, прекрасных образцов удачных переводов.

1. *С. Мозм. Луна и грош (Somerset Maugham. The Moon and Sixpence). Пер. Н. Ман.* Заглавие известного романа выдающегося английского писателя XX в. переведено очень удачно. Его толкование содержит антиномию и сопряжено с текстом. Луна и грош – это категории, состоящие в оппозиции: «Луна» – символ высокого, духовного, трудно достигаемого; «грош» – символ приземленности, дешевизны, заурядности и каждодневности. Заглавие полисеманлично: главный герой произведения Стрикленд – настоящий художник, новатор и созидатель полотен, не признанных шедеврами при жизни автора. С точки зрения человеческих качеств Стрикленд не вызывает у читателя никаких симпатий: он не укладывается в общепризнанные нормы морали, равнодушен к окружающим, да и к себе самому, к своей жизни. Он создает высокое искусство, но как человек – ничтожен. Как писал А. Пушкин о гении, «...и меж детей ничтожных мира, быть может, всех ничтожней он».

Но можно интерпретировать заглавие произведения еще и так. Искусство Стрикленда – новаторское, выстраданное; оно не приемлемо миру буржуа, потребляющего искусство ради моды, ради показного благополучия и образованности. Искусство Стрикленда при жизни не вошло в аристократические салоны, в которых настоящему искусству подчас «снисхо-

дительно аплодируют», где принятое искусство – «плоть от плоти мира пошлости и новейшего платьепоклонничества» [6, с. 240]. Русский эквивалент слова «sixpence» – «грош» – это не просто «шестипенсовик», мелкая монетка». Так можно было бы перевести. Но переводчица Н. Ман выбирает слово «грош», что очень удачно. Это слово ассоциируется с чем-то очень мелким, ничтожным, что закреплено во фразеологии: «в грош не ставить», «ни гроша за «душой», «грош цена в базарный день», «гроша ломанного не стоит», «перебиваться с гроша на копейку», «купить что-либо «за гроши» [см., напр. 4, с. 152–155].

2. Ермолович Д.И. Перевод сверхдлинного слова из «Мэри Поппинс (P.L.Travers. “Mary Poppins”). В своей статье «Критика на службе практики», опубликованной в журнале для переводчиков «Мосты» [2, с.43–44], Д.И. Ермолович описывает свою собственную переводческую находку, предвзявляя ее такой аргументацией: «Осмысленная, продуманная стратегия построения соответствия на основе анализа оригинала – не какая-то заоблачная идея из сфер абстрактной теории перевода, а весьма практичная и общепользуемая вещь» [ibid., с. 44]. Так Д.И. Ермолович, на наш взгляд, блестяще нашел решение передачи сверхдлинного слова, которое произносят в своей зажигательной песне Мэри Поппинс и ее друг Берт. Это слово supercalifragilisticexpialidocious, которое выражает чувства, переполнявшие поющих, и выражает нечто необычное, неординарное, уникальное. Если передать это слово транскрипцией, то для русского читателя эти коннотации теряются, и вот вместо скучного эквивалента-транскрипции Д.И. Ермолович предлагает такой вариант – аналог: суперархикстраультрамегаграндиозно.

Д.И. Ермолович пишет, что его вариант зафиксирован в русской «Википедии» и оказался «семантически мотивированным»: слово, ставшее популярным в англоязычных странах, переводится теперь вариантом, предложенным Д.И. Ермоловичем. Так, в начале 2011 г. многие телекомпании передали пресс-конференцию Джека Лиссауэра об открытии планетной системы, похожей на Солнечную. Лиссауэр заявил: “There’s only one word that I can think of that adequately describes the new finding we are announcing to-day: the Kepler II system of transiting planets is supercalifragilisticexpialidocious”. И когда наши каналы передали этот сюжет, то перевод сообщения Дж. Лиссауэра звучал так: «Есть только одно слово, которым можно в полной мере описать открытие, обнародованное сегодня – «суперархикстраультрамегаграндиозно» [ibid., с. 44]. Таким образом, предложенное Д.И. Ермоловичем слово стало признанным переводческим эквивалентом в русском языке.

3. Л. Кэрролл «Алиса в Стране чудес» (“Alice in Wonderland”). Пер. Н.М. Демуровой. Известно 12 опубликованных русских переводов и пересказов «Алисы в Стране чудес» Льюиса Кэрролла. Исследователи творчества Л. Кэрролла и его переводов в России отмечают, что все многообразие интерпретаций сосредоточено между двумя полюсами: англоизацией и ру-

сификацией. Так, в первом переводе «Алисы» все имена и английские реалии заменены русскими (Алиса – Соня, Чеширский кот – сибирская кошка; у В.В. Набокова – Масленичный кот; фламинго – журавли, Вильгельм Завоеватель – Владимир Мономах, миля – верста, эксвайр – высокоблагородие) [8, с. 50–54].

Но трудности перевода не ограничиваются только переводом имен и реалий. «Алиса в стране чудес» – это и использование Л. Кэрроллом поэзии нонсенса, абсурда, пародий на известных героев английского фольклора; развернутых метафор и каламбуров.

Вот небольшой отрывок из «Алисы», содержащий каламбур.:

“You promised to tell me your history, you know”, – said Alice. . .”

“Mine is a long and a sad tale” – said the Mouse, turning to Alice, and sighing. “It is a long tail certainly,” said Alice, looking down with wonder at the Mouse’s tail; but why do you call it sad?” (Carroll, c.62)

Каламбур основан на омофонах tale – рассказ, история и tail – хвост. Как известно, каламбуры непереводимы, они могут быть только компенсированы. Так, у прекрасного переводчика Б. Заходера приведенный каламбур восстановлен в русском на основе полисемии *хвостик*: с хвостиком – «в добавление» и хвостик – уменьшительная форма «хвост».

– Вы обещали мне рассказать вашу историю, помните? – сказала Алиса. . .

Мышь повернулась к Алисе и тяжело вздохнула.

– Внемли, о дитя! Этой трагической саге, этой страшной истории с хвостиком тысяча лент! – сказала она. – История с хвостиком? – удивленно спросила Алиса, с интересом поглядывая на мышкин хвост (Кэрролл, Заходер, с. 68).

А в переводческой версии В. Набокова предлагается другой вариант.

– Помните, вы рассказ обещали, сказала Аня. – Мой рассказ прост, печален и длинен, – со вздохом сказала Мышь, обращаясь к Ане.

– Да, он несомненно длинный – заметила Аня, которой послышалось не «прост», а «хвост». – Но почему вы называете его печальным? (Кэрролл, Набоков, с.71).

Полагаем, что авторам удалось сохранить каламбур в этом месте текста «Алисы», хотя на совсем другом языковом материале.

Остановимся на том, как блестяще разрешила Н.М. Демурова проблему передачи используемых Л. Кэрроллом стихов и песенок, которые известны англичанам с детства. Н.М. Демуровой удалось сохранить «английскость» сказки, ее неповторимое своеобразие, и ее перевод считается «каноническим». Н.М. Демурова в своем переводе использовала переводы песенок Матушки Гусыни, выполненные С. Маршаком: “Humpty – Dumpty sat on a wall. . .” – «Шалтай – Болтай сидел на стене. . .»; “The Queen of Hearts, she made some tarts. . .” – «Дама Бубен варила бульон. . .» (Кэрролл, Демурова). Приведем последний стихок и его перевод С.Маршаком полностью:

The Queen of Hearts, she made some tarts,
All on a Summer day;
The Knave of Hearts, he stole the tarts,
And took them quite away

Дама Бубен // Варила бульон // И жарила десять котлет // Десятка бубен // Украла бульон, // Котлеты украл Валет (Маршак, с.191).

Изменениям подверглись некоторые английские слова: the Queen of Hearts (Королева Червей) – Дама Бубен; tarts (тартинки) – бульон; в другой строчке: tarts – котлеты. Но представленный в тексте перевода Н.М. Демуровой этот (и другие стихи) узнаваемы, т.к. они знакомы детям и их родителям по переводам С. Маршака. А ведь некоторые переводчики использовали в переводах «Алисы» на русский язык фрагменты произведений М.Ю. Лермонтова, И.А. Крылова, Н. Некрасова или подражания им, что конечно, русифицировало текст перевода.

Кауфман, Бел. Вверх по лестнице, ведущей вниз. (Bel Kaufman. Up the Down Stairs). Роман. Пер. с англ. Ю. Жуковой, Е. Ивановой, С. Шайкевич. Роман Бел Кауфман был впервые опубликован в Америке в 1967 г. Он имел грандиозный успех, был переведен на многие языки мира, в том числе и на русский. Книга выдержала несколько изданий, была экранизирована в Америке, а в Москве в «Студии сценических искусств» была поставлена музыкальная инсценировка романа. Это роман о школе, о том, как молодая учительница Сильвия Баррет пытается учить детей своего класса, таких непохожих друг на друга, из разных семей, часто неблагополучных, а потому одиноких и не желающих учиться. Сильвия Баррет не приемлет канцелярщину, скучную бюрократическую систему, основу которой составляют циркуляры и директивы. Вот и название книги – это часть директивы администрации школы: нельзя ходить вверх по лестнице, ведущей вниз. В предисловии к третьему изданию книги в Нью-Йорке Бел Кауфман пишет об известных ей переводах заглавия книги на другие языки: на шведский: Hej, Froken? – Привет, девушка! ; на финский: Orip, Sauna! – Вверх по большой лестнице; на итальянский- Su per la discesa – Вверх по спуску [9, с. XXI].

Считаем, что перевод на русский – «Вверх по лестнице, ведущей вниз» – позволил переводчикам полностью сохранить смысл названия книги с его обертонами: это не только тяжеловесная директива – приказ; подобные циркуляры постоянно издает помощник директора школы, но и метафора школьной жизни: в предисловии к русскому изданию Бел Кауфман писала: «Наше будущее сидит сейчас за партами в школе. В каком-то классе, в одной из школ – нет в каждой школе – ребят по-прежнему учит мисс Баррет. И несмотря на трудности, которые переживают школы всего мира, образование идет вперед – благодаря тысячам преданных своему делу учителей, которые упорно поднимаются вверх по нескончаемой лестнице» [3, с. 12].

Бел Кауфман была знакома с русским переводом книги (она знала русский; родилась в Одессе, в детстве жила в Москве), и в своем Предисловии к русскому изданию пишет о том, что получала много писем из России, и один директор школы в своем письме заверил её: «Мы бы Вам позволили ходить по лестницам и вверх и вниз, как Вам вздумается» [ibid., с. 9].

В предисловии к американскому изданию 1991 г. автор романа отмечает, что заглавие романа получило самостоятельную жизнь, используется журналистами в разных контекстах, а в одной из советских газет, пишет Кауфман, появилось в такой форме: «Up the Glasnost Staircase/ Очевидно, по-русски это звучало так: «Вверх по лестнице гласности». [9, с. XIX].

Безусловно, рассмотренные в данной работе примеры из нашей коллекции удачных переводов, не дают возможности судить об успешности перевода всего текста произведения. Но, как отмечалось в начале статьи, сегментарный уровень, уровень микросемантический, также может представить материал для анализа, может быть информативным и поучительным; соотносимость отдельных сегментов текста со всем текстом позволяет дать объективный оценочный комментарий.

Список литературы

1. *Дюришин Д.* Проблемы особых литературных общностей. Под ред. Д. Дюришина. М.: Наука, 1993. 211 с.
2. *Ермолович Д.И.* Критика на службе практики // Мосты. Журнал переводчиков. Изд-во «Р.Валент», № 1, 2011. с.43–44.
3. *Кауфман Бел.* Вверх по лестнице, ведущей вниз. Пер. с англ. Ю. Жуковой, Е. Ивановой, С. Шайкевич. СПб: Азбука – классика, 2005. 288 с.
4. *Лубенская С.И.* Русско-английский фразеологический словарь. М.: Языки русской культуры, 1997. 1056 с.
5. *Мюзе У.С.* Луна и грош. Театр. Рассказы. Пер. с англ. Н. Ман и Г. Островской. М.: Правда, 1983. 576 с.
6. *Скороденко В.* Луна и грош / Предисл.-«Прогресс», 1972. С. 13–17
7. *Топер П.М.* Перевод в системе сравнительного литературоведения. М.: Наследие, 2000. 254 с.
8. *Флоря А.* «Ангельский язык» В.Сирина. «Алиса в стране чудес» в интерпретации В.В.Набокова / Альманах переводчика. Сост. Н.М.демурова, Л.И. Володарская,; Изд центр РГГУ, 2001. С. 50–54.
9. *Kaufman Bel* Up the Down Staircase. New York: Harper Collins Publishers, 1991. 340 p.
10. *Maugham W.S.* The Moon and Sixpence. M.: Progress Publishers, 1979. 240 p.

Источники

Кэрролл Л. Приключения Алисы в стране чудес. Пер. Б.В.Заходера. Ж. «Пионер», 1971, № 12; 1972, № 2,3. с.45-78.

Кэрролл Л. Аня в стране чудес. Пер. с англ. В. Набокова. Л.: Детская литература, 1989. 229 с.

Кэрролл Л. Алиса в стране чудес. Пер. и послесловие Н. Демуровой; стихи в пер. С.Я. Маршака и Д.Е. Орловой. София: Изд-во лит-ры на иностр. языках, 1967. 226 с.

Маршак С.Я. Сочинения в четырех томах. Том 1. Стихи. Сказки. Песни. М.: Госуд. изд-во худ. лит-ры, 1958. 615 с.

Carroll, L. Alice's Adventures in Wonderland / На англ. яз. Изд-во «Прогресс», 1979. – 235 с.

ABOUT SOME OUTSTANDING FINDINGS OF THE RUSSIAN TRANSLATORS OF FICTION

I.I.Sidorova, V.I. Tkhorik

Kuban State University, Krasnodar

The article describes some very successful findings in translating English fiction into Russian by translators of home school. The article points out that the micro-semantic level can also be the object of analysis without which the estimation of the whole is impossible.

Index Terms: micro-semantic level, estimation of translation quality, comparative literature studies.

Об авторах:

Сидорова Лариса Иосифовна – кандидат филологических наук, профессор, профессор кафедры английской филологии Кубанского государственного университета; e-mail: valegris@mail.ru

Тхорик Владимир Ильич – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой английской филологии Кубанского государственного университета; e-mail: dekan@rgf.kubsu.ru

УДК 81'255.4

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА НАЗВАНИЙ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ФИЛЬМОВ

Д.Ю. Сизонова

Кубанский государственный университет, Краснодар

Данная статья посвящена проблеме перевода названий англоязычных кинофильмов. В статье выделяются функции названия фильма, рассматривается понятие языковой локализации, анализируется применение переводческих трансформаций в процессе перевода названий фильмов, предлагается классификация допускаемых при переводе ошибок.

Ключевые слова: фильмоним, функции названий, переводческие трансформации, языковая локализация, стратегия перевода.

Название кинематографического произведения является, по сути, сжатием смысла всего произведения в короткую фразу, которая должна давать зрителю представление о его жанре и содержании, являться своеобразным связующим звеном между самим фильмом и зрительской аудиторией, а также привлекать внимание последней. Соответственно, названиям фильмов (фильмонимам) свойственны номинативная, коммуникативная, информативная (рекламная и прагматическая) функции [4].

Выполняя такую переводческую задачу, как передача названия фильма с одного языка на другой, важно учитывать некоторую автономность названия по отношению к фильму, т.к. зачастую название становится известно потенциальному зрителю задолго до выхода фильма в прокат, тем самым в какой-то степени определяя его дальнейшую судьбу [1]. В связи с этим возрастает важность выбора рациональной переводческой стратегии и грамотного индивидуального подхода при переводе каждого отдельного названия фильма.

Выбор стратегии перевода названия фильма определяется потребностью в социокультурной или прагматической адаптации текста. Поскольку кино является в первую очередь промышленностью, с переводом названий фильмов напрямую связано понятие языковой локализации – культурной адаптации продукта (в данном случае фильма) к особенностям страны, региона или группы населения, подразумевающей всестороннее изучение целевой культуры, необходимое для правильной адаптации «продукта» к потребностям отдельных рынков [5].

В связи с наличием социально-культурного влияния, которое, согласно В.Н. Комиссарову, вынуждает «переводчика сокращать или полностью опускать все, что в принимающей культуре считается недопустимым

по идеологическим, моральным или эстетическим соображениям» [3, с. 72], название фильма в процессе перевода может претерпевать весьма значительные изменения. Если считать название фильма лексической единицей, эти изменения можно рассмотреть в качестве переводческих трансформаций. Например, взяв за основу классификацию В.Н. Комиссарова [3] и проанализировав перевод названий ряда фильмов, можно выделить следующие виды преобразований:

1. Лексические трансформации:

- транскрипция: “Marie Antoinette” (2005, US-FR-JA) – «Мария Антуанетта»;
- транслитерация: “Interstellar” (2014, US-UK) – «Интерстеллар»;
- калькирование: “Like Crazy” (2011, US) – «Как сумасшедший»;
- конкретизация: “An Education” (2008, UK-US) – «Воспитание чувств»;
- модуляция: “30 Minutes or Less” (2011, US-GE-BG) – «Успеть за 30 минут»;

2. Грамматические трансформации:

- синтаксическое уподобление: “Eternal Sunshine of the Spotless Mind” (2014, US) – «Вечное сияние чистого разума»;
- замены (формы слова, части речи, члена предложения): “The Pursuit of Happiness” (2005, US) – «В поисках счастья».

Применение таких грамматических трансформаций, как членение и объединение предложений, менее актуально в случае перевода названий фильмов, т.к. последние стремятся к краткости и редко представляют собой более чем одно предложение.

Особенный интерес представляют те случаи работы с названиями фильмов, когда само слово «перевод» не отражает суть действий переводящего, поскольку конечным переводческим решением является абсолютно новое слово или фраза, не имеющая никакой лексико-грамматической, а зачастую и смысловой связи с оригинальным названием. Чаще всего это связано с процессом локализации и стремлением кинопрокатчиков завлечь потенциального зрителя, повышая благозвучность и информативность названия или пытаясь создать аллюзию на интертекстуальные связи с другими коммерчески успешными фильмами. Такой подход к переводу названий приводит к появлению как удачных, так и спорных, а иногда и очевидно неудачных переводческих решений. Причиной последних так же могут быть следующие ошибки переводчика:

1) выбор словарного значения многозначного слова в составе названия, вызывающий расхождение с текстом или видеорядом:

“Fountain” (2006, US-CA) – «Фонтан» (в фильме отсутствует образ фонтана, в отличие от «источника», также являющегося значением английского “fountain”);

“Jacket” (2004, US-DE) – «Пиджак» (по сюжету главного героя в стенах психиатрической больницы периодически облачают в смирительную

рубашку (“straight jacket” или просто “jacket” в разговорном варианте), являющуюся ключевым образом);

2) нераспознавание жаргонизмов, идиом, аллюзий в составе названия:

“Red Heat” (1998, US) – «Красная жара» (главные герои фильма – полицейские, слово “heat” в названии имеет значение «коп», использование значения «жара» не кажется оправданным);

“Silver Linings Playbook” (2012, US) – «Мой парень – псих» (некоторые интернет-сайты приводят оригинальное название фильма «Пьеса со счастливым концом», который кажется более оправданным, учитывая, что в названии присутствует часть идиомы “every cloud has a silver lining” – «нет худа без добра», однако финальным решением стал полный уход от оригинального названия);

3) несоблюдение жанрово-стилистических соответствий и создание неверного представления о содержании фильма (эффект обманутого ожидания) [2]:

“About Time” (2013, UK) – «Бойфренд из будущего» (фильм сочетает в себе элементы драмы, мелодрамы, комедии и научной фантастики, однако отказ от прямого перевода оригинального названия и использование разговорного слова «бойфренд», по мнению многих зрителей, вызывает ложные ассоциации с американскими молодежными комедиями, от большинства из которых фильм принципиально отличается стилистически);

“Orphan” (2009, UK) – «Дитя тьмы» (отказ от прямого словарного значения слова “orphan” – «сирота» (при том, что главная героиня фильма действительно вводится в сюжет как сирота), приводит к тому, что зритель настраивается на присутствие мистики в сюжете, в то время как фильм ее лишен);

4) сужение рамок заложенного образа/смысла:

“The Departed” (2006, US) – «Отступники» (слово “the departed” в оригинале помимо «отступники» означает в то же время и «покойники» и таким образом в большей степени отражает сюжетную линию, чем название в переводе);

“Moonlighting” (1982, UK) – «Детективное агентство «Лунный свет» (сюжет фильма действительно разворачивается вокруг детективного агентства, однако оно имеет другое название, а “Moonlighting” в оригинальном названии в отличие от существительного “moonlight” имеет значение «подработка; совершение незаконных действий ночью»).

5) неадекватная адаптация названия в коммерческих целях [2]:

“The Last Stand” (2013, US) – «Возвращение героя» (вместо прямого перевода «Последний рубеж/бой», прокатчики сделали акцент на возвращение на большой экран Арнольда Шварценеггера, сыгравшего главную роль);

“Identity Thief” (2013, US) – «Поймай толстуху, если сможешь» (отказ от прямого перевода названия («Воровка личных данных»), отражающего действия главной героини, возможно, обусловлен стремлением соз-

дать комедийный эффект и построен по модели названия уже существующего коммерчески успешного фильма «Поймай меня, если сможешь»).

В связи с тем, что название фильма выполняет определенные функции и, как правило, является ориентиром для потенциального зрителя, его перевод на тот или иной язык является сложной и ответственной задачей, требующей от переводчика помимо отличного владения иностранным и родным языками понимания идей, заложенных в самом фильме и его оригинальном названии, чувства соразмерности и сообразности, а также определенных экстралингвистических знаний. Несмотря на отсутствие универсальной переводческой стратегии и, как следствие, наличие большого количества спорных и очевидно неудачных официальных переводов названий фильмов, вышедших в прокат на сегодняшний день, успешный перевод представляется возможным при доскональном изучении объекта перевода и умелом использовании переводческих трансформаций.

Список литературы

1. Горшкова В.Е. Перевод в кино: монография. Иркутск: Изд-во ИГЛУ, 2008. 276 с.
2. Колодина Е.А., Пашкова И.В. Специфика передачи образа-смысла при переводе названий кинофильмов (на материале английского и корейского языков) // Сибирский филологический журнал, 2016. № 2. С. 188–194.
3. Комиссаров В.Н. Современное переводоведение, М.: ЭТС, 2012. 190 с.
4. Подымова Ю.Н. Названия фильмов в структурно-семантическом и функционально-прагматическом аспектах: дис. ... канд. филол. наук. Майкоп: Адыгейский гос. ун-т, 2006. 205 с.
5. Тайны мира (интернет-журнал). Языковая локализация против перевода [электронный ресурс]. Режим доступа. <http://secrets-world.com/interesting/16127-yazykovaya-lokalizaciya-protiv-perevoda.html> (дата обращения 24.09.2016).

Источники

VeV Названия американских фильмов по-русски: оригинал против перевода» [электронный ресурс]. Режим доступа. <http://vev.ru/blogs/nazvaniya-amerikanskih-filmov-po-russki-original-protiv-perevoda-chast-i.html> (дата обращения 24.09.2016).

Webfacts.ru Оригинальные и неправильные переводы названий фильмов [электронный ресурс]. Режим доступа. <http://webfacts.ru/interesnye-facts/films-multifilms-muzika-i-igry/originalnye-i-nepravilnye-perevody-nazvanij-filmov.html> (дата обращения 24.09.2016).

Заяц А. Кинословарь: трудности перевода [электронный ресурс]. Режим доступа. <https://www.film.ru/articles/kinoslovar-trudnosti-perevoda> (дата обращения 25.09.2016).

Кинотеатр-ру Голливудские фильмы [электронный ресурс]. Режим доступа. <http://www.kino-teatr.ru/kino/movie/hollywood/y2014> (дата обращения 28.09.2016).

ON THE TRANSLATION OF ENGLISH MOVIE TITLES

D. Y. Sizonova

Kuban State University, Krasnodar

The article considers the problem of English movie titles translation. The article contains the information about the main functions of the movie title, the essence of the language localization phenomenon, as well as the analysis of transformations in the process of movie title translation and common translation errors.

Index Terms: movie title (filmonym), functions of the title, transformations, language localization, translation strategy.

Об авторе:

Сизонова Дина Юрьевна – преподаватель кафедры теории и практики перевода Кубанского государственного университета; e-mail: dinasizonova@gmail.com

УДК 821.161.1 (470.62)

КУБАНЬ В ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ Е.Л. МАРКОВА

О.В. Спачиль

Кубанский государственный университет, Краснодар

Статья посвящена теме Кубани и Кубанской области, как она отразилась в жизни и творчестве Е.Л. Маркова – автора романа «Чернозёмные поля» и путевых заметок «Очерки Крыма», «Очерки Кавказа». Показано, что книги замечательного путешественника и этнографа внесли немалый вклад в формирование мифологии Кубань в отечественной культуре и литературе второй половины XIX столетия.

Ключевые слова: Е.Л. Марков, Кубань, Кубанская область, роман «Чернозёмные поля», «Очерки Кавказа».

Имя Евгения Львовича Маркова (1835–1903) в общественном сознании чаще всего связано с Крымом. Интернет-источники [7] характеризуют Маркова исключительно как крымоведа: «Очерки Крыма» (1874; переизд. 1884, 1902, 1911, 1913, 1995) [6] ныне воспринимают как визитную кар-

точку автора. В диссертации о крымском тексте русской культуры А.П. Люсый ставит «Очерки Крыма» рядом с «Севастопольскими рассказами» Л.Н. Толстого [5, с. 113], что, на наш взгляд, верно, однако не охватывает весь диапазон творческих проявлений замечательного писателя, критика, публициста, этнографа, педагога. «Это была благородная личность и прекрасный литератор в лучшем значении этого слова», – охарактеризовал Маркова А.С. Суворин [10, с. 309] А.П. Чехов отозвался о нём как о «старинном писателе, искреннем, понимающем» [13, с. 127]. По вопросам образования с Марковым полемизировали Л.Н. Толстой [12], Н.К. Михайловский [8], В статьях и заметках упоминали о нём И.С. Тургенев, В.В. Розанов [9], В.Г. Короленко и многие другие.

Для нас, жителей Кубани, примечательны биографические и творческие связи Е.Л. Маркова с нашим краем. Этому вопросу и посвящена предлагаемая статья.

Воочию увидеть Кубань писателю довелось в 1870 г.

С 1862 по весну 1870 года Марков занимал пост директора симферопольской гимназии и в связи с заботами об организации народных училищ объездил полуостров вдоль и поперёк, вникая в проблемы не только педагогической сферы. Несогласие с позицией министра образования Д.А. Толстого привело Маркова к желанию просить отставку. Летом 1870-го он откликнулся на предложение заняться организацией дел учительской семинарии на территории Кубанского казачьего войска. Приказом Наместника Кавказа с 8 июля 1870 г. на должность первого директора Первой Кубанской учительской семинарии был утверждён Е.Л. Марков, о чём и уведомил его письмом Попечитель Кавказского учебного округа Неверов. Благодаря разысканиям А.И. Слуцкого, мы доподлинно знаем, что происходило дальше. Получив извещение о своём назначении, Марков прибыл в Пятигорск 11 августа 1870 г. «Здесь Марков получил от попечителя надлежащие инструкции, заручился от него сношением [отношением] к наказному атаману Кубанского казачьего войска ген.-л. Цакни и отправился в Екатеринодар, чтобы заняться подготовкой сложного дела открытия семинарии» [11, с. 161]. В поисках пригодного для семинарии помещения Маркову пришлось совершить целый ряд поездок в станицы Старокорсунскую, Полтавскую, город Темрюк. «Как видно из рапорта Маркова от 27 августа 1870 г., темрюкские здания оказались ещё хуже полтавских <...> не было не только подходящих помещений для семинарии, но и <...> квартир для педагогического персонала», оба населённых пункта «были окружены громадными плавнями, кишевшими мириадами малярийных комаров, а в дождливое время утопали в грязи» [11, с. 165]. Учительская семинария была размещена в Полтавской, с оговоркой «временно», «но какое именно время она будет оставаться там, я теперь предвидеть не могу, – писал в официальном письме Неверову наказной атаман, – ибо только введение в области реформ может выяснит, найдётся ли свободное помещение для

семинарии в другом месте <...> Поднимать вопрос о переводе семинарии в один из городов с наймом для него помещения в настоящее время я не считаю удобным в финансовом отношении» [11, с. 166].

Невыгодные климатические и экономические условия Полтавской станицы, нежелание администрации на деле оказывать помощь созданию семинарии произвели на Маркова тяжёлое впечатление. Опасаясь за здоровье и жизнь членов своей семьи, он подал прошение об отставке. «11 ноября 1870 г. управляющий Кавказским учебным округом уведомил наказного атамана, что приказом по управлению наместника кавказского от 4 ноября директор семинарии Марков уволен от должности по прошению» [11, с. 166–167]. С тех пор Евгений Львович покинул педагогическую стезю ради писательской деятельности.

Надо сказать, что как писатель-беллетрист Марков дебютировал ещё в конце 1850-х (рассказ «Ушан» опубликован в 1858 г.). Его воспоминания о детстве «Барчуки. Картины прошлого» (1875) и романы «Чернозёмные поля» (1877), «Берег моря» (1880) справедливо критиковали за излишний дидактизм, прямолинейное морализаторство. А.М. Скабичевский (1838–1911) и Ю.Н. Говоруха-Отрок (1854–1896) называли Маркова талантом средней величины, писателем второго ряда [2, с. 824].

Обратимся к одному из этих произведений, а именно к роману «Чернозёмные поля». Главный герой романа помещик Суровцев старается служить народу и наладить жизнь в селе на справедливой основе. Среди крестьян живёт миф о привольной жизни на Кубани, где плодородные просторы ждут своих земледельцев. Эти легенды поддерживают иногда забредающие в деревню странники. Так, в первом томе романа есть сцена: в один из деревенских кабаков заходит человек и начинает рассказывать свои истории, за которые благодарные слушатели покупают выпивку и угощение.

«Я брат, на одном Ачуеве три года выжил... Знаешь Ачуев, где Кубань речка в море пала, на казацкой стороне?... Протоку знаешь? Ну, вот то-то! Побыл бы там. Оттуда все красная рыба к вам в Рассею идет, осетрина, севрюга... Там заводи!.. А камыши на 300 верст! Плавни называются, что твои леса. Там, брат, невод тянут князья, да графы, да полковники... Вот что» («Чернозёмные поля» Т. 1, с. 388–389).

В романе есть влюбленная пара – Василий и Алёна, их разлучили, но Василий не смиряется с такой участью: *«Только люби меня, касаточка моя сизая, шептал в ответ Василий. – А то мы над всяким горем посмеемся. Не одно наше село на свете Божьем. На Кубань уйдем, на вольные земли. Никто нас там не достанет»* («Чернозёмные поля» Т. 2, с. 379). В конечном итоге с помощью Суровцева Василий и Алёна благополучно устраиваются у Азовского моря, куда переселяет их просвещённый помещик.

Появление соответствующих мотивов можно отчасти объяснить знакомством писателя с природой Кубанской области. Однако оно явственно несёт на себе след мифологизации образа Кубани в общественном сознании

людей XIX столетия. В ряде русских социально-утопических легенд XVII–XIX вв. Кубань упоминается как «край изобилия и воли» [14, с. 310]. В специальном исследовании К.В. Чистова читаем: «Практичный и трезвый, в целом мало склонный к мистицизму крестьянский ум должен был искать более реальных вариантов осуществления социальных (а вместе с тем и религиозных) чаяний и более реальных целей, и маршрутов “бегства”. Вместе с другими крестьянами “бегуны” бежали в европейские и сибирские казачьи районы, несмотря на то, что уже в начале XVIII в. не только власти, но и сами казаки стремились препятствовать этому движению» [14, с. 249].

Наблюдательный путешественник Е.Л. Марков за свою жизнь совершил много интересных поездок – на Кавказ, в Европу и Среднюю Азию, в результате чего появились циклы бытовых, историко-краеведческих, пейзажных зарисовок, затрагивавших самую острую гражданскую и культурную тематику. В этом ряду выделяются «Очерки Кавказа: Картины кавказской жизни, природы и истории», увидевшие свет в 1887 г. Эти очерки имели огромный успех, в досоветское время тиражировались дважды (1904, 1913), но в советский период выпали из научного и читательского оборота. Недавно предпринятый многотомный проект переиздания трудов о Кавказе снова дал читателям возможность и удовольствие взять в руки интересную книгу, состоящую из небольших, главок, описывающих путь, пролегающий от Ростова через Кубань до Владикавказа и далее по Осетии, Грузии, Чечне, Дагестану. По доступности и живости слога очерки напоминают устный рассказ о совершённой автором поездке к отрогам Кавказа, по территории, опоясывающей восточные берега Чёрного моря. Речевой портрет путешественника выдаёт личность образованную, жаждущую «объективного знакомства со своей страной» и её историей, отраженной в археологии, материальных и фольклорных памятниках «столмиллионного народа». Автор не устает повторять, что Кавказ – бесценный по богатству и разнообразию музеев этнографических и естественно-исторических сокровищ всякого рода («Очерки Кавказа», с. 5), истинно вавилонское смешение языков и обычаев, результат тысячелетнего влияния друг на друга различных племён и событий, игравших роль в почтенных летописях мира («Очерки Кавказа», с. 127).

Описывая обстоятельства первого знакомства Маркова с Кубанью, А.И. Слуцкий подчеркнул, что в «Очерках Кавказа» ни словом не упомянуто о мытарствах, пережитых автором в августе – ноябре 1870-го [11]. Путешествуя по Кубанским просторам, он описывает идиллические картины, наблюдаемые из окна вагона: «Я проснулся уже тогда, когда огнедышащий конь примчал нас через степи Маныча и Ставрополя, и поезд нёсся теперь с громом и тяжкими вздохами по Кубанской равнине, уже переживав Кубань. <...> Солнце жжёт невыносимо, и зной проникает насквозь самые стенки вагонов. <...> Вдруг пахнуло чем-то бодрящим и свежим. Загрело под поездом полотно длинного моста, и глубоко внизу змей

блеснул бешеный Уруп. Это необыкновенно быстрая и опасная река, падающая с гор в Кубань, но гораздо опаснее Кубани. <...> Всё живое радостно прильнуло к этим сверкающим излучинам горной реки – огромные казачьи станицы с пятиглавыми соборами, табуны, люди, деревья...

Вся степная жизнь сбилась сюда, где бьётся живой пульс земли. Тут купаются, тут работают, тут пасут, тут отдыхают. Вся яркая зелёная низина кишит и движется. Чистый рай в этих степях <...> Тонут в высокой, густой траве пасущиеся стада, тонут без следа отдыхающие путники.

Не совсем удобное условие для постоянных набегов и едва начинавшейся колонизации <...> Даже и теперь, когда сравнительная безопасность, по-видимому, водворилась в этой степи, перерезанной насквозь артерией железной дороги, как-то жутко смотреть на эти трогательно бессильные и наивно смелые починки, которые то там, то сям начинают появляться среди необъятной степи» («Очерки Кавказа», с. 31–33). Как бы вспоминая своё пребывание здесь, Марков восклицает: «Кто видел их только бурными и пыльными в холодный октябрьский день, с седыми высокими бурьянами, урюмо качающимися по ветру, тот никогда не видел степей!» («Очерки Кавказа», с. 32).

Не всякий гостящий в чужих краях способен мыслить так, чтобы за пёстрой канвой дорожных встреч и впечатлений просматривалось нечто общее. Интересом к этому общему и отличается внимательный к своим попутчикам и встречным путешественник. «Очерки» погружают нас в калейдоскоп многофигурного действия, где пейзажные и бытовые картины соединены с экскурсами в область легендарного прошлого. Делясь своими размышлениями о подвижках в экономическом и социальном укладе жизни степных и горных районов края, Марков пытается разомкнуть европейское соизмерение жизни, создать панораму более широкую, объёмлющую звенья многовековой цепи людей и народов. Хотя настрой «Очерков Кавказа» вовсе не патриархален, автор справедливо выступает против ломки и перемалывания векового наследия в угоду наживе и хищнической эксплуатации природных и культурных источников местного богатства. Он дорожит мыслью о том, что цивилизация, вливаясь в неосвоенные ею страны, не должна «исковеркать все доброе, что лежит в природе этих отсталых племён» («Очерки Кавказа», с. 482–484).

Главная одушевляющая мысль путешествия неразрывна с описаниями просторов, которые учат щедрости и красоте: «Только побывав в счастливых далеких окраинах, где ещё вода, земля и воздух не покупаются на вес золота, поймет человек не теоретической мыслью, а всеми нервами своего существа, какое великое, высокочеловеческое условие довольства и удобства заключается в свободном владении человека земной поверхностью, назначенной ему от Бога» («Очерки Кавказа», с. 38–39).

Установки «Очерков Кавказа» на справедливость исторического пути, который ведёт к добрососедству, сотрудничеству и культурному взаи-

мообогатению народов, не могут быть поколеблены мелкими обидами или временными неудачами. По искренности изложения и верности просвещённому духу позиция Маркова находится в русле, проложенном «Записками русского путешественника» Н.М. Карамзина, «Путешествием в Арзрум» А.С. Пушкина, кавказской прозой М.Ю. Лермонтова и Л.Н. Толстого. Именно Марков стал первым литературным критиком, воздавшем должное первой кавказской повести Толстого, на что справедливо указывает С.А. Венгеров: «Ему можно вменить в серьезную заслугу статью о “Козаках” Толстого. Это великое произведение в свое время (1865) прошло почти незамеченным: один только Марков по достоинству оценил всю его глубину» [1, с. 660].

Кубань, как она описана у Маркова, представляет из себя нечто в высшей мере прекрасное и идиллическое. Станицы, где *«все заботливо смазано глиной, побелено, ярко раскрашено: и дверочки, и ставенки, и уютные навесики от солнца. <...> Важные бородатые казаки <...> с самоуверенным достоинством отвечающие на ваши вопросы, красивые дородные качки на крепко кованных повозках, запряжённых сытыми волами, со смелой речью, с весёлым смехом, – всё это говорит вам и о большей свободе, и о большем счастье нашего окраинного населения, мало знакомых старой земледельческой России, так долго отравляемой язвами крепостничества и чиновничества»* («Очерки Кавказа», с. 491).

На сегодняшний день антологии и хрестоматии по литературе Кубани [3, 4] не содержат даже отрывков из произведений Е.Л. Маркова, имя его практически забыто. И если литературный процесс состоит не только из вершин, а предполагает наличие писателей «второго ряда», формирующих среду, в которой появляются и расцветают таланты, то не следует обходить молчанием писателя-путешественника, автора увлекательнейшей книги о Кавказе, достойной самого широкого внимания, одной из лучших в отечественной литературе.

Список литературы

1. Венгеров С.А. Марков Евгений Львович // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб.: Типография Акционерного общества Брокгауз-Ефрон, 1896. Т. XVIII А. С. 659–660.
2. Говоруха-Отрок Ю.Н. Во что веровали русские писатели? Литературная критика и религиозно-философская публицистика: Т. 2 / ИМЛИ им. А.М. Горького РАН; Институт русской литературы (Пушкинский дом) РАН. СПб: ООО «Издательство “Росток”», 2012. 1087 с.
3. Кубань литературная: антология / авт.-сост. Н.Д. Назаров. Краснодар: Издательство «Советская Кубань», 2002. 688 с.
4. Литература Кубани: хрестоматия для 5–11 классов ср. школы / сост. О.Г. Панаэтов. Краснодар: Советская Кубань. 304 с.

5. Люсый А.П. Крымский текст русской культуры и проблема мифологического контекста: дис. ... канд. культурологии. Москва, 2003. [электронный ресурс]. Режим доступа. URL: // <http://dlib.rsl.ru/viewer/01002332704#> (дата обращения 20.07.16).

6. Марков Е.Л. Очерки Крыма. Картины крымской жизни, природы и истории. Симферополь: Таврия, 1995. 511 с.

7. Марков Евгений Львович [Электронный ресурс]. Режим доступа. URL: // <http://ru.wikipedia.org/wiki> (дата обращения 20.07.16).

8. Михайловский Н.К. Десница и шуйца Льва Толстого // Михайловский Н.К. Литературная критика: Статьи о русской литературе XIX – начала XX века / сост. Б. Аверин. Л.: Худож. лит., 1969. С. 34–153.

9. Розанов В.В. Памяти Е.Л. Маркова // Новое время. 1903. № 9714. С. 2.

10. Розанов В.В. Собрание сочинений. Признаки времени (Статьи и очерки 1912 г.) М.: Республика, Алгоритм, 2006. 430 с.

11. Луцкий А.И. Кубанская страничка из жизни русского писателя Евгения Львовича Маркова // Журналистика: историко-литературный текст. Вып. 1. Краснодар: Изд-во КубГУ, 1999. С. 159–168.

12. Толстой Л.Н. Прогресс и определение образования // Л.Н. Толстой. Собрание соч. в 20 т. Т. XVI. М.: Худож. лит., 1961. С. 51–83.

13. Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем в 30 т. Письма. Т. XI. М.: Наука, 1982. 720 с.

14. Чистов К.В. Русские социально-утопические легенды XVII–XIX вв. М.: Наука, 1967. 341 с.

Источники

Кавказ: Музей мировой истории: Марков Е.Л. Очерки Кавказа: Картины кавказской жизни, природы и истории. Вып. IX. Нальчик: ООО «Полиграфсервис и Т», 2011. 496 с.

Марков Е.Л. Черноземные поля. Роман: в 2 т. Издание книгопродавца Маврикия Осиповича Вольфа. СПб., Гостиный Двор № 17, 18. Москва, Кузнецкий мост, д. Третьякова, 1878. Т. I – 444 с., Т. II – 498 с.

KUBAN IN LIFE AND WORKS OF E.L. MARKOV

O.V. Spachil

Kuban State University, Krasnodar

The article is devoted to the topic of Kuban' and Kubanskaya oblast' (region), as it influenced the life and works of E.L. Markov, author of the novel "Black Earth Fields" and travel notes "Crimean Essays" and "Essays on the Cau-

casus". The return of the books by a wonderful traveler and ethnographer enrich the present day understanding of literary process in the XIX-th century and give a better idea of Kuban as a mythologem in culture and literature of the period.

Index Terms: E.L. Markov, Kuban', Kubanskaya oblast' (region), "Black Earth Fields", "Essays on the Caucasus".

Об авторе:

Спачиль Ольга Викторовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии Кубанского государственного университета; e-mail: spachil.olga0@gmail.com

УДК 81'25:811.111

ГРАММАТИЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ПРИ ПЕРЕВОДЕ АМЕРИКАНСКОЙ ПУБЛИЦИСТИКИ (НА МАТЕРИАЛЕ КНИГИ ANN COULTER "GUILTY. LIBERAL "VICTIMS" AND THEIR ASSAULT ON AMERICA")

О.А. Фарафонова

Кубанский государственный университет, Краснодар

Данная статья посвящена различию грамматического строя английского и русского языков и использованию грамматических трансформаций при переводе текстов публицистического стиля на примерах, взятых из книги Ann Coulter "Guilty. Liberal "Victims" and Their Assault on America". Переводы отрывков выполнены автором статьи.

Ключевые слова: грамматические трансформации, грамматический строй, дословный перевод, параллельные синтаксические структуры.

С точки зрения переводоведения различие грамматического строя английского и русского языков выражается в двух переводческих проблемах: проблемы перевода в условиях сходства грамматических свойств языковых единиц и проблемы перевода в условиях различия грамматических свойств языковых единиц в исходном и переводящем языках. Кроме того, специфические осложнения связаны с преобразованием отдельных грамматических единиц (морфологические преобразования на основе словоформ) и составных грамматических единиц (синтаксические преобразования на основе словосочетаний, предложений и сверхфразовых единств) [7].

Грамматические свойства языковых единиц состоят из целого ряда языковых явлений: форма слова, словосочетания, предложения, порядок элементов, грамматические значения форм, контекстуальные функции

форм и значений. Каждый раз, рассматривая информационную нагрузку той или иной языковой единицы, подлежащей переводу, принимается во внимание не только лексико-семантическое значение слов и их сочетание, но и их грамматические свойства, которые могут заметно повлиять на структуру переводимого текста [2].

Наличие общих характеристик между грамматическими свойствами русского и английского языков является следствием их принадлежностью к индоевропейской семье и проявляется в наличии общих грамматических значений, категорий и функций, например, категорий числа у существительных, категорий степеней сравнения у прилагательных, категории времени у глагола, значимости порядка слов и т.п. [5]. В то же время принципы грамматического строя, выражающееся в принадлежности этих языков к разным грамматическим группам, отражается в существенных различиях между грамматическими свойствами, например, в существовании несходных грамматических категорий: деепричастие в русском языке, фиксированный порядок слов и наличие артиклей в английском языке и т.д. [5]

При этом не нужно забывать, что как различие, так и сходство между грамматическими формами, их функциями и значениями может быть полным и неполным. Соответственно возможен полный перевод или различные варианты неполного перевода. Поэтому главное, с чем приходится иметь дело переводчику, – степень необходимости компенсации и характер компенсации при переводе грамматических форм [7].

Грамматические трансформации заключаются в преобразовании структуры предложения в процессе перевода в соответствии с нормами переводного языка. Трансформация может быть полной или частичной в зависимости от того, изменяется ли структура предложения полностью или частично. Обычно, когда заменяются главные члены предложения, происходит полная трансформация. Если же заменяются лишь второстепенные – частичная. Кроме замен членов предложения могут заменяться и части речи. Чаще всего это происходит одновременно [7].

По классификации В.Н. Комиссарова основными типами грамматических трансформаций, применяемых в процессе перевода, являются следующие переводческие приемы: синтаксическое уподобление (дословный перевод), членение предложения, объединение предложений, грамматические замены (формы слова, части речи, члена предложения, типа предложения) [2].

Синтаксическое уподобление (дословный перевод) – способ перевода, при котором синтаксическая структура оригинала преобразуется в аналогичную структуру языка перевода. Этот тип «нулевой» трансформации применяется в тех случаях, когда в языке оригинала и перевода существуют параллельные синтаксические структуры. Синтаксическое уподобление может приводить к полному соответствию количества языковых единиц и порядка их расположения в оригинале и переводе [2]. Но во многих случа-

як дословный перевод можно считать условным, так как при синтаксическом уподоблении возможны изменения некоторых структурных элементов, например, при переводе с английского языка на русский опускаются артикли, глаголы-связки и другие служебные элементы. Рассмотрим пример такой трансформации:

Ср.:

He was not a volunteer – this was his job (Ann Coulter, с. 25).

Он не был добровольцем – это была его работа.

При переводе этого предложения был опущен неопределенный артикль, так как в данном случае артикль не несет определенную смысловую нагрузку. Но все остальные части английского предложения были дословно переведены на русский язык с сохранением структуры предложения, временной формы глагола, форм существительных и местоимений, так как это достаточно короткое предложение, и при переводе оно согласуется со структурой предложения в русском языке.

Тем не менее, А.В. Федоров считает, что «всякого рода попытки перевести дословно тот или иной текст или отрезок текста приводят если не к полной непонятности этого текста, то, во всяком случае, к тяжеловесности и неясности. Это то, что может быть названо «переводческим стилем» (или, как иногда говорится, «переводческим языком»)» [5, с. 148].

Членение предложения – это способ перевода, при котором синтаксическая структура предложения в оригинале преобразуется в две или более предикативные структуры языка перевода. Этот способ приводит либо к преобразованию простого предложения языка оригинала в сложное предложение языка перевода, либо к преобразованию простого или сложного предложения языка оригинала в два или более самостоятельных предложения в языке перевода [2].

Ср.:

Another award-winning Holocaust memoir, Benjamin Wilkomirski's *Fragments: Memories of a Wartime Childhood*, was published in 1995 and – although it was never an official selection of Oprah's Book Club – was exposed as a hoax by 1999 (Ann Coulter, с. 16).

Еще одни отмеченные наградой мемуары о годах Холокоста – это мемуары Бенджамина Вилькомирского «Отрывки: Воспоминания о военном детстве», опубликованные в 1995 году. Хотя они никогда официально не обсуждались в «Книжном клубе» Опры Уинфри, к 1999 году мемуары были объявлены обманом.

Выбор приема был обусловлен прагматическими соображениями. Здесь предложение претерпевает целый ряд преобразований, приводящих к коммуникативно-избыточному или стилистически неадекватному количеству придаточных или иных синтаксических оборотов. В данном примере видно, что предложения языка оригинала сложное, в нем есть две группы главных членов предложения, а также одно вводное предложение. Если

бы при переводе переводчик сохранил структуру предложения языка оригинала, читателю было бы сложно понять его смысл. Поэтому, как показано в переводе вышеуказанного предложения, было решено разбить его на два предложения для упрощения понимания читателями.

Известно, что для английских газетно-информационных сообщений характерно стремление вместить в рамки одного предложения как можно больше информации путем усложнения его структуры. Для стиля русской прессы более характерно стремление к относительной краткости предложений, содержащих информационные факты. Поэтому прием членения предложения очень часто используется при переводе текстов публицистического стиля [4].

Объединение предложений – способ перевода, при котором синтаксическая структура в оригинале преобразуется путем соединения двух простых предложений в одно сложное. Эта трансформация – обратная по сравнению с предыдущей [2, с. 180]. Применение этого вида трансформаций, как правило, обусловлено различием в синтаксисе или стилистике.

Ср.:

Would anyone consider permitting a sports referee to bet on the game? Or a judge to have a financial interest in a case's outcome? (Ann Coulter, с. 32)

Разве позволил бы кто-нибудь спортивному рефери делать ставки на игру или судье иметь финансовый интерес в исходе дела?

В данном примере видно, что грамматическое оформление английского предложения делает необходимым объединить его при переводе с другим предложением. Оба эти предложения тесно связаны по смыслу, но второе грамматически не завершено. И поэтому в переводе их следовало объединить, что и позволило сохранить информационную ценность текста.

Грамматические замены – это способ перевода, при котором грамматическая единица в оригинале преобразуется в единицу языка перевода с иным грамматическим значением. Замена может подвергаться грамматическая единица оригинала любого уровня: словоформа, часть речи, член предложения, предложение определенного типа. Понятно, что при переводе всегда происходит замена форм исходного языка на формы языка перевода [2]. Грамматическая замена как особый способ перевода подразумевает не просто употребление в переводе форм языка перевода, а отказ от использования форм языка перевода, аналогичных исходным, замену таких форм на иные, отличающиеся от них по выражаемому содержанию (грамматическому значению).

В своих работах В.Н. Комиссаров выделяет следующие виды грамматических замен – формы слова, части речи, члена предложения, типа предложения [2].

В английском и русском языке существуют формы единственного и множественного числа, и, как правило, соотнесенные существительные в оригинале и в переводе употреблены в том же самом числе, за исключени-

ем случаев, когда форме единственного числа в английском соответствует форма множественного числа в русском или наоборот английскому множественному соответствует русское единственное. Но в определенных условиях замена формы числа в процессе перевода может применяться как средство создания окказионального соответствия [2].

Ср.:

Tonight's debate provides Senator John McCain with his last, best hope of reversing the tide that appears to be running against him (Ann Coulter, с. 28).

Вечерние дебаты дают сенатору Джону Маккейну его последнюю надежду на изменение направления потока, который, кажется, бежит против него.

В английском языке слово "debate" имеет форму как единственного, так и множественного числа, в то время как в русском языке слово «дебать» имеет форму только множественного числа, поэтому при переводе пришлось заменить форму существительного и, следовательно, форму глагола.

Достаточно распространенным видом грамматической замены в процессе перевода является замена части речи. Для англо-русских переводов наиболее характерны замены существительного глаголом и прилагательного существительным [3].

Ср.:

It's little democrats' hope that they will wail about some perceived slight to a sacred feeling of theirs, frightening people who have never before witnessed the liberals' capacity to invoke synthetic outrage (Ann Coulter, с. 18).

Демократы частично надеются, что они будут вопить о некоем ощущении равнодушия к их священным чувствам, путая при этом людей, которые прежде никогда не замечали способности либералов осуществлять искусственный произвол.

В приведенном выше примере замена существительного "hope" глаголом «надеются» сопровождалась заменой определения обстоятельством. Более существенная перестройка синтаксической структуры связана с заменой главных членов предложения, особенно подлежащего. В англо-русских переводах использование подобных замен в значительной степени обусловлено тем, что в английском языке чаще, чем в русском, подлежащее выполняет иные функции, нежели обозначения субъекта действия, например, объекта действия (подлежащее заменяется дополнением) [3]. А также замена членов предложения привела к перестройке его синтаксической структуры. Такого рода перестройка может происходить и в случаях при замене части речи.

Замена типа предложения приводит к синтаксической перестройке, сходной с преобразованиями при использовании трансформации членения или объединения. В процессе перевода сложное предложение может заменяться простым, главное предложение может заменяться придаточным и наоборот, сложноподчиненное предложение может заменяться сложносо-

чиненным и наоборот, сложное предложение с союзной связью может заменяться предложением с бессоюзным способом связи и наоборот.

Ср.:

You know you have really made it in America when the Left weeps for you (Ann Coulter, с. 8).

Вы осознаете, что действительно сотворили что-то в Америке, если левые оплакивают Вас.

В английском предложении видно, что первые простые предложения, находящиеся в составе сложноподчиненного предложения, соединены бессоюзной связью. Но при переводе на русский язык невозможно сохранить эту бессоюзную связь, так как в предложении она будет утеряна.

Список литературы

1. Казакова Т. А. Практические основы перевода. English ↔ Russian. Учебное пособие. СПб.: Лениздат; Издательство «Союз», 2002. 320 с.
2. Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты): Учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. М.: Вышк. шк., 1990. 253 с.
3. Комиссаров В.Н., Рецкер Я.И., Тархов В.И. Пособие по переводу с английского языка на русский. Ч. II. М.: Высшая школа, 1965. 287 с.
4. Паршин А. Теория и практика перевода [электронный ресурс]. Режим доступа. URL: http://teneta.rinet.ru/rus/pe/parshin-and_teoria-i-praktika-perevoda.htm (дата обращения 03.11.2016).
5. Федоров А.В. Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы): для ин-тов и фак. иностр. яз. М.: ООО «Издательский Дом «ФИЛОЛОГИЯ ТРИ», 2002. 416 с.
6. Швейцер А.Д. Теория перевода. Статус, проблемы, аспекты. М.: Наука, 1988. 215 с.
7. Портал переводчиков [электронный ресурс]. Режим доступа. URL: <http://translations.web-3.ru/intro/equivalents/grammar/> (дата обращения 31.10.2016).

Источники

Coulter A. Guilty. Liberal "Victims" and Their Assault on America. New York.: Three Rivers Press, 2009. 311 p.

GRAMMATICAL TRANSFORMATIONS IN TRANSLATION OF THE AMERICAN POLITICAL JOURNALISM (BASED ON THE BOOK "GUILTY. LIBERAL "VICTIMS" AND THEIR ASSAULT ON AMERICA" BY ANN COULTER)

O.A. Faraponova

Kuban State University, Krasnodar

This article considers the differences in grammatical systems of the English and Russian languages and the use of grammatical transformations in translation of publicistic style texts. The examples are taken from the author's translation of the book "Guilty. Liberal "Victims" and Their Assault on America" by Ann Coulter, New York, 2009.

Index Terms: grammatical transformations, grammatical system, literal translation, parallel syntactic structures.

Об авторе:

Фарапонова Оксана Александровна – преподаватель кафедры теории и практики перевода Кубанского государственного университета; e-mail: kavuoksana@mail.ru

УДК 81'42

ПОРЯДОК ДИСКУРСА В АКАДЕМИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ

И.П. Хурыз

Кубанский государственный университет, Краснодар

Данная статья посвящена рассмотрению термина «порядок дискурса» и особенностям его реализации в академической коммуникации, а именно в дискурсе русскоязычной и англоязычной научной статьи. В представленном исследовании подчеркивается, что порядок дискурса связан с коммуникативными традициями общества и отражает их при конструировании дискурса. Сделан вывод о том, что порядок академического дискурса проявляется в определенных формах подачи информации, которые приняты в обществе и считаются эффективными и современными.

Ключевые слова: порядок дискурса, академический дискурс, автор, научная статья, аннотация, социальные практики.

Люди, участвуя в социальных событиях, обмениваются информацией посредством текстов в письменной или устной формах. При этом текст выступает как часть социального события [5] и не является исключительно лингвистическим феноменом, а представляет социальные практики – порядок дискурса (order of discourse), т.е. набор установленных обществом традиционных форм общения. Социальные практики всегда связаны с конкретными сферами жизни социума и объединяют в единое целое интеракцию (коммуникативное действие), социальные взаимоотношения, участников процесса с их отношениями, знаниями и т.д., окружающий материальный мир и дискурс. Т. ван Лёвен под социальными практиками понимает социально регулируемые способы выполнения действий. По его мнению,

регулирование может достигаться с помощью строгих правил, традиций, под влиянием советов ролевых моделей и известных личностей и т.д. Так как дискурс – это результат социальной когнитивной деятельности, он может служить источником репрезентации социальных практик посредством текстов [10]. В качестве примера социальных практик, реализующих феномен порядка дискурса, Фэрклоу приводит ситуацию урока, иллюстрирующего взаимосвязь социальных коммуникативных традиций и речи, на котором и учитель, и ученики особым образом используют язык, принимая во внимание известные им требования ситуации. При этом аудитория, в которой проходит урок, выступает в качестве физического пространства [5].

М. Фуко отмечает, что термин «порядок дискурса» подразумевает принцип влияния и контроля обществом процессов конструирования дискурса с помощью ряда процедур [6]. Данный феномен особо актуален в дисциплинарном дискурсе, который, чтобы быть принятым в обществе, должен отражать типичные для него правила игры. Соответственно, дискурс конструируется согласно тому, что может быть сказано в рамках дисциплины, какие существуют новые направления и требования, модные тенденции и т.д.

Любой тип институционального дискурса, т.е. дискурса, конструируемого в структуре деятельности институтов общества, является выразителем основных интересов, стремлений, беспокойств и проблем представителей определенной профессиональной сферы. Экономический, юридический, медицинский, академический, строительный и т.д. – примеры институционального дискурса, который, как очевидно, имеет специализированный характер. Так, юридический дискурс иллюстрирует особенности правовой системы общества и специфики взаимодействия ее представителей с обществом. Академический дискурс формируется под воздействием образовательной системы общества и роли знаний в жизни людей, одновременно отражая эти аспекты посредством коммуникативных практик, имеющих место в академическом пространстве (среде). Очевидно, что дискурс – это результат деятельности коммуникантов (речевой, профессиональной и т.д.), имеющей динамичный характер и объединяющей социальное и личное начала. Институциональный дискурс, будучи результатом деятельности индивидов в рамках институтов общества, более строго следует коммуникативным нормам и традициям, формируемым на протяжении многих лет под влиянием социоэкономических, политических, культурных и других событий, происходящих в обществе.

Соответственно, дискурс выступает как мощный информативный инструмент о жизни общества. Главное для определения этой информации – умение качественно анализировать дискурс, чтобы раскрыть все заложенные в нем смыслы. Т. ван Дейк считает, что дискурс следует рассматривать на различных уровнях лингвистики: на уровне синтаксиса, семантики, стилистики, риторики, жанра и т.д., а также на уровне когнитивной

деятельности, отражающей процессы познания и использования языка. Например, при анализе дискурса мы можем отметить повтор, используемый в качестве риторического средства, иронию, метафору, стилистические приемы использования разговорных выражений, к примеру, в выступлении политика и т.д. С точки зрения когниции исследователь обратит внимание на знания, отношения и другие ментальные репрезентации говорящего, которые повлияли на конструирование его речи, а также на то, каким будет эффект от этой речи для адресата. Но дискурс имеет еще и другие особенные характеристики – это феномен практической, социальной и культурной деятельности лингвокультуры. Говорящие реализуют социальные действия в дискурсе, погруженном в культурный контекст. Как подчеркивает Дейк, акцент на связи социального, культурного и деятельностного не исключает внимания исследователя на лингвистических и когнитивных структурах. Наоборот, они формируются под влиянием деятельности представителей общества и реализуются в дискурсе посредством социальной интеракции (в форме разговора или диалога), происходящей в культурном контексте [9].

Целью представленного фрагмента исследования является выявление особенностей проявления порядка дискурса в письменном дискурсе научных статей на русском и английском языках. Рассмотрение академического дискурса как коммуникативного пространства, регулируемого особенностями взаимоотношений в обществе и иллюстрирующего их, позволяет понять специфику существующих взаимоотношений в профессиональной сфере, в которой конструируется данный дискурс, и, соответственно, определить некоторые характеристики порядка дискурса в академической среде. Это достигается нами с помощью структурного анализа, методов качественного анализа – наблюдения, интерпретации, классификации и обобщения, а также дискурсивного и когнитивного анализа. Выводы, представленные в данной статье, были сформулированы на материале корпуса научных статей русскоязычных и англоязычных ученых. Сравнительный характер представленного анализа позволяет нам наиболее ярко охарактеризовать проявление коммуникативных традиций в письменном академическом дискурсе на указанных языках.

Отметим, что порядок дискурса в академической коммуникации проявляется в определенных формах подачи информации, которые приняты в обществе и считаются актуальными. Изменения в этих нормах свидетельствуют и о преобразованиях в самой академической среде. Анализ статей из нашего исследовательского корпуса, как было отмечено выше, проводился на уровне структуры и дискурсивно-когнитивных особенностей. За основу структурного анализа была взята форма, которой типично придерживаются англоязычные научные журналы. Эта форма включает такие компоненты, как введение, методология исследования, результаты, обсуждение результатов, выводы (как отмечает британский лингвист Дж.

Свейлс, это структура IMRD – introduction, methods, results, discussion) [7]. В русскоязычных статьях указанные структурные разделы, как правило, представлены имплицитно; некоторые из них могут отсутствовать. Важным разделом статьи также является аннотация.

Как показывает проведенный анализ, различия в конструировании академического дискурса наблюдаются уже на уровне аннотации. Как нам хорошо известно, цель аннотации – информировать читателя об основной идее научной статьи. Аннотация очень важна, так как может повлиять на то, прочтет читатель статью или нет. Вся информация об исследовании не должна превышать 250 слов – обычный размер данной части научной статьи. В англоязычной аннотации автор формулирует цель статьи, как она достигается, на основании какой теории, а также краткий вывод, к которому приходит автор, например: *This article uses the excited utterance exception to develop a theory of recontextualization, building on research that shows that texts do not merely constitute contexts* (Andrus). В рассмотренных нами русскоязычных аннотациях информация об исследовании представлена очень поверхностно, причем с использованием пассивных и безличных конструкций, например: *В статье рассматриваются коммуникативные стратегии и тактики, используемые профессиональными участниками судебного дискурса с целью достижения истины* (Шишкина).

Интересно, что некоторые журналы с утверждением нового списка научных изданий, вошедших в перечень ВАК, и с усложнением процесса публикации научной статьи в престижном издании стали требовать от автора аннотации, подобной англоязычному журналу. Например, «Вестник АГУ» дает такую информацию для авторов: «Одним из нескольких важных элементов в четкой структуре исследования становится создание краткой его характеристики. Аннотация к научной статье пишется по завершении работы над ней после тщательного редактирования будущей публикации» [1]. В сообщении указана и структура аннотации, которая должна включать цель работы, ее практическую и научную значимость, применяемые методы исследования, выводы, полученные в результате исследования, значимость вклада работы в отрасль науки. Отметим, что обозначенные компоненты аннотации соответствуют англоязычной и указывают на изменение не только роли аннотации в научном сообществе, но и видения способа презентации исследования.

В целом, анализ исследовательского корпуса указывает, что порядок русскоязычного академического дискурса направлен на то, чтобы автор дискурса сам определял основные параметры подачи материала, а читатель уже подстраивался под него, заполняя по мере необходимости пробелы в информации (ориентация на автора). Адресант (т.е. автор статьи) считает, что читатель понимает, о чем он пишет, если нет – это задача адресата найти дополнительную информацию для ее понимания [2]. Как правило, автор полагает, что читатель может определить, какие методы он использовал при

проведении исследования, на какой корпус он опирался и т.д. Это объясняет, почему традиционно русскоязычные научные статьи не имеют четкой структуры, а введение и заключение часто отсутствуют. Сам стиль изложения может характеризоваться высокой степенью имплицитивности.

Для ученых русскоязычной академической среды пока не характерно агрессивное продвижение (как это происходит в англоязычной среде) собственных идей и исследований, в связи с чем порядок дискурса направлен на поддержание некоей анонимности идентичности автора, который часто себя обозначает местоимением «мы», подчеркивая коллективный характер научных достижений и транслируя ожидаемую профессиональную скромность (тактичность). Возможно, данная особенность академического дискурса была сформирована в контексте сильного коллективистского прошлого России [8].

Порядок англоязычного академического дискурса проявляется уже на уровне структуры научной статьи и направлен на четкую идентификацию автора, его вклада в научное направление, в рамках которого он (она) работает. Это связано как с особенностями коммуникации в обществе индивидуалистов [8], так и с высокой конкуренцией в академической среде, в которой ученый (автор) вынужден агрессивно продвигать свои достижения и удерживать внимание адресата, чтобы получать в обмен за свои научные открытия символические и материальные вознаграждения [3].

Уже упомянутая нами структура англоязычной научной статьи, заранее известная автору и читателю, выступает основной формой, с помощью которой ученые представляют информацию. Существует мнение, что активная роль формы при подаче исследования сформировалась под воздействием популярности американского лингвистического структурализма и психологии бихевиоризма. В межкультурном общении подобный подход не учитывает риторические особенности носителей различных языков, их коммуникативные традиции и является своего рода навязыванием дискурсивной деятельности доминирующей социальной группой [4].

Итак, порядок дискурса направлен на выражение типичных и наиболее эффективных форм коммуникации, характерных для той или иной среды. Изменения в особенностях порядка дискурса сигнализируют о преобразованиях в области, в которой он конструируется, возможно, об изменениях в ценностных ориентирах всего общества. Так, говоря о порядке академического дискурса, отметим, что он конструируется под влиянием всеобщего понимания роли образования в обществе, видения в социуме места науки в жизни людей.

Список литературы

1. *Вестник Адыгейского государственного университета* [электронный ресурс]. Режим доступа. URL: <http://philolog.adugnet.ru/> (дата обращения: 30.10.2016).

2. *Хурыз И.П.* Особенности конструирования академического дискурса: ориентация на читателя / автора // *Вестник Майкопского гос. технологического ун-та*, 2015. Вып. 1. С. 77–82.

3. *Canagarajah S.A.* A Geopolitics of Academic Writing. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 2002. 332 p.

4. *Canagarajah S.A.* Critical Academic Writing and Multilingual Students. Ann Arbor: The University of Michigan Press, 2013. 293 p.

5. *Fairclough N.* Analysing Discourse: Textual Analysis for Social Research. London: Routledge, 2003. 288 p.

6. *Foucault M.* Orders of Discourse // *Social Science Information*. 1971. Sage. 10 (2). P. 7–30.

7. *Swales J.* Genre Analysis: English in Academic and Research Settings. Cambridge: Cambridge University Press, 1990. 274 p.

8. *Triandis H.* Individualism and Collectivism. Oxford: Westview Press, 1995. 280 p.

9. *Van Dijk T.* Discourse as Interaction in Society // *Discourse as Social Interaction*. London, 1997. P. 1–37.

10. *Van Leeuwen T.* Discourse and Practice: New Tools for Critical Discourse Analysis. Oxford: Oxford University Press, 2008. 181 p.

Источники

Шишкина Е.В. Коммуникативные стратегии и тактики судебного допроса (на материале русского и немецкого языков) // *Вестник Ленинградского гос. ун-та им. А.С. Пушкина*. 2012. № 1. С. 155–162.

Andrus J. Beyond texts in context: recontextualization and the co-production of texts and contexts in the legal discourse, excited utterance exception to hearsay // *Discourse Society*. 2011. № 22 (2). P. 115–136.

THE ORDER OF DISCOURSE IN ACADEMIC COMMUNICATION

I.P. Khoutyz

Kuban State University, Krasnodar

The article examines the term “the order of discourse” and how it is represented in academic discourse, in particular, in discourse of research articles in Russian and in English. It is stressed that the order of discourse is connected with communicative traditions of society and reflects them during the process of discourse construction. The conclusion is made that the order of academic discourse is presented in certain acceptable in society ways of information transfer that are considered to be effective and modern.

Index Terms: order of discourse, academic discourse, author, research article, abstract, social practices.

Об авторах:

Хутыз Ирина Павловна – доктор филологических наук, зав. кафедрой прикладной лингвистики и новых информационных технологий Кубанского государственного университета; e-mail: ir_khoutyz@hotmail.com

УДК 81'1:81'42

ЗАРУБЕЖНАЯ ЛИНГВИСТИКА О ПРИРОДЕ ИРОНИИ

О.В. Шукшина

Кубанский государственный университет, Краснодар

Целью данной статьи является рассмотрение понятия иронии и различных ее составляющих в определениях зарубежных исследователей. Представлены варианты, в которых ирония имеет тенденцию получить развитие.

Ключевые слова: ирония, юмор, контекст, намеренный обман.

Попытки определить природу иронии на протяжении столетий сталкивались с определенными трудностями. Причиной этому, должно быть, служат разнообразные формы иронии, различные подходы к ее анализу и также тот факт, что само понятие иронии находится в постоянном процессе развития. Кроме того, чтобы анализировать иронию, исследующему необходимо самому понимать ее, уметь улыбнуться или посмеяться, обладая тем, что называется на всех языках «чувством юмора».

Целью данной статьи является попытка охарактеризовать с точки зрения зарубежной лингвистики соответствующие «центральные» качества иронии, а также различные варианты, в которых ирония имеет тенденцию появляться. Очевидно, что сделать это возможно при помощи изоляции ее отдельных свойств, которые являются основоположными для всех форм иронии.

Дж.Дж. Норвич в Оксфордской иллюстрированной энциклопедии определяет иронию как прием, когда говорится одно, а подразумевается другое, часто противоположное. Ирония обычно сопряжена с юмором и сарказмом. Часто в произведении бывает иронически представлен наивный или заблуждающийся герой или рассказчик, который видит мир не таким, каков он есть на самом деле или каким представляется автору и читателям. Так ирония льстит уму за счет героя произведения (или выдуманного рассказчика). Подобное же чувство беспристрастного превосходства порождает и те-

атральная ирония, когда аудитория знает о положении персонажа больше него самого, предвидя результат, которого сам персонаж не ожидает [1].

Британский лингвист-исследователь Д. Кристал дает следующее определение иронии: языковое средство, которое выражает значение действия прямо противоположное тому, что происходит на самом деле [3].

Теоретически иронией можно назвать все, что выглядит или кажется ироническим. На практике с этим не всегда можно согласиться. По мнению австралийского лингвиста Д.К. Мюкке, все, чего мы можем достичь при определении понятия иронии – неустойчивый компромисс между тенденцией ограничить употребление этого слова в том значении, в котором люди его использовали непосредственно в прошлом, и тенденцией применить качественный критерий, а также тенденцией употреблять понятие иронии в любом контексте, который соответствует ироническому по форме, функции и эффекту, который либо постоянно присутствует в иронической ситуации либо частично обладает свойствами уже признанного определения иронии. Исследователь выстраивает подробную классификацию, которая разделяет иронию на следующие элементы: «наивности» или «несомневающегося незнания» (the element of “innocence” or “confident unawareness”); контраст действительной и мнимой (видимой) реальности (the contrast of reality and appearance); комического (the comic element); отстраненности (the element of detachment); экскурс в театральную иронию (excursus on the ironies of the theatre); эстетический (the aesthetic element) [5, с. 24–48]. Имеет смысл рассмотреть каждую составляющую в этой классификации проиллюстрировать их.

Элемент «наивности» или «несомневающегося незнания»

Основная черта иронии – намеренный обман, целенаправленная хитрость; при этом ироническое притворство отличается от обычного тем, что оно предназначено быть очевидным. При этом, конечно, следует понимать, что ирония непонятна и незаметна для ее жертвы, но очевидна остальным присутствующим [6]. Однако существуют ситуации, которые рассматриваются как иронические, хотя в них отсутствует элемент притворства и обмана. Полагают, что некоторые вещи являются результатом нечеловеческого воздействия, то есть олицетворением судьбы, рока. Таким образом, само такое воздействие выступает в роли иронического притворщика/обманщика. Например, когда мы спешим, и у нас рвется шнурок, мы непременно подумаем, что именно что-то в этом роде и должно было произойти, как будто существуют действия, продиктованные судьбой.

И все же возможно ли назвать ситуацию иронической при отсутствии такого нечеловеческого воздействия? Ответ может быть положительным, при условии, что ирония разделена на два вида: 1) иронию, основанную на намерении человека быть ироничным (обычно этот вид иронии называют вербальным, но так как человек может использовать и другие средства, то такой вид иронии можно назвать поведенческим); 2) вид иронии, подразу-

мевающий ситуацию, в которой не участвует субъект иронии, но присутствуют жертва иронии и наблюдатель (данный вид классифицируется как ситуативная ирония, хотя ее можно назвать непреднамеренной, невольной иронией). Таким образом, понятие иронического олицетворения судьбы, рока может являться связующим звеном, с помощью которого концепция иронии может включать различные виды ситуативной иронии [6].

Если ирония может существовать без субъекта иронии, то она может существовать и без притворщика или лжеца. Но в связи с этим «главная характеристика» не исчезает, а только лишь модифицируется. В основе толкования данного утверждения лежит видение жертвы иронии не просто как жертвы чей-то хитрости или видимой реальности. Необходимо нечто большее, чем ошибка, неведение или даже неблагоприятие. Такому обману при создании видимой реальности необходим элемент абсолютной (слепой) самоуверенности или безмятежного неведения. Жертва иронии обязательно должна быть (хотя это происходит довольно часто) сознательно «слепой», необходимо всего лишь показать словом или действием, что объект иронии даже не подозревает, что действие может развиваться или развиться не так, как он искренне полагает. Таким образом, базовым элементом становится безмятежное неведение, которое также может принимать определенные оттенки высокомерия, самонадеянности, самодовольства или наивности, то есть, чем выше степень такой «слепой» уверенности, тем более ярко проявляется ирония.

Искусный субъект иронии может создать ироническую ситуацию без малейшего намека на то, что его действия, слова и т.д. являются мнимыми, показными для достижения иронического эффекта. Таким образом, жертва иронии совершенно не сознает, что ее слова или действия создают совершенно противоположное мнение или понятие; ироник «невинно» притворяется, что также находится в этом совершенном неведении [5, с. 28–29].

Контраст действительной и мнимой (видимой) реальности

Основной чертой каждого вида иронии является контраст действительной и мнимой реальностей. Предполагается, что ироник говорит одно, а подозревает обратное, жертва иронии уверена в искренности ироника и находится в совершенном неведении относительно действительных его (ироника) намерений [2].

В данном случае слово «контраст» достойно особого внимания. Во-первых, для достижения действительного иронического эффекта необходимо противопоставление или несоответствие видимой и действительной реальностей, и во-вторых, если видимость и действительность находятся в своего рода «равновесии», то ирония получается тем выразительнее, чем резче контраст между ними.

Элемент комического

Чтобы назвать высказывание или действие ироническим, оно должно быть одновременно комическим и обидным, причиняющим боль. Но это не

всегда так. Следующий ниже пример, по мнению Д.К. Мюкке, является ироническим, но не несет в себе оттенка горечи:

... but natheless, certeyn,
I kan right now no thrifty tale seyn
That Chaucer, thogh he kan but lewdly
On metres and on rymyng craftily,
Nath seya hem in swich Englissh as he kan
Of olde tyme, as knoweth many a man.

(G. Chaucer, “Canterbury Tales”, Introduction to “The Man of Law's Tale”)

(G. Chaucer, <http://www.librarius.com/canttran/manlawtr/manlawtale039-098.htm>)

Ср.:

...Но что рассказывать, вот в чем беда.
Хотел бы я, чтоб был рассказ прекрасен,
Да нету подходящего в запасе,
Вот Чосер, он хоть мало понимает
В различных метрах и стихи слагает
Нескладно очень, но по мере сил
По-английски как мог переложил
Рассказов много о несчастных дамах
(Д. Чосер, «Кентерберийские рассказы», «Пролог юриста»
перевод И. Кашкина) (Д. Чосер, с. 85)

Когда в иронии наблюдается и обида и развлечение, то данные эффекты неравносильны по своей значимости. Элемент комического, кажется, всегда принадлежал к общепринятым свойствам иронии: противоречие или несоответствие соединялись с действительным и притворным неведением. Ни один человек сознательно и умышленно не противоречит себе, если только это не является его намерением, однако, в таком случае это противоречие нельзя назвать настоящим. Следовательно, мнимая действительность создает психологическое напряжение, которое находит свое разрешение в смехе.

Элемент отстраненности

Элемент отстраненности (detachment) постоянно присутствует в дискуссиях об иронии. При этом можно наблюдать следующие названия этого термина: отделение, расторжение, дистанция, свобода, объективность, бесстрашие, «игра», «учтивость». Свойства этих слов определяют характеристики, свойственные притворной манере ироника или настоящему отношению ироника, а также наблюдателю ситуации, то есть ироническому зрителю.

Концепция отстраненности, как представляется, включает понятия притворства, так как способность ироника к притворству подтверждает степень контроля над непосредственной реакцией. Также кажется, что

данный элемент (detachment) является и характеристикой иронического наблюдателя, который воспринимает ситуацию как спектакль, то есть то, что мы наблюдаем со стороны. То, что наблюдатель иронии чувствует, являясь свидетелем иронической ситуации, можно назвать превосходством, свободой, удовольствием, развлечением. Осознание себя как наблюдателя усиливает его чувство свободы и вызывает удовольствие. Понимание неосведомленности жертвы позволяет ему видеть жертву «связанной» или в «ловушке», тогда как он сам свободен; жертва находится под воздействием эмоций, а наблюдатель спокоен или даже склонен к смеху; жертва доверчива, наивна, легковерна, но наблюдатель критичен, скептичен в своем суждении. Собственное отношение наблюдателя совпадает с отношением того человека, чья реальность является действительной, для него мнимая реальность жертвы является иллюзорной или абсурдной [5].

Экскурс в иронию театра

Список общепризнанных мастеров иронии – Аристофан, Шекспир, Мольер Расин, Ибсен, Шоу, Уайльд и т.д., говорит о том, что существует непосредственная связь между иронией и драматургией, театром. Возможно сама природа драматургии такова, что авторы пьес стремятся представить иронию в театре на сцене. Основными чертами драмы в театре можно назвать следующие характеристики: 1) авторство и продукция; 2) представление (действительное место действия – сцена (и театр в целом), действительное время ограничено и непрерывно – время исполнения пьесы, настоящие плоть и кровь – актеры); 3) разыгрывание роли и ее исполнение; 4) присутствие зрителя; 5) повторение спектакля; 6) действие – сюжет, который ставят на сцене [5].

Последняя черта нашла отражение у Дж.Дж. Сэдживика, который считает «неосознанность» героев пьесы условием создания иронической ситуации, то есть действующие лица пьес представлены реально существующими людьми, которые говорят и двигаются на сцене, и можно подумывать, что они не осознают своего статуса актера. Именно эту неосознанность Дж.Дж. Сэдживик называет главной драматической иронией (“general dramatic irony”). По его словам особое удовольствие, которое дарит нам театр, состоит в том, что это представление жизни, в которое мы не вмешиваемся, но контролируем со своего рода парадоксальным сочувствием отстраненно со стороны. Само отношение заинтересованного зрителя иронично, то есть он является одновременно и зрителем и ироником [7].

Потенциал иронии в театре заложен в самом факте разыгрывания роли, имитации, поскольку ирония включает в себя контраст действительной и мнимой реальностей. Ничто не может быть более обычным в пьесе, чем ироническая ситуация, когда человека принимают за другого. Таким же образом зритель «усваивает» тот факт, актеры играют свои роли, а затем, после спектакля, возвращаются к своей обычной повседневной жизни.

Драматическая ирония становится более яркой, когда превосходящее знание зрителя разделяется одним из героев пьесы, особенно если жертва иронии не подозревает о его присутствии на сцене.

Сущность пьесы состоит в том, что зритель приходит смотреть ее снова и снова, тогда как роман, например, представляет собой что-то, чего мы не читали ранее, но можем перечитать при желании. Иногда даже лучше знать сюжет пьесы заранее перед первым просмотром, что позволит драматургу предпочесть драматическую иронию иронии-неожиданности.

Эстетический элемент

Искусство иронии в ее изящных, тонких проявлениях имеет сходство с искусством рассказчика, который строит план, определяет время и тон своего повествования. Говоря стилистически, ирония – это дендизм, щегольство, чьей основной целью является произведение самого яркого эффекта посредством наименьшей экстравагантности [5].

Чувство иронического подразумевает не только способность видеть иронические контрасты, но и создавать их в голове, строить в уме, а это включает в себя умение представлять, вспоминать или замечать что-то, что могло бы сформировать иронический контраст. По мнению С. Кьеркегора ирония не может существовать в том, кто слишком естественен и наивен, но проявляет себя для того, кто сам иронически развит [4].

Таким образом, в данной статье рассмотрены основные составляющие характеристики иронии в представлении зарубежной лингвистики, составляющие ее природу и сущность: безоговорочное незнание, контраст действительной и мнимой реальности, элемент комического, элемент отстраненности и эстетический элемент, то есть те явления, в которых присутствуют либо лишь некоторые составляющие характеристики, или все, но с незначительным проявлением, но все они показывают те направления, в которых ирония получает свое развитие.

Как представляется, такой подход зарубежных лингвистов к анализируемым понятиям, является довольно продуктивным и может быть использован исследователями для взгляда на проблему с еще одной дополнительной позиции.

Список литературы

1. Оксфордская иллюстрированная энциклопедия. Том 5. Под ред. Норвича Дж. Дж., М.: Весь мир, 2001. 470 с.
2. *Chevalier H.* The Ironic Temper. Anatole France and His Time. New York: Oxford University Press, 1932. С. 42.
3. *Crystal D.* The Cambridge Encyclopedia of the English Language. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. 504 с.
4. *Kierkegaard S.* The Concept of Irony, with Constant Reference to Socrates. London: Collins, 1966. С. 271.

5. *Muecke D.C.* Irony. Norfolk: Cox & Wyman Ltd, Fakenham, 1970. 92 с.
6. *Muecke D.C.* The Compass of Irony. London: Routledge, 1969. 276 с.
7. *Sedgewick G.G.* Of Irony, Especially in Drama. Toronto: University of Toronto Press, 1948. 127 p.

Источники

Чосер Д. Кентерберийские рассказы. М.: Правда, 1988. 85 с.
Chaucer G. The Man of Law's Introduction [электронный ресурс]. Режим доступа. <http://www.librarius.com/canttran/manlawtr/manlawtale039-098.htm> (дата обращения 03.11.2016).

FOREIGN LINGUISTICS ON THE NATURE OF IRONY

O.V. Shukshina

Kuban State University, Krasnodar

The purpose of the given article is to consider the notion of irony and its various constituents as defined by foreign researchers. The variants, in which irony has a tendency to take place, have been presented.

Keywords: irony, humour, context, intentional deception.

Об авторе

Шукшина Ольга Валерьевна – старший преподаватель кафедры теории и практики перевода Кубанского государственного университета; e-mail: olgakolenko@hotmail.com

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ АСПЕКТЫ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Сборник научных трудов

Книга 11

Издается в авторской редакции

Подписано в печать 27.12.2016. Формат 60×84^{1/16}.
Бумага Maestro. Печать трафаретная. Усл. печ. л. 9,82.
Тираж 500 экз. Заказ № 16039.

Кубанский государственный университет
350040, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149.

Издательство ООО «Просвещение-Юг»
350080, г. Краснодар, ул. Бородинская, 160/5.

Отпечатано в типографии ООО «Просвещение-Юг»
350080, г. Краснодар, ул. Бородинская, 160/5. Тел.: 239-68-31.